

ГЛАВА 2

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Минск

А дорога все шла, бесконечная как война, ведь все военные дороги – тупики.

В. Б. Шкловский

Поздним вечером 11 сентября врачебно-санитарный отряд Серафимовского лазарета прибыл в Минск. Ночью старший врач лазарета иеромонах Николай (Муравьев) отправил в комитет телеграмму: «Встречены любовью и вниманием Минского святителя, заботами ректора и корпорации»¹⁹⁴. Однако выделенные для лазарета семинарские помещения персонал смог занять лишь на вторые сутки.

Несмотря на то что в городе уже имелось много лечебных заведений, лазарет здесь оказался очень востребован, поэтому его сразу же развернули не на 50, а на 75 коек. Причем имелась возможность при необходимости расшириться еще больше. Помещения лазарета расположились в основном на втором этаже семинарского корпуса и первоначально включали семь палат для больных и раненых (одна для офицеров), операционную, перевязочную, аптеку, кладовую, ванную, две столовые, жилые комнаты для врачей, сестер милосердия и санитаров. Помещения оказались просторными, светлыми, с прекрасной электрической вентиляцией. Персонал расселился в комнатах на первом и втором этаже. Кухню, кладовую и покойницкую устроили в подвале.

Для укомплектования палат и жилых комнат администрация семинарии предоставила 85 коек, 100 матрасов, 202 подушки, 40 ночных столиков. Между тем многое пришлось приобретать на месте. На складах Красного Креста закупили шкафы для инструментов, операционные столы, офицерские кровати, кое-какие вещи для перевязочной, кухни, столовой и пр. Понадобилось также проводить в помещения электрические звонки, в ванной комнате устанавливать кипятильник, ванны, приспособление для мытья тяжелораненых. Ко всему прочему пришлось ремонтировать привезенные из Петрограда прикроватные столики, так как в дороге часть их разбилась, и на всех попортилась краска¹⁹⁵. Одним словом, первое время занимались обустройством.

17 сентября в присутствии высоких военных чинов и представителей губернской власти состоялось торжественное открытие и освящение лазарета. Однако первые больные и раненые поступили в него лишь в первых числах октября¹⁹⁶. Так началась для Федора Морозова работа в военно-медицинских учреждениях.

Впрочем, в Минске его ожидало разочарование. Здесь он не нашел той деятельности, к которой стремился. Серафимовский лазарет оказался, по сути, тыловым лечебным заведением – вдали от передовой. Раненых в него доставляли

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 81.

¹⁹⁵ Там же. Л. 87.

¹⁹⁶ Там же. Л. 87–88.

немного, в основном больных. Кроме того, старший врач привлек студентов-санитаров к канцелярской работе, которой оказалось чрезвычайно много. Человеку со стороны трудно было даже представить, что в этапном лазарете понадобится столько бумажной работы. Требовалось составлять всевозможные отчеты: раз в день, раз в неделю, раз в две недели, раз в месяц. Необходимо было регистрировать поступающих и выписывающихся, писать просьбы, требования, запросы, ответы, все виды похоронных свидетельств, свидетельства относительно души и имущества, хозяйства и довольствия, свидетельства входящим и выходящим, и прочее, и прочее, и прочее. При этом многие документы готовились в нескольких экземплярах для разных инстанций. Подобные требования были и у хозяйственной части: к складам, Красному Кресту, разным торговцам, отчеты о зарплатах и всех сопутствующих счетах и т. д. Одним словом, нельзя было и шагу ступить, чтобы остался он незаписанным.

И вот вместо оказания помощи истекающему кровью солдату, как мечтал Морозов, приходилось целыми днями большей частью просиживать над заполнением всевозможных бумаг. Естественно, что от такого «служения» душа его скорбела.

Любопытные штрихи к портрету Морозова и некоторые сведения о его деятельности в Минске дает известный еврейский поэт Саул Черниховский, служивший в Серафимовском лазарете младшим врачом. В 1941 году он издал в Иерусалиме небольшой сборник рассказов автобиографического характера, ряд из которых относится ко времени его службы в минском лазарете. Правда, написаны рассказы на иврите¹⁹⁷.

Черниховский с симпатией пишет о Морозове и даже посвящает ему несколько страниц в одном из рассказов. Поэт сообщает, что Морозов, не желая заниматься канцелярской рутинной, настоял, чтобы его освободили от этой работы. Он избрал для себя другую деятельность – просветительскую, «дававшую ему душевное удовлетворение» – занялся небольшой библиотекой, которую еще в Петрограде подготовил для лазарета Учебный комитет при Святейшем Синоде из книг и брошюр назидательного характера. Но вся эта литература без дела лежала на лазаретном складе. Тогда Морозов составил ее каталог и стал выдавать раненым. В свободное от дежурств время он ходил по палатам от кровати к кровати и одним, кто хотел, оставлял книги, другим, по желанию, – садился и читал вслух. Регулярно он делал сообщения о положении в стране и на фронтах, черпая информацию из местных газет и периодических изданий, присылаемых Учебным комитетом. Чтения эти всегда собирали много слушателей. Особый интерес вызывали военные сводки. С началом войны многие газеты, откликаясь на читательский спрос, стали издавать «Экстренные приложения», содержавшие исключительно лишь «Сводку штаба Верховного главнокомандующего». Этим

---

¹⁹⁷ Рассказы С. Г. Черниховского переведены супругой автора О. В. Щегловой (Александровой).

достигалось то, что новая сводка на пять-шесть часов опережала столичные газеты. Экстренные приложения издавали и некоторые минские газеты. Получив свежий номер «экстры», Морозов старался как можно скорее ознакомить с ее содержанием раненых и больных воинов. Новости быстро разлетались по палатам, особенно о крупных успехах русского или союзнического оружия, вызывая огромное оживление.

В свою очередь, из бесед с ранеными Морозов узнавал о жизни на фронте. Каждый новый поступавший в лазарет, кроме тяжелораненых, конечно, непременно становился объектом расспросов. Особенно охотно солдаты рассказывали о своих ранениях, забывая даже про боль, пережитый страх и страдания. Иной сидит, осунувшись, с мучительным выражением на лице, а спросят его: «Как тебя зацепило?», как вдруг оживится и начнет незатейливый рассказ о бое, о германцах, о ранении. Вот ефрейтор 8-го Московского Гренадерского полка Тимофей Котяев, ранен в руку под Ново-Александрией; рядовой 161-го пехотного Александропольского полка Билялетдин Зейнулин, получил ранение в бедро под Вислой; вот рядовой 182-го Гороховского полка Сергей Каракулин, ранен в правую ступню на реке Сан; бомбардир 3-й Гренадерской бригады Никифор Гришин, ранен в кисть левой руки у Красненки; штаб-трубач 50-й артиллерийской бригады Александр Кузилов, ранен в правую голень у Павловиц¹⁹⁸. И у каждого своя история, свои переживания...

Вместе с тем наряду с драматическими и геройскими повествованиями встречались и довольно курьезные истории. Так, например, Морозов во время одного из дежурств стал свидетелем рассказа, поведенного рядовым Лейзеровичем – юным малорослым евреем с «нежным лицом». Поступил он в лазарет с жалобой на боль в плече. Но так как все врачи оказались заняты, Лейзеровича без предварительного осмотра сразу определили в палату. Лишь во время вечернего обхода доктор С. Г. Черниковский принялся выяснять, что с ним случилось:

– Долго ты болеешь?

– Нет, господин врач, только третий день.

– Что с тобой?

– Я не могу, это значит, левое плечо, не могу двигать им, болит.

– У тебя был жар?

– Я не знаю.

– Раньше была боль в плече?

– Нет, никогда.

– Ты прибыл из окопов?

– Нет, только это сейчас шел с моим эшелоном, по пути... В окопе я пока не был.

Лейзерович прибыл в Серафимовский лазарет прямо с поезда, который перевозил его на фронт.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 16–17 об.

– И все-таки, может, ты лежал на земле? – продолжал расспрашивать Черниховский.

– Да, господин врач, я лежал на земле.

– И от этого болит плечо?

– От этого, да, точно от этого.

Это он сообразил верно, что плечо болит после лежания на земле... И Лейзерович рассказал, что на земле лежал всего несколько минут, может только минуту, но тотчас вскочил и пошел.

Черниховский пытался выяснить, было ли место, на котором он лежал, сырым, или он лежал близко к воде, и вообще – как оказался лежащим на земле, если ехал на поезде, как рассказывал.

И тогда юный солдат поведал, что же с ним приключилось:

– Я, то есть две последние роты полка, стрелковый полк номер шестнадцать, мы ехали позавчера в поезде около станции и остановились ночевать. Нам нужно было ждать там всю ночь. Собрались местные к поезду и начали разговаривать с парнями. И местные рассказали, что в то утро летали немецкие летчики и бросали бомбы. Они остались лежать в поле, недалеко отсюда, всего две-три версты. Тогда парни захотели посмотреть, какие они – бомбы, и двое из них пошли смотреть; примкнул к ним и я. И когда мы уже отделились от станции в поле, натолкнулись на большое стадо, и на нас напали собаки, сильные, наглые и страшные, а пастухи далеко отсюда. Собаки напали на нас, и мы оказались в беде... Мы вертелись во все стороны...

Лейзерович рассказывал, и все находившиеся в палате, слушали историю, как трое русских солдат – «героев», совершавших путь на фронт, – повернули тыл, все трое, – к их стыду! – и начали убегать со всех сил и на всех парах, пока не отстали от них пастушьи собаки. Во время этого бегства рядовой Лейзерович повалился на землю, растянувшись во всю длину своего маленького роста, – отсюда у него и было право утверждать, что лежал он на земле. Когда он вернулся в вагон поезда, плечо не слушалось...

Черниховский вспоминал, что давно не смеялись так во второй палате, как смеялись в тот раз: «Смеялись сестры, смеялся дежурный солдат, что стоял на входе в палату, смеялся брат милосердия, библиотекарь лазарета, смеялись все раненые»¹⁹⁹.

Помимо библиотеки и чтений, Морозов еще большее душевное удовлетворение получал в перевязочной, где по собственной инициативе занимался обработкой ног прибывавших в лазарет больных и раненых. «Не было в теле поступающих солдат чего-либо более уродливого, чем ступни ног – по виду и по запаху, – писал Черниховский. – Потому что ноги отекают от большого хождения,

---

¹⁹⁹ תל-אביב: הוצאת שוקן. שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. – ששרגיחובסקי שאול [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 178–180.

и также нет возможности их помыть»²⁰⁰. Каждый поступавший в лазарет солдат в первую очередь препровождался в ванную комнату, откуда выходил вымытым и побритым. Только ступни всегда оставались в неважном состоянии. Грязь с них, конечно, смывалась, но ноги оставались распухшими, желтовато-бледными, с болезненными натоптышами и мозолями на ступнях. Так вот, Морозов, как брат милосердия, нашел для себя занятие в том, что обрабатывал солдатам больные ноги, которыми никто специально не хотел заниматься. Он стал «любителем» этого дела и «занимался с усердием самыми вонючими ногами» – сидел и скоблил. «Как будто скоблил картофель на кухне, – писал Черниховский, – найдя для этой работы наиболее подходящий нож, – нож крепкий, предназначенный для резания гипсовых повязок»²⁰¹. Занимался он этим делом изо дня в день, пока не приводил больные ноги в порядок. Чтобы облегчить Морозову работу, Черниховский придумал для него специальную мазь с химическим элементом, разъедающим плоть. Мазь эта накладывалась на ночь вместе с повязкой на больные ноги для размягчения затвердевших тканей.

Поэт вспоминал, что когда он в слепополуденные часы видел в просторной перевязочной уединенную фигуру Морозова в медицинском халате среди «своего войска», ему казалось, что тот «наслаждается» своей работой. «Но, возможно, мне так только казалось», – добавлял он.

Еще Черниховский пишет, что Морозов очень любил свой знак об окончании Археологического института и всегда носил его на груди. Ему нравилось, что он внешне походил на знак выпускника Военно-медицинской академии, и кто не знал, принимал его за медика.

Во второй половине октября Серафимовский лазарет взбудоражили два чрезвычайных известия. Первое было особенно важным для Морозова. 19 числа из Петрограда пришла телеграмма о том, что лазарету предстоит переместиться ближе к театру военных действий, в связи с чем предполагается преобразовать его в подвижной и передать в непосредственное распоряжение В. М. Пуришкевича, в то время начальника санитарного поезда²⁰².

Другое известие поступило на следующий день после получения телеграммы. Минский губернатор официально уведомил отца Николая (Муравьева) о том, что 22 октября в Минск прибудет император Николай II, который посетит некоторые лечебные заведения города, в том числе и Серафимовский лазарет. Губернатор просил подготовить все к Высочайшему визиту, а также украсить семинарскую лестницу коврами и цветами.

Для минчан приезд государя являлся событием исключительным, особенно в столь тревожное время. С лихорадочной поспешностью жители бросились украшать город, чтобы придать ему как можно более торжественный

²⁰⁰ תל-אביב: הוצאת שוקן – שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – שרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]. [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 203.

²⁰¹ Там же. – С. 204.

²⁰² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 129.

и праздничный вид. Дома, балконы, витрины, перекрестки улиц расцвелись национальными флагами, гирляндами зелени, транспарантами, цветными тканями, коврами, портретами государя и царствующего дома. Городские власти соорудили красивые арки: у Александровского вокзала, на углу Губернаторской и Захарьевской улиц, у здания городской управы, на углу Соборной площади, у Полицейского моста и в других местах. На арках красовались надписи: «Добро пожаловать, Великий Государь!», «Слава Русскому Царю!», «Боже, Царя храни!», «Царствуй на славу нам!», «Царствуй на страх врагам!», «Слава русскому воинству!» Ко дню приезда монарха город буквально «потонул в красивом нарядном уборе». Особенно пышно украсили Александровский вокзал: полы в зале первого класса устлали коврами, обставили тропическими растениями и живыми цветами²⁰³. Не менее усердно к монаршему визиту готовились и в Серафимовском лазарете. Два дня там царила суета. У всего персонала было приподнятое и возбужденное настроение.

Ровно в десять часов утра 22 октября императорский поезд прибыл в Минск. В здании вокзала Николай II принял представителей военного и гражданского ведомства, делегации крестьян, мещанского общества, минской еврейской общины и др. После окончания приема государь под звон колоколов городских храмов проследовал на автомобиле в кафедральный собор, где его встретил епископ Митрофан с сонмом духовенства. В соборе отслужили краткий молебен, после чего Николай II поклонился Минской иконе Божией Матери, приняв в подарок небольшую ее копию. Затем он посетил лазарет Красного Креста имени императрицы Марии Федоровны в доме губернатора и госпиталь на Комаровке. Однако в Серафимовском лазарете государь, очевидно по недостатку времени, не появился, к крайнему огорчению персонала и раненых. В час дня он покинул Минск.

После отъезда Николая II в городе состоялись грандиозные патриотические манифестации, с портретами монарха и национальными флагами. Во главе манифестантов шли учащиеся местных учебных заведений. Многотысячные толпы в течение нескольких часов ходили с пением народного гимна и молитвы «Спаси, Господи, люди твоя» по улицам Минска. При встрече горожане восторженно спрашивали друг друга: «Видели?! Вы видели государя?!» Вечером в городе была зажжена великолепная иллюминация, на улицы снова вышли толпы народа, и до поздней ночи повсюду слышалось пение гимна и крики «ура»²⁰⁴.

Морозова, наверно, не столько огорчило непосещение Серафимовского лазарета государем, его он видел уже не раз, сколько то, что не подтвердилось известие о перемещении лазарета в прифронтовой район. Из каких-то личных соображений отец Николай начал хлопотать о том, чтобы лазарет оставили на месте. Еще перед отправкой в Минск он подал на имя великой княжны Татьяны Николаевны прошение с просьбой взять лазарет под свое августейшее

---

²⁰³ Памятная Книжка Минской губернии на 1915 год. – Мн., 1914. – С. 82.

²⁰⁴ Там же. – С. 86–89.

покровительство. Тогда, в частности, он писал: «Отряд едет в Минск, но всякую минуту он готов двинуться на передовые позиции и все мы с радостью готовы положить свою жизнь за нашего Обожаемого Монарха, Его Царственную Семью и дорогую Родину»²⁰⁵. Теперь же отец Николай не хотел отказываться от той комфортной обстановки, которой пользовался лазарет в стенах Минской духовной семинарии. Уже в середине октября секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я. Н. Ростовцев уведомил его, что государыня и великая княжна Татьяна согласились принять Серафимовский лазарет под покровительство последней. Таким образом, старший врач получил возможность решать при необходимости некоторые вопросы, касавшиеся лазарета, минуя комитет Красного Креста духовно-учебных заведений. На следующий день после посещения Минска императором отец Николай спешно засобиравшись в Петроград, исключив аудиенцию у великой княжны Татьяны, которая приняла его 27 октября в Царском Селе²⁰⁶. Вскоре после этого визита Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из подвижного в этапный²⁰⁷. Это означало, что он пока должен был оставаться в Минске...

К тому времени лазарет развернулся уже на 100 коек, число палат было увеличено до девяти, устроена новая дежурная комната, расширена перевязочная. Но несмотря на это, сколько Морозов ни пытался занять себя работой, свободного времени все равно оставалось довольно много, хотя отец Николай в отчетах писал, что лазарет загружен и персонал переутомлен. Возможно, это было и так, но для энергичного Морозова дел не хватало. Не привыкший сидеть сложа руки, он употреблял свободные часы для ознакомления с местными памятниками старины: осматривал минские храмы и святыни, посещал церковный историко-археологический музей, размещавшийся в Юбилейном доме. Впрочем, церковные памятники в Минске были, в основном, католические и униатские, мало интересовавшие Морозова. Его внимание привлекли лишь несколько старинных рукописей, хранившихся в музее: одна угро-влахийская, другая – на церковно-славянском языке с местным наречием, а также пергаментные грамоты с вислыми печатями в деревянных кустодиях²⁰⁸. Познакомившись с кем-то из здешних любителей старины, Морозов предложил сделать в Минском церковно-археологическом обществе доклад. Приблизительно в январе 1915 года он сделал сообщение о древних Новгородских памятниках, проиллюстрировав его световыми картинками (150 снимков), привезенными из Петрограда. «Минчанам очень понравилось мое сообщение...», – писал он профессору Шляпкину, – они сроду не видели такого искусства, особенно шитья, и мои снимки совершенно их

²⁰⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 1.

²⁰⁶ Там же. Л. 13.

²⁰⁷ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 66.

²⁰⁸ **Кустодия** – металлический, костяной, деревянный и т. п. футляр (коробочка) для защиты от повреждения навесных печатей на старинных грамотах. Кустодии обыкновенно бывали или при печатях большого размера, или при тех актах, которые предназначались для частного употребления.

поразили. <...> Если есть возможность быть полезным для раненых, я стараюсь быть духовно полезен вообще, для ближних»²⁰⁹. Присутствовавший во время доклада Минский епископ Митрофан попросил автора повторить свое выступление для учащихся духовной семинарии и женского епархиального училища.

Несколько раз Морозов организовывал чтение «из русской истории» со световыми картинками и для раненых Серафимовского лазарета. Но все же, как ни старался, он не мог найти в Минске деятельности, соответствующей своим душевным устремлениям и энергии, и от того томился. Его все время влекло на передовую, в гущу событий, где была особенная нужда в помощи и сострадании. «Мне очень хочется выбраться из минских болот, – писал он И. А. Шляпкину. – Работы за последнее время мало, а мне хочется работать. Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего. Или на войне или дома, а жить в благоустроенном лазарете, с полным комфортом, лучше чем дома, в такое тяжелое время даже предосудительно, стыдно. А в Минске жизнь именно такова, особенно за последнее время. Здесь надо искать работы, а не работа ищет работника. Я не хвалю себя. Устройством чтений для раненых и занятый местными памятниками старины я кое-как заполнял свободное время от лазаретных занятий. Но долго так будет? Чтения надоедают, что выдумать еще? Решил лучше ехать в Петроград, заняться прежней работой, может быть, приготовлюсь к какому-нибудь экзамену в Университете (Западной литературе о Гете), да как-нибудь, с помощью друзей, устроюсь в лазарет, а если Бог пошлет, из Петрограда легче, все же, попасть на позиции, куда меня влечет желание. Там, я чувствую, пригожусь более. Моя расторопность там пригодна и я не боюсь смерти, смерти или за славу родины, или за делом милосердия к ближним истекающим кровью, – невинных страдальцев за честь родины; ради них я готов жертвовать всем и жертвую, тому Бог свидетель...»²¹⁰.

Профессор И. А. Шляпкин, пожалуй, был единственным, с кем Морозов в это время поддерживал переписку. Не имея родственников, он мог переписываться только со знакомыми, да и то лишь с теми, кто желал этого. «Совсем меня все покинули, – писал Морозов профессору, – но вот Ваше письмо меня ободрило, порадовало». В своем сиротском положении он особенно ценил сложившиеся теплые отношения со Шляпкиным и его семьей. В письмах он всегда спрашивался о самочувствии Ильи Александровича, его супруги, общих знакомых, делился радостями и невзгодами, старался, как и прежде, чем мог быть полезным профессору. Так, например, Шляпкин попросил раздобыть для своей коллекции какие-либо военные трофеи и непременно желал иметь «кайзеровскую» каску. «До сих пор я Вам еще не добыл каски, – извинялся Морозов в одном из писем, – но меня обнадежили, что достанут. Самому никак не случилось видеть. Ездил в Гродно, но не видел пленных немцев. А если встречались

²⁰⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 19.

²¹⁰ Там же. Л. 21 об.–22.

каска, то поломанные. Для Вас есть штык австрийский. Винтовок германских мало, а если есть, то за них запрашивают 15–18 рублей. Во всяком случае, что возможно приобрету»²¹¹.

Уехать из Минска в Петроград и «начать заниматься» Морозов предполагал в феврале. Вместе с тем его волновал слух о призыве льготников. Он хотел «работать на поле битвы» братом милосердия, а не рядовым, считая, что в таком случае лучше поступить в военное училище²¹². Впрочем, пока это был всего лишь слух. Еще он в глубине души надеялся, что лазарет все же переведут ближе к фронту. Однако во второй половине февраля по ходатайству комитета духовно-учебных заведений Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из этапного в постоянный с предписанием находиться в Минске до конца войны²¹³.

Остаться в тыловом лечебном заведении Ф. М. Морозов более уже не видел смысла и 3 марта 1915 года подал иеромонаху Николаю (Муравьеву) прошение об увольнении из состава лазарета. «Расстройство здоровья лишает меня возможности продолжить службу», – писал он, но, видимо, это был лишь формальный предлог. В тот же день отец Николай подписал прошение, выдав удостоверение «относительно усердного прохождения службы в лазарете»²¹⁴.

6 марта Ф. М. Морозов покидал Минск. Со своими пожитками он отправился на Виленский вокзал. Здание и перрон были полны народом. Около касс толпились огромные очереди. Повсюду виднелись серые шинели военных, толкался всякий люд, чиновники, сестры милосердия, особенно много беженцев, и все с узлами, корзинами, чемоданами, дорожными мешками. Даже в залах первого и второго класса невозможно было найти места, чтобы присесть, а в третьем – сплошная масса солдат, рабочих, женщин, детей, стариков. Многие сидели и лежали на заплыванном полу. Отовсюду раздавались гомон, смех, пение под гармошку. Где-то истошно плакал ребенок. На перроне и вовсе едва можно было протиснуться – там царили давка и неразбериха. Каждый поезд отходил переполненным, а народу не убавлялось.

С началом войны подобная картина на вокзалах крупных городов наблюдалась практически по всей стране. Создавалось впечатление, что вся Россия всполошилась и куда-то ехала. Десятками лет люди сидели дома, не мечтая даже выбраться в ближайший губернский город. И вдруг – снялись с насиженных мест и поехали кто куда: из Петрограда в Тифлис, из Казани в Варшаву, из Варшавы в Киев... Кто-то ехал на фронт, кто-то с фронта, многие разыскивали по госпиталям сыновей, мужей, братьев, отцов, многих война выгнала из их жилищ и они искали пристанища на чужбине. Сбережения, откладываемые по рублику десятками лет, теперь вынимались из сберегательных касс и тратились на железнодорожные билеты, проживание в чужих городах и меньше всего на еду.

²¹¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 22 об.

²¹² Там же. Л. 19.

²¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 158.

²¹⁴ Там же. Д. 247-с. Л. 194.

С трудом Морозов протиснулся к поезду и забрался в вагон третьего класса. Раздался свисток кондуктора, паровоз ответил гудком и рванул состав: вагоны вздрогнули и, ударяясь друг о друга, подались вперед. Поезд медленно покатил, прибавил ходу, и вот уже колеса застучали: в Петроград, в Петроград, в Петроград...

Через несколько дней отец Николай (Муравьев) направил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений ходатайство о награждении Ф. М. Морозова серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте²¹⁵. Однако ходатайство это было лишь принято к сведению.

На Кавказский фронт...

Еще в феврале 1915 года комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи начал организацию подвижного лазарета для Кавказского фронта. Ему, также как и минскому, присвоили имя преподобного Серафима Саровского. Кроме того, по особому ходатайству лазарет был принят под августейшее покровительство цесаревича Алексея Николаевича²¹⁶.

Узнав о формировании нового лазарета, отправляющегося на Кавказ, Морозов в надежде, что будет работать на передовой, попросился в его состав. Вместе с ним туда же записался и его товарищ по 1-му Серафимовскому лазарету – Сергей Занфир²¹⁷. Сделать это было нетрудно, так как в состав комитета Красного Креста духовно-учебных заведений входил профессор Н. В. Покровский, да и председатель, архиепископ Сергей (Страгородский), прекрасно знал лаврского послушника Федора. К тому же Морозов хорошо зарекомендовал себя во время работы в Минске, о чем сообщал в комитет иеромонах Николай. А он, между прочим, был очень недоволен некоторыми студентами-санитарами, давшими повод уже в первом отчете писать, что «поведение их шокирует лечебное заведение»²¹⁸.

Комплектованием кавказского Серафимовского лазарета занимался студент IV курса Петроградской духовной академии француз граф Александр дю-Шайла, человек весьма незаурядный. Морозов был знаком с ним, кажется, еще раньше. Переехав в свое время в Россию и живя в Петербурге, дю-Шайла, подвижный религиозным искательством, часто встречался с духовными деятелями, в том числе и с митрополитом Антонием (Вадковским). Именно по совету владыки он в 1909 году снял дачу около Оптиной Пустыни, где прожил девять месяцев, близко общаясь с монастырскими старцами.

Предполагалось, что в формируемом лазарете дю-Шайла займет должность заведующего хозяйством, однако незадолго до отправки на Кавказ он

²¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 50.

²¹⁶ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

²¹⁷ Занфир Сергей Николаевич – сын капитана (из дворян Херсонской губернии), выпускник кадетского корпуса.

²¹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 89 об.

отказался. В комитете Красного Креста духовно-учебных заведений в это время планировалось организовать передовой санитарный транспорт имени Серафима Саровского для Юго-Западного фронта, возглавить который и предложили графу.

К концу марта состав 2-го Серафимовского лазарета окончательно сформировался. Возглавил его доктор медицины Вениамин Александрович Белиловский, служивший прежде врачебным инспектором города Пскова. В отряд также вошли: младший врач – доктор медицины Афинского университета Феофилакт Константинович Феофилактос; заведующий хозяйством – чиновник Василий Васильевич Шишов²¹⁹; сестры милосердия петроградской Свято-Троицкой общины Домникия Карашевич (старшая сестра), Анна Иодко, Ольга Храповицкая, Анна Браве, Елизавета Клипперсон и монахини Псковского женского монастыря Виталия (Егорова) и Евлогия (Михайлова). Морозова в состав лазарета зачислили агентом для поручений, а С. Н. Занфирова – старшим санитаром. При лазарете имелся и духовник – студент IV курса Петроградской духовной академии иеромонах Иннокентий (Тихонов)²²⁰, хороший знакомый Морозова, так же, как и он, выпускник Археологического института.

Снова в стенах духовной академии организовали проводы, но уже не так многолюдно и представительно. Война стала восприниматься более обыденно, патриотический восторг заметно поугас. Отъезжающих молитвенно напутствовал митрополит Владимир. На Николаевский вокзал вместе с другими провожающими поехал епископ Анастасий. Так же, как и полгода назад, он стоял и благословлял отходящий поезд.

Второй Серафимовский лазарет отбыл из Петрограда в ночь на 30 марта. Путь лежал через Москву, Курск, Новочеркасск в Петровск, откуда поезда, огибая вдоль каспийского побережья Кавказский хребет, через Дербент и Баку направлялись в Тифлис – главный центр тыла Кавказской армии.

Юг России Морозову был совсем неведом и поэтому дал много ярких красок для новых впечатлений, тем более что там уже наступила настоящая весна. Кавказ сразу очаровал его своими чудесными видами, хотя они и уступали, по его мнению, итальяским. А вот Каспийское море, напротив, показалось невзрачным. «Оно не те впечатления дает, которые я уже испытал при виде

²¹⁹ До назначения в Серафимовский лазарет В. В. Шишов служил помощником делопроизводителя мобилизационного отдела Главного управления Российской обществу Красного Креста.

²²⁰ **Иннокентий** (Борис Дмитриевич Тихонов; 22.05.1889–29.10.1937) – архиепископ. Родился в г. Иркутске. Окончил Томскую духовную семинарию, С.-Петербургскую духовную академию (1911–1915) со степенью кандидата богословия и Археологический институт. В 1913 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1914 г. был духовником в подвозном автомобильном перевязочном отряде; в 1915 г. духовник при 2-м Серафимовском лазарете. В 1915–1916 гг. состоял профессорским стипендиатом Петроградской духовной академии при кафедре Церковной археологии. В 1917 г. поступил в число братии Александроневской лавры. В 1918 г. назначен правителем дел Духовного Собора лавры. С 1919 г. занимал должности в Русском отделении Академии истории материальной культуры. В 1921 г. возведен в сан архимандрита. 28 февраля 1922 г. хиротонисан во епископа Ладожского, который значился до декабря 1922 г., когда был осужден на 2 года ссылки в Архангельский край. В 1923 г. осужден на 2 года ссылки в Туркестан. В 1925 г. осужден на 3 года в Соловецкий лагерь, затем снова находился в ссылке. В 1930 г. назначен епископом Благовещенским. В 1931 г. осужден на 3 года лагерей. 19 сентября 1932 г. уволен на покой. После отбытия заключения 19 октября 1933 г. назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. С января 1937 г. – архиепископ Харьковский. С 23 марта 1937 г. – архиепископ Винницкий. В октябре 1937 г. арестован и в ноябре расстрелян.

Адриатического и Средиземного морей, – писал он из Петровска профессору Шляпкину. – Здесь мертво оно – мало чувствуется мощи моря, оно там, в Италии, дышало своими приливами – здесь этого нет. Вода мутная, зеленая. . .» Тем не менее для Морозова здесь все было ново, все занимало его – природа, люди. Профессиональным глазом археолога он сразу обратил внимание на многочисленные курганы, встречавшиеся после Ростова вдоль железной дороги, и даже успел сделать несколько снимков. На станциях он наблюдал «любопытные типы кавказцев», беседовал с солдатами идущих с Кавказского фронта эшелонов. Дух у них был бодрый. О военной кампании на Кавказе солдаты отзывались как о спорте, и воспринимали ее не как войну, а просто как «карательную экспедицию». Внимание всех более занимал Западный фронт, германцы²²¹.

8 апреля Серафимовский лазарет прибыл в Тифлис, где вынужден был задержаться на некоторое время. Здесь персонал лазарета представился главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте – камергеру Высочайшего двора Льву Викторовичу Голубеву (1875 – после 1920), через которого решались все вопросы, связанные с деятельностью учреждений, работающих под флагом Красного Креста. Это был средних лет упитанный человек, с бритым румяным лицом и черными на выкате глазами, походивший, по замечанию современника, на «увенчанного гроздьями Силен». С ним персоналу Серафимовского лазарета, и в частности Ф. М. Морозову, предстояло в будущем еще не раз общаться по самым разным вопросам. А сейчас нужно было укомплектовать лазарет санитарями, обеспечить повозками, лошадьми, палатками и другими предметами, которые не успели приобрести в Петрограде вследствие спешной отправки²²². Так получилось, что основные хлопоты об этом легли на плечи Ф. М. Морозова не только потому, что он состоял агентом для поручений, но и потому, что заведующий хозяйством В. В. Шишов с первых же дней показал себя человеком бездеятельным. Но вскоре выяснилось, что в Тифлисе очень трудно достать все необходимое для доукомплектования лазарета. Приходилось чуть ли ни каждый день ходить в санитарное управление и буквально выпрашивать каждую вещь. Здесь практически невозможно было достать ни хороших лошадей, ни обоза, ни белья, ни многого другого. А время шло. . .

Впрочем, остановка в Тифлисе дала любознательному Морозову много интересного и полезного. Он решил воспользоваться свободным временем для обозрения города – достопримечательностей и древностей. При этом он не просто осматривал памятники, а делал фотоснимки и даже гипсовые слепки небольших фрагментов декора. К сожалению, древний Тифлис к тому времени мало сохранил старины. Все храмы, начиная с Сионского собора, были перестроены, древнего от них остался лишь один план. Внутри Сионский собор так

²²¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 11.

²²² Обзор деятельности учреждений, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Российского Общества Красного Креста на Кавказском фронте за май, июнь и июль месяц 1915 года. – Тифлис: Электротпечатня Тифлисской № 2 тюрьмы, 1915. – С. 52.

же не имел древностей, все было новое: фрески, иконы, иконостас. Одним только грузины гордились, это митрой экзарха, но и та была ценна лишь камнями. Вот хранившийся в Сионском соборе крест святой Нины – Просветительницы Грузии – действительно являлся большой реликвией. Сделан он был из толстой виноградной лозы и обвит, согласно преданию, волосами подвижницы. Длину имел около 90 сантиметров и ширину – чуть больше 50. Осмотрев реликвию детально, Морозов пришел к выводу, что это собственно не крест, в привычном смысле, а верхняя часть посоха святой Просветительницы. Если крест когда и был, заключил он, то о нем остались лишь воспоминания. Действительно, следы слома в нижней части креста свидетельствовали о том, что он имел некогда большую длину. Однако это нельзя было увидеть простому паломнику, так как крест был обернут парчой и вложен в окованный чеканным серебром киот. Очевидно, Морозову крест показывали в открытом виде.

«Здесь армяне и грузины стараются придать большую древность даже поздним храмам, а истинные древности хранить не умеют, – писал он профессору И. А. Шляпкину. – Жаль, что музеи закрыты, предметы древности из них вывезены в Москву»²²³. И было о чем сожалеть: в тифлиских музеях действительно имелись замечательные собрания. Наибольший интерес, конечно, представлял Кавказский музей, однако его закрыли еще до войны в связи с постройкой нового здания. Интересен был и Церковный музей Грузинской епархии, устроенный при Сионском соборе. Но, увы...

Зато тифлиские антикварные магазины армян и персов изобиловали «предметами старины» – подделками. Наверное, нигде нельзя было встретить такого количества подделок, как здесь.

Побывал Ф. Морозов и в Мцхете, где на него огромное впечатление произвел монастырь. Общаясь с местными священниками, он узнал, что практически у каждого из них имеются древние пергаментные рукописи на грузинском языке, старинные Евангелия и другие церковные книги. Ему показывали эти реликвии, но снимать не давали. Один священник, служивший в храме, построенном Платоном Иоселиани и в нем погребенном, показал Морозову две древние рукописи: одну с «интересными заставками и миниатюрами», а другую «очень интересную» пергаментную. В разговоре священник сказал о первой рукописи: «...если мне денег не дадут, то за дешевку отдам в Музей кавказских древностей». А про пергаментную заявил, что завещал положить рукопись ему под голову в гроб. Услыхав такие речи, Морозов не сдержался и сказал, что тот посягает на большое преступление: «Век Вам будет проклятие за гибель столь великой цены». Он советовал священнику подарить рукопись в музей, а для себя разрешить сделать с нее фотографии. Однако тот снять не позволил. «И сколько подобных батюшек хранят у себя древности, скрывая от глаз посетителя и тая при церкви, краденое, если не ими самими, то предками из храма», – отмечал он с горечью²²⁴.

²²³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 42 об.

²²⁴ Там же. Л. 42 об.–43.

Как-то раз Морозов наблюдал, как по одной из тифлисских улиц вели партию пленных турок. Его совершенно поразило то, что они были больше похожи на оборванцев, чем на солдат. Картину эту он не преминул заснять на фотоаппарат.

Во второй половине апреля Морозов вместе со старшим врачом Белиловским ездил в Дербент, чтобы купить лошадей. Но белье для лазарета и некоторые предметы инвентаря по-прежнему невозможно было нигде достать. 21 апреля Белиловский отправил в Петроград телеграмму уполномоченному комитету Красного Креста духовно-учебных заведений С. А. Родосскому, которого просил привезти все необходимое. А до его приезда Серафимовский лазарет не мог отправиться в район назначения.

В Тифлисе персонал лазарета пополнился еще четырьмя сестрами милосердия (П. Храбровой, М. Наумовой, Л. Ивановой, О. Жданко) и студентами-добровольцами Н. Ф. Жилиным (студентом IV курса Московского университета) и В. Н. Певцовым²²⁵.

«Через 4-е дня отправляемся на позицию, – писал Морозов в начале мая И. А. Шляпкину. – Работать предстоит под огнем. Я верю в Бога. Что же, если суждено мне умереть славной смертью героя, в деле милосердия, то это будет лучшая для меня награда и утешение за все земные горести. Должен же я быть полезным св. Церкви и родине. Надо стряхнуть с себя застой монастыря, где я чувствовал умирание жизни. Я один там был, не было людей, с которых я мог брать пример и ободрение к труду. Здесь все работают на благо ближних, все относятся к делу с любовью, а где любовь к делу, там истинная жизнь. Дорогой Илья Александрович, утешьте хоть Вы несколькими строками письма. Никто не пишет. Скука»²²⁶.

Предположения Морозова на скорый отъезд, однако, снова не оправдались. Родосский приехал в Тифлис только 9 мая, привезя для лазарета белье и кое-какие предметы хозяйства. Но и после его приезда пришлось задержаться еще на неделю.

Когда лазарет, наконец, был укомплектован и готов к отправке, 14 мая экзарх Грузии архиепископ Питирим (Окнов) совершил для его персонала в Тифлисском военном соборе напутственный молебен. На нем присутствовала целая группа высоких гостей во главе с супругой наместника российского императора на Кавказе статс-дамой графиней Е. А. Воронцовой-Дашковой²²⁷.

Еще почти сутки понадобились на погрузку имущества лазарета в специальный товарный поезд с одним пассажирским вагоном третьего класса для персонала. Грузились на станции Навтлуг.

16 мая Серафимовский лазарет отбыл в Карсскую область в распоряжение 2-го Туркестанского армейского корпуса. Из Тифлиса он направился в город

---

²²⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429. Л. 26 об.–27.

²²⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 43.

²²⁷ Обзор деятельности учреждений... – С. 53.

Боржом, откуда по шоссейной дороге двинулся через Ахалкалаки на Ардаган. Там старший врач В. А. Белиловский должен был лично встретиться с командиром корпуса генерал-лейтенантом М. А. Пржевальским для получения дальнейших распоряжений. Переход оказался чрезвычайно трудным. Дороги были запружены войсками, к тому же оказались очень плохи, а местами совершенно отсутствовали. Кроме того, пришлось пробираться через высокие перевалы, горы, ущелья, переходить горные потоки и оползни, образовавшиеся из-за сильных ежедневных дождей. На склонах гор валялись трупы убитых турок. До них никому не было дела, тела никто не убирал и они разлагались, наполняя воздух тошнотворно-сладковатым запахом. Война дорогой чувствовалась все больше и больше...

Прибыв через десять дней в полуразрушенный Ардаган, отряд лазарета временно разместился в доме Бакаджарова. Лазаретный обоз, двигавшийся на 30-ти фургонах, из-за плохих дорог и «отсутствия перевозочных средств на этапных пунктах» сильно отстал. И хотя он еще как-то продвигался благодаря исключительно содействию полковника Жеребцова, его скорого прибытия ожидать было нельзя. Пока дожидались обоза, Белиловский побывал у генерала Пржевальского. Как выяснилось, окончательного решения о месте размещения Серафимовского лазарета принято еще не было. Первоначально командир корпуса хотел отправить его в селение Соляные Ломки, однако командующий армией предложил направить его в Пеняк, так как в Соляных Ломках не имелось для лазарета свободных помещений. Между тем их не оказалось и в Пеняке. Тогда решили разместить лазарет в Ольтах. Но, когда он уже готовился к отбытию, Белиловский в последний момент получил распоряжение отправиться в селение Коссоры Карсской области, где освобождалось место, занимаемое перед этим этапным лазаретом Всероссийского Земского союза. Селение это находилось на полпути между Мерденеком и Ольтами, рядом с большой шоссейной дорогой, по которой шла эвакуация больных и раненых из Ольтинского района.

Сопровождавший отряд Серафимовского лазарета С. А. Родосский распрощался в Ардагане с персоналом и отправился обратно в Петроград. С ним Ф. М. Морозов передал для К. К. Буллы пачку фотопленок, снятых на Кавказе. Через некоторое время Морозов писал имениному фотографу: «Карл Карлович, я с библиотекарем Петроградской Духовной Академии С. А. Родосским послал Вам пачку пленок для того, чтобы Вы выбрали то, что подходит для журнала. Если получили, сообщите, пожалуйста, доставил ли он их Вам. Если нет, то напомните ему по телефону или пошлите к нему в Духовную Академию. Пожалуйста, мои негативы никому не отдавайте, особенно те, которые у Виктора Карловича. <...> Храни Вас Господь. Всем привет»²²⁸. Насколько можно судить, Морозов довольно тесно общался с семьей Буллы, но, к сожалению, других материалов об их сотрудничестве разыскать не удалось.

²²⁸ Из личного архива Михаила Анатольевича Парталы (Санкт-Петербург).

Три недели в общей сложности понадобилось Серафимовскому лазарету, чтобы добраться из Тифлиса к месту назначения. Во время этого путешествия Ф. М. Морозов наблюдал, как богатый растительностью красочный кавказский пейзаж постепенно сменялся однообразными видами Армении. Ее обширные холмистые поля навевали монотонную скуку. Можно было проехать десятки верст, а перед взором простирался все один и тот же зеленовато-серый ковер – ни деревца, ни кустика. Редко-редко встречались селения такого же цвета, как поверхность этого необъятного поля, неприметные, теряющиеся на общем ландшафте. Похожие на глиняные бугры жилища часто совершенно не имели вокруг никакой растительности, и лишь кое-где высились груды свеженарезанного кизяка. Среди селений вплотную к саклям ютились кладбища, издали казавшиеся стадами тесно лежащих рыжих и черных коров. Крестов на могилах не было, их заменяли большие камни, обтесанные в виде гробниц. Единственным украшением Армении были горы с их крутыми обрывами, бездонными пропастями, ущельями, сосновыми лесами, горными реками и ручьями²²⁹.

Прибыв 3 июня на место, Серафимовский лазарет буквально за пару дней развернулся на 100 кроватей, начав прием больных и раненых. Расположился он в восьми палатках, две из которых служили перевязочной и аптекой, а остальные предназначались для больных и раненых. Помимо палаток из досок были построены часовня для совершения богослужений, столовая для персонала, барак для команды санитаров, вещевого цейхгауз и навес для прачечной. Персонал разместился в восьми палатках разной величины и двух юртах²³⁰. Отец Иннокентий и Федор Морозов устроили для себя «палаткообразные шалаши из брезентов».

Селение Коссоры находилось на левом берегу маленькой речки Агундирки, высоко в горах, спускавшихся к ее долине множеством искусственных террас. Однако место это, несмотря на прекрасный горный воздух, оказалось не очень удачным для размещения лазарета. Из-за отдаленности от шоссейной дороги сюда было сложно доставлять больных и раненых. Хотя комендант Коссор устроил к селению хороший подъездной путь, подъем все же был очень крутой и в дождливую погоду ни повозки, ни автомобили не могли по нему проехать, так что больных и раненых приходилось выгружать внизу и нести к палаткам на носилках. Кроме того, работа в лазарете затруднялась тем, что его помещения располагались на нескольких террасах, лежащих на различной высоте.

Впрочем, лазарет в первое время был не сильно загружен, приняв за июнь–июль не многим более 200 человек. Еще в самом начале корпусный врач предупредил, что в Коссоры лазарет направляется временно и скоро будет передвинут ближе к позициям, в горный район. А пока порекомендовал укомплектовать

²²⁹ Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – Т. 2. – С. 187.

²³⁰ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

его вьючными носилками, о приобретении которых и завязалась переписка с комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений. Однако к огромному огорчению Морозова уже в начале июля деятельность лазарета омрачилась скандалом, возникшим вокруг старшего врача В. А. Белиловского и некоторых сестер. Их предосудительное поведение стало известно и дошло до начальства. Массу нареканий в свой адрес вызывал и заведующий хозяйством В. В. Шишов. Вместе с тем слабая загруженность работой негативно отражалась на персонале: дисциплина упала, начался флирт, интриги и другие неприглядные вещи. Все это выглядело особенно неблагоприятно, так как лазарет был сформирован духовным ведомством, носил имя преподобного Серафима Саровского, а также августейшее имя цесаревича Алексея Николаевича.

Одной из первых, не выдержав пошлой жизни Белиловского и опасаясь за репутацию лазарета, забила тревогу сестра милосердия Ольга Храповицкая – племянница архиепископа Антония (Храповицкого), иерарха, широко известного в церковных и светских кругах. Она написала дядюшке письмо, в котором сообщала о происходящих безобразиях и просила повлиять на ситуацию.

Когда известия о нестроениях в лазарете дошли до комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, в Коссопы для выяснения обстановки немедленно выехал уполномоченный С. А. Родосский. Положение дел там действительно оказалось «весьма печальным», сообщения о внутренних беспорядках подтвердились. Уполномоченный пришел к неутешительному выводу, что пребывание лазарета на Кавказском фронте бесперспективно. По его мнению, часть персонала необходимо было уволить, а лазарет перевести на Западный фронт, прикомандировав к передовому санитарному транспорту.

Получив сообщение С. А. Родосского, комитет предпринял решительные меры. Белиловский «за несоответствующее его званию поведение» был отстранен от управления лазаретом²³¹. Вместе с ним увольнялся и Шишов, правда, оставленный пока при лазарете до прибытия нового завхоза. Уволили также некоторых сестер милосердия и двух вольнонаемных санитаров (С. Н. Занфирова и В. Н. Певцова). Руководство лазаретом временно поручили младшему врачу Ф. К. Феофилактосу, которого уполномоченный аттестовал как человека «высокой честности и нравственности»²³².

Несмотря на принятые меры, дисциплина в лазарете оставалась расшатанной. 17 августа старшая сестра направила архиепископу Сергию (Страгородскому) телеграмму с просьбой убрать из лазарета некоторых сестер. «Не имею права допускать безобразия, которые делают они мне по ночам, гуляют с офицерами, ночью хохот, топот и крики мне делают неприятность. Мои замечания пренебрегают», – писала она²³³. В результате из лазарета отправили еще нескольких сестер и вольнонаемных санитаров.

²³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 390.

²³² Там же. Л. 372.

²³³ Там же. Л. 379.

С отъездом в начале августа части персонала жизнь в лазарете практически замерла: из-за малого количества больных и раненых он почти пустовал. Будущее его оставалось неопределенным. Такое положение дел угнетающе действовало на Морозова, жаждавшего работы, причем работы кипучей. В числе немногих он оказался непричастен к внутренним скандалам и ссорам и очень сильно переживал из-за развала лазаретной жизни. Предполагая, что лазарет в скором времени будет реорганизован и переведен на Западный фронт, Морозов написал письмо архиепископу Сергию (Страгородскому) с просьбой прикомандировать его в качестве брата милосердия в передовой санитарный транспорт. Он, в частности, отмечал, что год работает в лазаретах и имеет хорошие отзывы врачей. «Наконец я мог бы оказывать услугу своей фотографией, – писал Морозов, – запечатлевая беспристрастно жизнь и тем самым деятельность Комитета Духовных Учебных Заведений в нынешнюю отечественную войну, что могло бы быть лучшей ее иллюстрацией. Владыка, Вы меня знаете. Я, как объявлена война, покинул мирную обстановку Лавры, оставил свой архив, а главные занятия в университете, где они последние годы шли успешно. Все это я сделал исключительно для того, чтобы не быть безучастным к жизни родины в настоящее время. Воспитанный Церковью в любви к ближнему я добровольно избрал путь милосердия, не гнушаясь его тяжестью и вот теперь очутившись в бездеятельном лазарете, печально покончившим дни на Кавказе, я остаюсь непричастен ни к какой стороне его, исключительно желая работы и работы, а таковой вовсе нельзя ждать на Кавказе, где бои бывают раз в 2–3 месяца, умоляю Ваше Высокопреосвященство перевести в передовой санитарный транспорт, где я надеюсь принести делу пользу и оправдать Ваше доверие»²³⁴.

Предполагая, что вскоре придется покинуть Кавказ, Морозов сожалел вместе с тем, что не сможет теперь осуществить еще одну заветную мечту – попасть в Константинополь, где он надеялся оказаться вместе с русским десантом, который по слухам планировало командование. Не зная, впрочем, как именно он сможет попасть в десант, Морозов, тем не менее, жил этой мечтой. Он обращался за содействием к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому, который обещал помочь с устройством в санитарный транспорт при предполагаемом десантном отряде. Однако никаких новостей об этом не было²³⁵.

В бывшую столицу Византийской империи Морозов стремился попасть как археолог-фотограф. Город этот, изобилующий древними христианскими памятниками, завораживал его воображение. И вот теперь мечта, казалось, ускользала безвозвратно...

Желание попасть в Константинополь было не случайным. Отправляясь на Кавказский фронт, Ф. М. Морозов получил от Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины поручение вести регистрацию памятников

²³⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 373 об.–374.

²³⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

церковной старины «путем фотографирования, зарисовывания и определения состояния их сохранности»²³⁶. Буквально с первого дня пребывания на Кавказе он использовал для этого всякую возможность. Уже за несколько месяцев Морозову удалось сделать самому, а также приобрести у фотографов-профессионалов и любителей много фотоснимков древностей Сванетии, главным образом церковных. Многих памятников, запечатленных на этих фотографиях, к тому времени уже не существовало – они были безвозвратно утеряны. Большинство приобретенных снимков принадлежало, видимо, к фотороботам замечательного русского фотографа Дмитрия Ивановича Ермакова (1845–1916), сделанными им во время поездки по Сванетии в 1912 году. Их можно было приобрести в Тифлисе, где у Ермакова имелись собственные фотоателье. Неутомимый фотограф и путешественник, побывавший в различных уголках Грузии, Армении, Азербайджана, Персии, Турции и северного Кавказа, Д. И. Ермаков создал к тому времени обширные фотографические серии, часть из которых – более 25 тысяч негативов – была опубликована в 1896 и 1901 годах²³⁷. Одни только церковные древности Кавказа, включающие ландшафтную съемку и репродукции фресок, каменной резьбы в интерьерах и предметов церковного обихода, насчитывали порядка 20 тысяч негативов. По сравнению с таким богатым собранием коллекция Ф. М. Морозова выглядела довольно скромно, составляя в это время около 500 снимков. Впрочем, его задачей была именно регистрация памятников, а фотосъемка являлась лишь одним из средств для этого.

Собственные фотографии развалин храмов и крепостей Морозов сделал, в основном, в окрестностях Ольт, куда выезжал с лазаретными двуколками за ранеными. Снимал он и в Карсе, где также бывал по делам лазарета. Это был чрезвычайно унылый и мрачный на вид город. Низкие каменные домишки, почти сакли, разбитые ухабистые мостовые, полуразвалившиеся длинные стены-заборы, десятка два убогих лавчонок вместо магазинов – вот и все, что именовалось областным городом Карсом, уже почти сорок лет находившимся во владении России. Мрачную картину дополняло отсутствие какой-либо зелени и темные голые скалы хребта, возвышающегося над городом. Согласно местной легенде именно здесь Каин убил своего брата Авеля. Единственное, что могло привлечь в Карсе внимание Морозова, это армянский собор X века и старинная турецкая цитадель, имеющая вид обширного замка с несколькими полукруглыми выступами стен.

Сообщая в это время о своем собрании фотографий профессору С. Ф. Платонову, Морозов писал, что среди «работы делу милосердия» всячески старается

²³⁶ Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 10.

²³⁷ *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Коллекция из 18-ти тысяч. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1896. – 333 с.; *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Продолжение каталога 1896 года: Коллекция состоит из 25 тысяч видов. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1901. – 137 с.

быть полезным делу археологии – «помочь настоящим ее труженикам»²³⁸. Сожалея о том, что его надежды попасть в десант на Константинополь или пройти Армению, фотографируя «богатые развалины храмов», рушатся, он высказывал одно робкое предположение. Морозов спрашивал у профессора, нет ли возможности устроить его при штабе 2-го Туркестанского корпуса, располагавшегося в Ольтах, для работы исключительно по регистрации памятников. В случае же неосуществимости этого, просил помочь с устройством в передовой перевязочный пункт или санитарный транспорт. «Там я могу лишь быть полезен, – писал он. – В тыловых учреждениях много сестер и жизнь там нашему брату очень и очень тяжела, тяжела не в смысле работы, а личная, как мужчины; там на нас смотрят как на лишний элемент. Работать я готов на западе или на Кавказе не щадя жизни лишь бы была работа, а не сиденье и ожидание особых больных как это было у нас в Коссорах, где старший врач приехал не работать, а наслаждаться воздухом, за что правосудие его жестоко хоть и чрез пол года наказало»²³⁹.

Своими переживаниями Морозов делился в это время и с профессором И. А. Шляпкиным. Он писал, что по-прежнему надеется попасть на передовую, что «плохо работать, где много сестер», что сестры «неопрятны и самолюбивы» и большинство врачей свидетельствуют об их непригодности в передовых и этапных лазаретах. Морозов сообщал, что подумывает поступить в школу прапорщиков, но не знает, что для этого нужно и куда обратиться. «Лучше испытать боя за родину, – заключал он, – чем интриг лазарета... Слава Богу, что Бог хранил меня от всех историй..!»²⁴⁰

Между тем 20 августа в должность старшего врача лазарета вступил доктор Гергард Фридрихович Холлман – человек серьезный и энергичный²⁴¹. Прибыли новые сестры милосердия. В это же время к лазарету был прикомандирован в качестве зауряд-врача²⁴² студент Юрьевского университета Александр Михайлович Ткаченко. В его лице Морозов вскоре приобрел хорошего товарища, с которым суждено было в будущем пережить вместе немало невзгод и трудных ситуаций. А вот иеромонах Иннокентий (Тихонов) оставил лазарет. Он отпросился в шестинедельный отпуск, так как с наступлением учебного года ему необходимо было выехать в Петроград для выяснения своего положения «как студента духовной академии». Кроме того, какие-то семейные обстоятельства звали его в Пензу и Томск, где проживали мать-вдова и брат. Перед отъездом он договорился, чтобы вместо него все требы исполнял священник стоявшего по соседству лазарета 5-й Туркестанской стрелковой бригады – иеромонах Иоасаф

²³⁸ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 1–1 об.

²³⁹ Там же. Л. 2–2 об.

²⁴⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

²⁴¹ Г. Ф. Холлман являлся доктором медицины Юрьевского университета.

²⁴² **Зауряд-врач** (правильно: «зауряд-военный врач») – аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам 4 и 5 курсов мединститутов, медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии с 1894 г. при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время.

со своим церковником. Но богослужебные предметы, принадлежавшие Серафимовскому лазарету – антиминс, дарохранительницу и икону «со святыми мощами», отец Иннокентий отвез в Тифлис, передав на временное хранение Горийскому епископу Антонию (Георгадзе), викарию экзарха Грузии²⁴³. Выезжая на время, на Кавказ иеромонах Иннокентий уже не вернулся. С его отъездом Морозов потерял единомышленника, с которым сближали не только духовные идеалы, но и общие интересы – как выпускников Археологического института.

Оставил лазарет и Ф. К. Теофилактос, не пожелавший снова переходить на должность младшего врача²⁴⁴.

С назначением доктора Г. Ф. Холлмана лазарет быстро наполнился больными, и работа в нем оживилась. Старший врач вскоре сообщил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, что не видит смысла в переводе Серафимовского лазарета на Западный фронт. По его мнению это было сопряжено с большими трудностями организационного характера, серьезными материальными затратами и громадной потерей времени. Он указывал, что работы хватает и здесь. Если нет раненых, то очень много больных, «которые не менее тех вправе рассчитывать на медицинскую помощь»²⁴⁵. И действительно, располагавшиеся по соседству в Коссорах лазареты 5-й Туркестанской бригады и Всероссийского Земского союза буквально не знали отдыха. Больных у них было так много, что даже не хватало помещений. И когда доктор Холлман стал принимать больных в Серафимовский лазарет, врачи-соседи ему были за это очень благодарны. Его предшественник, Белиловский, принимал преимущественно раненых, а больных только по крайней необходимости, и то лишь хирургических. Именно поэтому при Белиловском лазарет большую часть времени пустовал. Но теперь все изменилось – он был полон²⁴⁶.

Позицию Холлмана поддержал и отец Иннокентий (Тихонов), описав в Петрограде положение дел. В результате лазарет оставили на Кавказе.

В начале сентября старший врач получил телеграмму главноуполномоченного, в которой тот, указывая на распоряжение военного начальства, просил спешно расширить лазарет на 200 коек для принятия тифозных больных. Уже через два дня все необходимое было получено из Карского склада Красного Креста: два больших госпитальных намета из крепостного госпиталя, дополнительное оборудование и пр. Кроме того, военное ведомство прислало 15 нижних чинов – санитаров, а управление Красного Креста обещало командировать женщину-врача²⁴⁷. Вскоре в штате появился и фельдшер – Георг Степанович Погосян.

²⁴³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 107.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 372.

²⁴⁵ Там же. Д. 247-р. Л. 385–385 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 385 об.

²⁴⁷ С 10 сентября по 19 ноября 1915 г. в Серафимовском лазарете работала врач С. Л. Стояновская. 7 ноября 1915 г. к лазарету была прикомандирована врач Хана Шмерковна Шехтер-Ревуцкая; 29 февраля 1916 г. переведена в 9-й Кавказский передовой отряд младшим врачом; 29 июля 1916 г. командирована в 4-й Кавказский подвижной лазарет; 9 ноября 1916 г. оставила службу по собственному желанию.

Ввиду расширения лазарета доктор Холлман решил перенести его на новое место, несколько ниже, туда, где незадолго до этого располагался ветеринарный лазарет. Его по настоянию Холлмана переместили еще в августе, так как вокруг животных разводились «неимоверные рои мух, грозившие разнесению заразы по всем окрестностям». Новое место оказалось более удобным, так как вся его площадь лежала на одном уровне без значительных уступов, а кроме того, находилось гораздо ниже, что облегчало подвоз больных.

В разгар работ по перенесению и расширению лазарета Ф. М. Морозову пришлось временно принять обязанности заведующего хозяйством. Занимавший эту должность В. В. Шишов, как говорилось, уже в Тифлисе показал себя совершенно бездеятельным человеком. Еще тогда старший врач В. А. Белиловский обратил на это внимание приехавшего из Петрограда С. А. Родосского и просил заменить Шишова другим лицом. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений обещал прислать нового человека и даже называл кандидатуру, однако пока так никто и не появился. По прибытии в Коссоры, во время разворачивания и обустройства лазарета, завхоз тоже практически ничего не делал. И теперь, когда снова начиналась напряженная работа, подобная бездеятельность становилась совершенно недопустимой. Не желая терпеть этого, доктор Холлман обратился к главноуполномоченному Л. В. Голубеву с просьбой принять какие-либо меры. «С Шишовым работать невозможно, буквально ничего не делает», – констатировал старший врач. 10 сентября Голубев отправил в Петроград телеграмму, в которой, свидетельствуя о бездеятельности Шишова, требовал его удаления. Он просил комитет духовно-учебных заведений незамедлительно сообщить, будет ли командирован новый заведующий хозяйством. «В интересах дела необходимо, чтобы таковой срочно выехал, – говорилось в конце телеграммы, – в противном случае буду вынужден заменить Шишова из имеющихся у меня кандидатов»²⁴⁸. Из комитета ответили, что новым заведующим назначен выпускник Петроградской духовной академии кандидат богословия Борис Тимофеевич Винник²⁴⁹, который через несколько дней выезжает на Кавказ.

Пока ожидали нового завхоза ведение хозяйственных дел поручили Ф. М. Морозову, который уже успел зарекомендовать себя человеком ответственным, энергичным и дельным, на которого действительно можно было положиться. Это назначение, хотя и временное, обрадовало Морозова, так как давало поле для деятельности, чем он и поспешил воспользоваться. Занимаясь вопросами переустройства лазарета, Морозов одновременно привел в порядок и лазаретный обоз, пришедший в крайне плачевное состояние. Отсутствие своего кузнеца и плотника, а главным образом бездеятельность Шишова стали

²⁴⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 64–65.

²⁴⁹ Перед отправкой на фронт Б. Т. Винник служил преподавателем Мариупольского епархиального женского училища.

причиной того, что большая часть обоза вышла из строя – из трех санитарных двуколок годна была только одна, а из 12 хозяйственных фургонов – половина. Колеса разошлись и требовали перетягивания, некоторые деревянные части поломались, почти треть лошадей была не подкована и стояла без дела. Благодаря нанятым Морозовым в соседних воинских частях кузнецам и плотникам обоз быстро был приведен в более-менее пригодное состояние. А с появлением собственных кузнеца, плотника и шорника он без проблем начал снабжать лазарет продуктами и топливом²⁵⁰.

Исключительную энергию и распорядительность Морозов проявил во время переноса и расширения лазарета. Уже 17 сентября лазарет расположился на новом месте, развернувшись на 200 коек, что позволяло выполнять функции терапевтического госпиталя. Однако начать работать в полном объеме он пока не мог, так как из-за спешности больничные палатки были поставлены на землю, без фундамента, и требовали дальнейшего обустройства. Впрочем, пока лазарет переносили, больных в нем находилось немного, а новых почти не поступало.

«У нас полнейшее затишье, – писал Морозов в это время профессору Шляпкину. – Скука страшная. Больные лишь тифом; были холерные, теперь прекратились. О Западном фронте нет ни слуха. Ради Бога, если не затруднит, вышлите для лазарета какие-нибудь старые газеты и побольше журналов. Скоро совсем разучимся читать. Хоть мне здесь уже и хорошо (ныне занимаю должность, кроме брата милосердия, заведующего хозяйством), все же с удовольствием перевелся бы опять на Западный фронт, ближе к огню, в передовой отряд»²⁵¹. Морозов жаловался, что очень болеет душой за лаврский музей и архив. Переживания его были вызваны газетными сообщениями о пожертвованиях монастырей на нужды войны церковных предметов из золота и серебра. Он опасался, что монастырские начальства по невежеству могут погубить «древние церковные вещи». При чтении подобных сообщений, Морозову всякий раз казалось, что монастыри отдают «наиболее ценные исторические археологические памятники, чем те, которые стараются уберечь». Думая о редких экспонатах лаврского музея, он вздыхал: «Как поступят монахи с древностями!? Для них это мусор. <...> Спаси Господи, от уничтожения все древности»²⁵².

В конце сентября в лазарет прибыл новый заведующий хозяйством Б. Т. Винник, и Морозову пришлось отойти от хозяйственных дел. Несколько недель он томился от скуки, пока снова не нашлось дело, захватившее его. Еще в начале сентября управление Красного Креста предложило Серафимовскому лазарету открыть пункт питания для проходящих между Коссорами и Мерденеком войск. Для размещения пункта было выбрано селение Агундир,

²⁵⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256.

²⁵¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 37.

²⁵² Там же. Л. 37 об.

находившееся в 19 верстах от лазарета на шоссе Мерденек–Ольты. Место это предпочли неслучайно: селение располагалось у начала огромного подъема, около восьми верст длиной, и проходящие транспорты, направляющиеся на Мерденек, обычно делали здесь привал, чтобы дать передохнуть лошадям. Кроме того, здание, не требующее больших затрат для оборудования пункта, имелось только в Агундире. Это был каменный дом с каменной оградой вокруг двора, занимаемый отрядом летучей казачьей почты и несколькими стражниками, которых по договоренности с военным начальством перевели в другие помещения. После освобождения здания руководство Серафимовского лазарета немедленно приступило к его обустройству. Помещение, довольно грязное и запущенное, быстро отремонтировали и побелили. Выбитые оконные стекла, за неимением целых, заменили промасленным холстом, часть коридора отделили деревянной перегородкой, устроив помещение для заведующего.

Снабженный необходимым хозяйственным инвентарем и продуктами, питательный пункт уже в конце сентября начал обслуживать проходящие отряды. В нем работали сестра милосердия и три санитары. Уже через несколько недель стало ясно, что пункт находится в нужном месте и его срочно необходимо расширить. Тогда старший врач назначил его заведующим Ф. М. Морозова, которому и поручил переоборудование пункта. С удивительной ревностью принялся Федор Михайлович за это дело, даже взяв на себя часть финансовых расходов. К строительным работам он привлек, кроме санитаров, солдат одного из артиллерийских дивизионов, прикомандированных штабс-капитаном В. И. Мороховцом, «принявшим живейший интерес в деле сооружения пункта». Не прерывая деятельности пункта ни на один день, Морозов сумел в сравнительно короткий срок завершить строительные работы. Теперь пункт стал местом не только для питания, но и для отдыха приболевших в пути воинов. В нем имелись амбулатория с пятью койками-нарами для больных нижних чинов и спальня со столовой для офицеров. На дворе был выстроен деревянный навес для кухни, походного кипятильника и вещевого склада, а также кладовая-погреб для продуктов. Позади дома, между ним и откосом горы, поставили деревянное помещение для ночлега проходящих нижних чинов, в котором могли разместиться до 10–12 человек.

Питательный пункт стал настоящей отрадой для воинов. Здесь проходящие на позиции солдаты, помимо питания, снабжались бельем, брошюрами религиозного содержания, табаком. Больные дополнительно получали галеты и белые сухари. Чтобы представить объем оказываемой помощи, достаточно взглянуть на цифры: со дня открытия 25 сентября до 21 декабря пункт раздал 25 206 порций чая и хлеба. Кроме русских солдат, здесь кормились и пленные курды. Вообще, Серафимовский лазарет никогда не отказывал в помощи местным жителям – курдам и грекам, которые нередко обращались туда со своими просьбами.

Между тем не заладились отношения у старшего врача с новым завхозом Винником. Трения начались, в основном, из-за несогласованности действий.

Винник пытался проявить самостоятельность, а в результате возникал конфликт. Он то без спроса брал себе в помощь санитаров, то самовольно, не уведомив Г. Ф. Холлмана, начинал какие-нибудь работы или неверно выполнял его указания. В общем, с первых же дней вызвал в свой адрес нарекания. Назревавший конфликт достиг кульминации в середине ноября. Причиной стало происшествие, возмутившее практически весь персонал лазарета.

Как-то в отсутствие доктора Холлмана Винник дал старшему санитару распоряжение застрелить двух собак, обитавших в расположении лазарета. По мнению завхоза, они, «будучи сами по себе совершенно бесценны», приносили лазарету вред – «раздражали по утрам и ночью своим лаем, часто наполняли сворою столовую персонала и неутомительно натаскивали в лазарет тряпки и кости падали». Чтобы положить этому конец, Винник приказал вывести собак далеко за территорию лазарета и там пристрелить. Но все случилось иначе. Старший санитар пристрелил одну собаку «на границе лазарета», а другую стал убивать прямо в его расположении, что «произвело весьма неприятное и тяжелое впечатление на некоторых из персонала». Впрочем, вторую собаку ему не удалось убить сразу, и раненое животное со страшным воем убежало с территории. Утром следующего дня собака прибрела в лазарет, видимо по привычке, в надежде, что ей больше не причинят зла. Обнаружив ее, старший санитар вынес собаку далеко за лазарет и четырьмя выстрелами добил. Эти сцены расправы над безобидными дворнягами, к которым все уже давно привыкли, вызвали возмущение и слезы сестер, оставив тяжелый осадок.

Когда старший врач вернулся в лазарет и узнал о происшедшем, он был вне себя. Мало того, что Винник ни с кем не посоветовался, учинив расправу над несчастными собаками, оказалось, что одна из них, та которую добивали на второй день, являлась собственностью Холлмана. В негодовании он заявил Виннику, что служить с ним больше не может и что «вследствие огорчений», полученных им от заведующего хозяйством, сам вынужден оставить лазарет. Кроме того, доктор потребовал, чтобы завхоз написал рапорт на имя главноуполномоченного Л. В. Голубева, с объяснением всех своих проступков, вызывавших нарекания.

В рапорте Винник, хотя и писал откровенно, все же старался несколько оправдать себя, и в частности в связи с последними событиями. Указывая на «бесценность» и «вредность» убитых собак, завхоз также старался подчеркнуть и излишнюю привязанность к ним персонала. Он лукаво замечал, что солдаты, видя слезы сестер милосердия, громко говорили: «А когда в лазарете солдаты умирали, то никто не плакал». Если даже кто-то из солдат и говорил так, то это было просто глупо и несколько не свидетельствовало о жестокосердии сестер. Просто женщины более чувствительны и эмоциональны, а животных всегда жалко за их беззащитность и беспомощность. В трудных условиях полевой жизни, в которых работал персонал, в соприкосновении с человеческими

страданиями и смертью естественным было искать хоть какую-то отраду в окружающей обстановке. И, наверняка, добродушные, доверчивые собаки, крутившиеся рядом, доставляли немало приятных эмоций. И когда их взяли и убили, да еще у всех на глазах, естественно, это вызвало огорчение и слезы.

Винник, видимо, все-таки чувствовал в душе вину, да и всеобщее отчуждение способствовало этому. В конце рапорта он просил главноуполномоченного уволить его из Серафимовского лазарета и предоставить место «в одном из передовых отрядов, находящихся в самых худших жизненных условиях»²⁵³.

Холлман тоже написал Голубеву, что собирается оставить лазарет, и просил перевести в другое место. Но его просьбу, вызванную эмоциями, главноуполномоченный отклонил.

В начале декабря Винник покинул Серафимовский лазарет и его обязанности снова принял на себя Ф. М. Морозов, оставив в связи с этим заведование пунктом питания²⁵⁴. В это время все еще продолжалось обустройство лазарета и подготовка его к зимовке. С приближением холодов число коечных мест уже в начале октября пришлось сократить до 140, так как не хватало печек и материалов для утепления всех палаток и жилых помещений. Еще до приобретения железных походных печек и войлока персоналу пришлось некоторое время померзнуть. Хотя дни стояли теплые, ночной холод становился все более чувствительным, и уже в конце октября по ночам стала замерзать в палатках питьевая вода. Чтобы поддержать тепло, печки приходилось топить непрерывно, но стоило дровам выгореть, как сразу же становилось холодно. Положение немного улучшилось после утепления палаток войлоком: температура стала размереннее, и топлива расходовалось меньше. Тем не менее на нужды лазарета в общей сложности в сутки уходило около 30 пудов дров. До конца октября военные власти разрешали разбирать на топливо разрушенные дома в курдских селениях, но затем пришлось покупать дрова или каменный уголь, добываемый в каменноугольных копях в верстах 15 от Коссор по направлению к Ольтам.

Чтобы довести число коечных мест до требуемых 200, решено было построить дощатый барак. Именно этим и занялся Морозов, вступив в должность завхоза. Все работы производились исключительно своими силами, при помощи санитаров. Завхозу самому приходилось добывать необходимые материалы и лично руководить стройкой. Из-за покато́й местности барак пришлось сооружать тремя уступами. Сперва был устроен фундамент, таким же образом, как и у остальных палаток: высотой в пол-аршина, окопанный вокруг неглубоким рвом, чем достигалась относительная теплота и безусловная сухость земляного пола. Фундамент складывался из камней, промежутки между которыми засыпались щебнем и землей, выкопанной изо рва. Затем, после трамбовки и поливки водой, фундамент обсыпали слоем сухой глины и плотно утрамбовывали. Чтобы

---

²⁵³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 84–84 об.

²⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 269.

барак был теплым, Морозов устроил в нем двойные стены, заполнив полость древесными опилками, а брезентовую крышу утеплил изнутри войлоком. Работы, однако, продвигались довольно медленно из-за недостатка рабочих рук, так как лазарет был загружен больными. Лишь к концу декабря постройка была завершена.

Между тем занятый хозяйственными делами Морозов теперь огорчался, что «отдалился от служения раненому солдату, далек стал от работы по перевязочной» и вообще от всего, к чему стремился. В это время началось наступление на турецкий город-крепость Эрзерум, и в Серафимовский лазарет хлынул поток раненых и хирургических больных. Работа в нем носила в основном этапный характер: приходилось перевязывать, кормить и поить, давать уход и ночлег, а затем эвакуировать дальше – в Мерденек. Тяжелораненых и больных, которые не могли перенести дорогу, оставляли в лазарете, некоторым делали операции. Причем, благодаря прекрасному оборудованию операционной и перевязочной, а также присутствию хорошего врача, тяжелораненых иногда оставляли в лазарете на длительное время – вплоть до выздоровления.

До середины февраля приток раненых в лазарет был чрезвычайно интенсивным. Военно-санитарный транспорт доставлял их буквально день и ночь. Привезенных первым делом направляли в перевязочную для осмотра. Некоторые шли сами, других поддерживали санитары, третьих несли на носилках. У каждого нужно было спросить и записать на листок бумаги имя и фамилию, возраст, название воинской части, куда и когда ранен. Этим занимались сестры милосердия. Они же осматривали прибывших и при помощи санитаров переодевали в чистое лазаретное белье. Поражало, насколько солдаты были завшивлены. Санитар снимал рубаху, а она казалась «живой», столько по ней ползало паразитов. Грязную одежду сворачивали в узел, прикалывали записку с фамилией, названием полка, роты или сотни и выносили в особую кладовую. Затем кому-то делали перевязку, кому-то накладывали гипс, лубок или компресс, кого-то готовили к операции. . .

Едва успевали разобраться с одними, как уже поступали новые раненые, которых также надлежало опросить, переодеть, осмотреть и обработать раны, проводить к койкам или в операционную. И так, сменяя один другого, проходили вереницей искалеченные, изуродованные страдальцы. У одного ужасная рана – вырван из тела громадный кусок мяса, у другого – перебита кость, третий едва дышит, посинел, весь забинтован, так что сестры не знают, как к нему и подступить, четвертый обморожен – развязывают ногу, а там синее мертвое мясо. Казак сменяет солдата, солдат – казака. . . На полу всюду кровавые бинты, вата, разрезанная и разорванная одежда: штаны, гимнастерки, рукава шинелей, распоротые во всю длину сапоги. А в воздухе запах загнившей крови, йода, лекарств, грязного белья и пота.

В палатках, где размещались больные и раненые, шло круглосуточное дежурство. Ночью беспокойно: раненые часто зовут и просят пить, кому-то нужно подложить судно, кто-то, исстрадавшись, просит подсунуть вату под больную ногу или перевернуть его на другой бок, у кого-то начался жар, и он мечется на постели, бредит. Проходит беспокойная ночь, начинается утренний обход, измеряется температура. Плохо спавшие раненые спят теперь. Сестры тихо ставят термометры, а они даже не пошевеливаются, измученные бессонной ночью. Но сон их недолог и мало приносит облегчения. Все бледные, глаза загноились, губы сухие, потрескались. Трижды в день необходимо всех накормить. Причем у каждого свой рацион: у тяжелых – один, у легких – другой. Некоторые не могут самостоятельно есть и их нужно кормить с ложки или из специального поильника. А раненых сотни...

Через день-два их отправляют дальше. В палатки приносят обмундирование: сапоги, гимнастерки, романовские полушубки, папахи, башлыки. Санитары вновь переодевают раненых, суетятся, кто-то разыскивает запропавший сапог, шаровары или папаху. Затем спешно меняют постели: все грязное и окровавленное снимают и постилают чистое, чтобы уложить на них до очередной отправки вновь прибывших.

С осени эвакуация из Серафимовского лазарета производилась двуколками 121-го и частично 120-го военно-санитарных транспортов. Легкораненые эвакуировались на мажарах – четырехколесных молоканских фургонах. Однако с наступлением зимы заснеженная и обледеневшая дорога стала опасной, особенно от Агундира до Мерденека, где был очень тяжелый подъем с крутыми поворотами. Зимой этот подъем при скользкой дороге стал почти не преодолим для колесного транспорта да и небезопасен: нагруженные фургоны могли сорваться с кручи, и при этом могли погибнуть или покалечиться люди и лошади. Тогда, в конце декабря, начальник 121-го транспорта доктор Лубо обратился через Г. Ф. Холлмана к главноуполномоченному Красного Креста Голубеву с просьбой о предоставлении в распоряжение транспорта 50 саней, по числу двуколок. Ходатайство удовлетворили, но дали лишь 25 саней, из-за чего транспорту пришлось работать почти без передышки. Шесть саней получил и Серафимовский лазарет. Их оставили на питательном пункте и также использовали для эвакуации. Лазаретные двуколки и фургоны довозили раненых до Агундира, где происходила перепряжка и перегрузка в сани. Когда было необходимо, Морозов по хозяйственным делам ехал с ранеными до Мерденека. Там, в интендантском магазине, закупал продукты и фураж, грузил все на освободившиеся сани и возвращался в Коссоры²⁵⁵.

Порой раненых пребывало так много, что персонал лазарета не спал по двое-трое суток, буквально выбиваясь из сил. Уже нет мест не только на кроватях,

---

²⁵⁵ РГИА. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 270.

но и на полу, а раненых все везут и везут. Только и слышно со всех сторон: «Сестра! Сестра! Санитар!» А у всех усталость, едва ноги передвигают. Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть, а нужно идти и помогать несчастным. Вот почему Морозов так переживал, что не мог быть рядом с ними. Впрочем, работы хватало и у него. Нужно было заниматься закупкой и распределением продуктов, фуража, топлива, приобретением медицинских материалов и многим, многим другим. Когда раненых прибывало слишком много, он приспособивал для ночевки запасные палатки. Еще в конце января Морозов оборудовал под операционное помещение палатку с деревянным полом. Работал он всегда энергично и оперативно, стараясь, чтобы лазарет ни в чем не имел недостатка. А между тем на фронте нередко случалось так, что в госпиталях и лазаретах из-за бездеятельности, равнодушия или воровства завхозов гибли от недоедания и холода раненые, не говоря уже о расстройстве хозяйства вообще²⁵⁶.

Следует упомянуть, что в январе–феврале 1916 года Тифлис переживал серьезный продовольственный кризис. Особенно остро стоял вопрос с мясом. Чтобы обеспечить мясными продуктами больных и раненых в городских госпиталях и лазаретах, военным властям пришлось прибегнуть к реквизициям: полиция устраивала обыски у торговцев, изымала припрятанное мясо и другие продукты. Вместе с тем возникли перебои с доставкой керосина, несмотря на то, что относительно недалеко находился Баку. Это было связано главным образом с неразберихой на железных дорогах²⁵⁷. Естественно, что из Тифлиса продовольствие с перебоями и не в полном объеме поступало и на полевые склады. Между тем Серафимовский лазарет, благодаря Морозову, обеспечивался продуктами прекрасно. Он сумел наладить хорошие отношения с заведующим Карским полевым складом Н. Н. Тарновским и его помощниками, которые высылали лазарету необходимые предметы и продукты хорошего качества без задержек.

В дни эрзерумских боев работа в лазарете была настолько тяжелой и напряженной, что доктор Холлман во второй половине января 1916 года вынужден был «ввиду переутомления» покинуть лазарет. Его место занял врач Николай Константинович Чикаревский – хирург, исполнявший до этого обязанности старшего врача 4-го подвижного Кавказского лазарета имени Забайкальской области. Назначался он с мыслью преобразовать впоследствии Серафимовский лазарет в чисто хирургическое лечебное заведение. Вместе с Чикаревским к лазарету на должность агента для поручений был прикомандирован его родственник Михаил Максимович Миронов. Прибыл и новый заведующий хозяйством – Алексей Михайлович Айгустов, который, впрочем, как и его предшественники, недолго задержался в лазарете. Во время приема у Морозова материальной части Айгустов обратил внимание на то, что до этого не велись инвентарные

²⁵⁶ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 128.

²⁵⁷ Продовольственное совещание // Кавказ. – 1916. – № 33. – С. 4.

и материальные книги. Тогда с ведома Чикаревского начали составлять описи имущества и материалов, имевшихся в наличии на ответственности персонала и санитаров. К 1 февраля описи были закончены, хотя большинство не имело подписей лиц, у которых имущество находилось на руках. Совместно с Ф. М. Морозовым новый завхоз составил акт, в котором отметил, что на имеющееся имущество составлена опись, а до этого книг вовсе не велось. Но с такой формулировкой подписывать акт Морозов отказался, не желая брать на себя ответственность за порядок, или беспорядок, заведенный до него прежними завхозами. Об этом он сообщил Чикаревскому. Тогда старший врач немедленно явился в канцелярию и заявил Айгустову, что приостанавливает сдачу дел и бумаг, находя, что последний «держит себя не как заведующий хозяйством, а как контролер».

В ответ Айгустов попросил Чикаревского письменно уведомить его, отстранен ли он от исполнения своих обязанностей. На это старший врач в официальном отношении ответил: «От таковых Вы не устранены уже потому, что в исполнение таковых еще не вступили, отстранение Вас от должности заведующего хозяйством Серафимовского лазарета может последовать по распоряжению Главноуполномоченного; мною лишь приостановлена сдача Вам лазаретного хозяйства и дел по причинам, о которых мною донесено Главноуполномоченному впредь до распоряжения Главноуполномоченного по сему предмету»²⁵⁸.

Айгустов так и не вступил в управление хозяйством лазарета, уволившись оттуда вскоре по собственному желанию. Обязанности завхоза продолжил исполнять Ф. М. Морозов. Но ему, как уже говорилось, в это время хотелось работать по санитарной части, среди больных и раненых. Федор Михайлович даже написал в управление Красного Креста, чтобы его освободили от хозяйственных дел, зная, что есть много желающих занять подобную должность «даже из местных князьков кавказских».

В то же время, Морозов, как и прежде, все еще хотел попасть в передовой отряд на Западный фронт, в частности в лазарет Высших учебных заведений. «Самое лучшее работать в передовых отрядах, тех районах, где идут бои, – писал он И. А. Шляпкину. – В тыловых подвижных лазаретах однообразие, скука, ссоры персонала, недовольство – все отравляет всякую трудоспособность, а главное, когда нет работы, начинается флирт. В жизни своего лазарета я много видел перемен и разных неприятных картин, повлекших 3 раза полную смену всего состава лазарета с врачами и лишь я один, как камень залег, и ничто не сдвинет. Единственно, что меня еще держит здесь – развалины храмов и крепостей. На Ольгинском направлении осталось снять 7 церквей-развалин, из них особенно интересен храм в Ишханахе – это в пределах Турции, занятой нами. Думаю через месяца 1 ½ побывать в России, а потом переехать на Эчьмиадзин, там переснять предметы музея и библиотеки Патриарха (каталикоса). Я собрал

²⁵⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 98–98 об.

700 фотографических снимков с древностей Кавказа, особенно церковных древностей Сванетии»²⁵⁹.

Бывая в разных местах по делам лазарета, Морозов неизменно расспрашивал местное население о древних архитектурных памятниках, главным образом христианских. Получив информацию о том или ином памятнике, он при случае ехал туда, делал фотоснимки и записи, отмечая предположительное время постройки, особенности архитектуры и пр. Снимки некоторых храмов он пересылал С. Ф. Платонову, И. А. Шляпкину и другим знакомым, интересующимся древностями. Так, в одном из писем профессору Шляпкину Морозов писал: «Вот снимок развалин древнего храма – общий вид и внутренний. Есть дата, хоть и поздняя – 420 г. по магометанскому летоисчислению. План храма – круглый; состоит из 2-х вписанных один в другой кругов; промежуток между которыми образует галерею. Красивые римские колонны украшают апсиду и другие части храма. Есть еще несколько храмов; из них очень интересен Ишханах. Еду туда, сниму, если по пути не попадутся турки, так как они находятся близко. Ишханы богатое турецко-греческое селение. Есть мечеть и развалины храма. Пробовал спрашивать у курдов и греков какие-нибудь древности – ничего не оказалось»²⁶⁰. Храм Ишханах в одноименном селении, о котором упоминал Морозов, являлся действительно замечательным памятником древнего зодчества, привлекавшим некогда своей красотой множество паломников. Возведен он был в VII веке местным князем Нерсесом, ставшим впоследствии главой Армянской церкви и прозванным потомками за любовь к храмовому зодчеству Строителем.

В начале февраля Морозов побывал и в Эрзеруме, только что занятом русскими войсками. Это был важнейший город Азиатской Турции, считавшийся «ключом» к восточным областям Османской империи. Своего значения и цветущего состояния он достиг благодаря тому, что находился на главном сухопутном торговом пути между Востоком и Западом, служа основным местом для склада товаров и привала караванов. Расположенный в долине между гор, покрытых большую часть года снегом, окруженный двойной стеной и глубокими рвами, город считался почти неприступным. В южной его части находилась древняя цитадель, в которой до прихода русских жил паша. Турки возлагали на Эрзерум большие надежды в стратегическом отношении, поэтому его падение стало для них настоящим потрясением.

Едва город был занят нашими войсками, как Морозов поспешил туда с каким-то делом, чтобы осмотреть его древности. Путь в Эрзерум оказался нелегким и занял немало времени. По дорогам в обоих направлениях двигался нескончаемый поток обозов. Гремя колесами, катили запряженные лошаадьми высокие военные телеги, парные двуколки, молоканские фургоны, тяжело нагруженные

²⁵⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 17–18.

²⁶⁰ Там же. Д. 1828. Л. 2.

ящиками, связками и тюками, двуколки с красными крестами на бортах, важно шагали длинные караваны верблюдов в цветных расшитых имитацией бирюзы и коралла недоузках, колесили со скрипом всевозможные повозки, арбы, запряженные буйволами, ослами и мулами. Ехали верхом, обгоняя транспорты, бородатые казаки в бараньих папах, шагали солдаты, возвращавшиеся к частям из госпиталей или присланные для пополнения рядов. Вся эта масса людей, повозок, животных с раннего утра до поздних сумерек двигалась бесконечной лентой по большому эрзерумскому тракту. С наступлением темноты движение начинало замирать. Транспорты десятками сворачивали на этапы в развалины турецких селений или становились таборами у обочин там, где их застигала морозная ночь. Обозники раскладывали костры, ставили походные треноги, набивали снегом котелки, варили чай или кашу. У костров слышалось похлопывание рук, смех, говор, крепкое русское словцо. Но постепенно шум стихал и все погружалось в сон, чтобы с рассветом снова двинуться в путь...

Хваленые эрзерумские дороги, между тем, оказались чрезвычайно плохи. В особенности трудно было пробираться через перевалы, где лежал глубокий снег и было очень холодно. Вообще, эрзерумский климат отличался большой суровостью, особенно в зимние месяцы, так что его даже называли малоазийской Сибирью.

Дороги, по которым шли обозы, представляли собой сплошное кладбище животных. По обочинам валялись трупы верблюдов, лошадей, ослов, рогатого скота и овец, погибших частью от пуль, частью от истощения и холода, а еще чаще от страшного напряжения сил. И чем ближе к Эрзеруму, тем трупов становилось больше, причем не только животных. «Склоны гор покрыты трупами замерзших турок, – делился впечатлениями Морозов. – Раненых нет, а все мерзлые. Что с ними? Правда, они совершенные оборванцы; теплого нет ничего на них. Раздевают наших убитых или раненых и одеваются сами»²⁶¹.

Немало в горах лежало засыпанных снегом и русских солдат, погибших от холода и ран во время эрзерумских боев. Но сейчас было не до них. Лишь весной, когда стает снег, выкопают огромные ямы и свалят туда всех, известных и неизвестных. А в деревнях тем временем будут ждать весточки от сына или мужа, в надежде, что он лежит где-то в госпитале или, быть может, едет теперь домой...

Сопровождаемые этими молчаливыми жертвами войны, обозы въезжали в мрачные тоннели Карсских ворот в высокой стене Эрзерума. Сам город выглядел угрюмо и неприветливо. Угрюмость ему отчасти придавала своеобразная архитектура: приземистые дома с маленькими окнами и плоскими, покрытыми дерном, крышами, а отчасти цвет камня, из которого строились здания. Первое, что бросалось в глаза и поражало приезжих, это то, насколько город был загажен – он

²⁶¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 18 об.

буквально утопал в навозе и мусоре. Морозов чрезвычайно дивился, как турки могли жить в такой невероятной грязи. Складывалось впечатление, что дворы, улицы, площади не очищались десятилетиями, а то и веками.

Такое ужасное санитарное состояние города вызывало серьезные опасения у военных властей. Скопление войск и транспортных отрядов, расквартированных в грязных домах Эрзерума, угрожало развитием эпидемий. Пока стояли морозы, заболеваний не наблюдалось, но с наступлением весны можно было ожидать их широкого распространения. Тем более что в минувшем году в Эрзеруме переболела сыпным тифом чуть ли не большая часть населения. Ввиду этого военно-санитарная служба незамедлительно начала принимать энергичные меры по очистке города и дезинфекции помещений. И вот, вместо отдыха после изнурительных боев, нашим солдатам приходилось целыми днями заниматься уборкой дворов и улиц.

Морозов бродил по Эрзеруму, осматривая, в первую очередь, мечети, так как турки устраивали их, как правило, переделывая христианские храмы. В городе насчитывалось более сорока мечетей, самая большая – Улайяма-Джами с тонкими и стройными минаретами. До VI века город принадлежал грекам, поэтому Морозов рассчитывал найти в нем остатки древних христианских памятников.

В поисках приходилось полагаться исключительно на профессиональное чутье, так как расспросить о древностях особо было некого. На улицах, кроме русских солдат, почти не встречалось местных жителей. Эрзерум казался обезлюдившим. Из почти 100-тысячного населения к приходу русских в нем осталось всего 20–25 тысяч. Да и оставшиеся сидели, большей частью, за массивными дверями своих угрюмых жилищ, под охраной наклеенных у входа записок, за подписью русских военных властей: «Мирный житель такой-то». Остальное население либо бежало, либо было выселено еще в середине минувшего года. Выселили, естественно, армян. Их собралось и отправилось в путь почти 20 тысяч – мужчин, женщин, стариков, детей, взявших с собой лишь самое необходимое имущество и драгоценности. Однако до места назначения дошли немногие, большинство погибло в дороге, в основном от рук турок и курдов²⁶². В армянской части города все лавки были разрушены, а на главной улице дома представляли собой сплошные почерневшие от пожаров развалины. Не уцелели от разгрома и турецкие магазины, в чем постарались уже русские солдаты. От этого торговая жизнь в городе совершенно замерла, а вместе с ней и всякое оживление.

Поиски Морозова все же не остались бесплодными. Он обнаружил две любопытные мечети, бывшие ранее христианскими храмами, причём один из них относился ко времени императора Феодосия Великого (IV в.). В мечети, которая располагалась во дворе артиллерийских казарм, Морозов нашел очень

²⁶² Эрзерум. (Из бесед с князем А. М. Аргутинским) // Кавказское слово. – 1916. – № 45. – С. 2.

красивый рельефный декор. Однако вся постройка была в ужасной грязи, стояла в запустении и близ нее выливали помои²⁶³. Когда-то на этом месте размещался древний христианский монастырь, обращенный турками в арсенал, а его церковь – в мечеть.

По пути из Эрзерума, имея, видимо, больше свободного времени, Морозов заходил в попадавшиеся селения, где также разыскивал древности. В одной из армянских церквей он обнаружил старое греческое Евангелие, предположительно конца XVI века, писанное на бумаге в два ряда и имевшее заставки в виде плетеного орнамента. Особенно любопытной находкой в развалинах одного храма оказалась «колонна святых», с восьмью фигурами, среди которых имелось редкое изображение святого Христофора с собачьей головой. Немалый интерес представляли и надмогильные фигуры на курдских кладбищах.

Все виденные памятники Морозов фотографировал. К этому времени его коллекция уже насчитывала 800 снимков: 200 собственных и 600 приобретенных или специально заказанных – целый фотографический музей, по его собственному выражению. Он мечтал по приезду в Петроград устроить из собранных фотоматериалов выставку в Археологическом институте.

По дороге из Эрзерума Морозов писал профессору Шляпкину: «Здесь нельзя приобрести ничего из вещевых памятников, так как их нет. Турки не придают значения памятникам старины, а если попадетс какой-нибудь памятник в руки армян, в особенности, если он грузинский и имеются надписи – сейчас армяне собьют надпись и впишут свою. Страшное желание армян все памятники старины присваивать себе, хоть и не имеют на то никаких исторических оснований. Хорошо бы еще так, но зачем разрушать»²⁶⁴.

Эти строки Морозов писал, находясь в большом турецком селении Ида, где вынужденно провел несколько дней. Прошедшие обильные снегопады сделали непроходимым перевал через Гей-даг, поэтому нужно было ждать, пока дорогу расчистят.

Вскоре после возвращения Морозова из Эрзерума решился вопрос с заведующим хозяйством. В конце февраля на эту должность управление Красного Креста назначило М. М. Миронова²⁶⁵.

Во время наступательного продвижения 2-го Туркестанского корпуса вглубь Турции Серафимовский лазарет значительно отделился от места боев, поэтому раненые часто поступали уже в таком состоянии, что оперировать их было поздно. Это обстоятельство показывало, что расположение лазарета в глубоком тылу лишало его возможности выполнять специальные задачи.

В конце февраля 1916 года бои затихли, но вспыхнула эпидемия сыпного и возвратного тифов. Причиной, как и опасались, стало занятие русскими частями

---

²⁶³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 39.

²⁶⁴ Там же. Л. 39 об.

²⁶⁵ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 30. – С. 754.

инфицированных помещений в завоеванных областях и общее утомление наших войск. В это время в Серафимовском лазарете усиленно работало инфекционное отделение на 50 коек. Однако, когда сыпным тифом заболели врач Лизета Моисеевна Котлер, сестра милосердия Лина Кляустин-Звирба и два санитаря, один из которых умер, Чикаревский в конце марта закрыл тифозное отделение. Это было сделано еще и потому, что подобное отделение имелось в лазарете Земского союза в Ольтах.

К апрелю, когда дороги подсохли и стали легко проходимыми, эвакуация раненых и больных из Ольт в Мерденек установилась, минуя Коссоры, так что лазарет оказался совсем мало загружен. Это привело к тому, что имея 200 коек, будучи хорошо оборудован, располагая обозом и достаточным количеством санитаров, но оказавшись далеко в тылу, он нес большие затраты на ничтожную работу. Такое положение воспринималось руководством лазарета как весьма прискорбное. Оставаться в Коссорах и обслуживать 20–30 человек, при том, что рядом стоял этапный лазарет Земского союза на 100 коек, а на других направлениях ощущалась нужда в лечебных заведениях, было, по меньшей мере, странным. Старший врач Н. К. Чикаревский специально даже ездил в штаб корпуса, где просил корпусного врача Максимовича о предоставлении лазарету «возможности наиболее продуктивно использовать свои силы работой в более оживленном месте, например, Ольтах или Зарданесе». Однако, по убеждению Чикаревского, его приезд не очень понравился корпусному врачу – «прием его нельзя было назвать теплым, а отношение к учреждениям Красного Креста благоприятным». Во время разговора Максимович дал понять, что больше расположен к лечебным заведениям Земского союза. «От этой поездки у меня на душе остался горький осадок и тяжелое впечатление, – вспоминал Чикаревский, – однако я примирился с установившимся положением и продолжал работу»²⁶⁶. Но, когда началось массовое передвижение лазаретов и врачебно-питательных отрядов, он снова решил поднять вопрос о перемещении Серафимовского лазарета на другой участок.

На этот раз Чикаревский решил обратиться напрямую к главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубеву. Он просил его приехать и убедиться на месте, что дальнейшее пребывание лазарета в Коссорах оправдывается слишком ничтожной необходимостью и что передвижение в другой район явилось бы более целесообразным. «В районе расположения 2-го корпуса, по моему мнению, – писал Чикаревский, – нуждающимся в нашей помощи районом является или Зарданес или Ольты. Но было бы лучше, если бы лазарет покинул совершенно район 2-го корпуса. Кроме того, прошу Ваше Превосходительство обратить внимание на то, что постройка одного богатого оборудованием лазарета в тылу у другого менее оборудованного лишает его

²⁶⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101 об.

выполнения возложенных на него специальных задач»²⁶⁷. Мнение и желание Чикаревского целиком поддерживал Морозов.

В середине апреля главноуполномоченный обратился к командующему 2-м корпусом с вопросом, не найдется ли возможность передвинуть Серафимовский лазарет дальше вперед, где его хирургическая помощь могла бы быть использована. На это корпусный врач Максимович ответил, что лазарет в ближайшее время будет продвинут в долину реки Тормум-чая²⁶⁸.

В конце апреля Чикаревский писал Голубеву: «Вчера я ездил в Ольты, где узнал от старшего врача 2[-го] лазарета, что нас собираются двинуть куда-то очень далеко, но Максимович – корпусный врач – не воздержался от нареканий по адресу моему, Красного Креста и Вашему за то, что мешаем ему бездельно держать нас в Коссорах. Мне очень хочется, чтобы Серафимовский лазарет делал во много раз больше, чем он делает, и это возможно. Поэтому-то я очень хочу видеться с Вами лично и переговорить о делах лазарета»²⁶⁹.

В то время, когда Чикаревский настойчиво добивался перевода лазарета у местного медицинского и военного начальства, Морозов, выехавший 28 марта в Петроград, информировал о сложившейся ситуации комитет Красного Креста духовно-учебных заведений. Тогда в комитете возникла идея перевести лазарет в только что завоеванный Трапезунд (ныне Трабзон). Этот турецкий город, расположенный на берегу Черного моря, находился недалеко от зоны боевых действий и служил на Анатолийском побережье узловым пунктом эвакуации больных и раненых. Инициатором идеи, видимо, стал бывший врач Серафимовского лазарета грек Феофилактос, который до войны имел в Трапезунде собственный дом и теперь, после изгнания турок, на радостях был готов уступить его под лазарет.

Так как появилась реальная перспектива передвижения Серафимовского лазарета, Морозов попросил комитет приобрести и прислать походную церковь с холщовым иконостасом. Он также начал переговоры о покупке для лазарета рентгеновского оборудования и переносной динамо-машины. Приобрести рентген для лазарета просил еще доктор Белиловский, однако после его отстранения от должности старшего врача вопрос больше не поднимался. Теперь же Морозов вновь инициировал его, узнав, что комитет выделил отцу Николаю (Муравьеву) деньги на приобретение рентгеновского кабинета в Минск. Морозов уведомил телеграммой о своих намерениях Чикаревского, однако тот отнесся к идее скептически²⁷⁰. По всей видимости, и в комитете не имелось необходимых средств. Тогда Морозов стал просить, чтобы рентгеновский кабинет забрали у отца Николая и передали кавказскому Серафимовскому лазарету²⁷¹. Мотивировал он это тем, что в Минске провести рентгеновское обследование раненого несложно,

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101–101 об.

²⁶⁸ Там же. Л. 102–103.

²⁶⁹ Там же. Л. 104–104 об.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 326.

²⁷¹ Там же. 247-с. Л. 324.

так как рентгеновские кабинеты имелись там в других лечебных заведениях, например в Земской больнице. А вот в условиях походной жизни отсутствие рентгена являлось действительно большой проблемой, особенно для хирургического лазарета.

«Вырвался на неделю в Петроград, – писал в эти дни Морозов профессору И. А. Шляпкину, – и первая мысль была посетить Вас. Масса поручений по делам лазарета не дала возможности осуществить намерение. Очень жалею, но я теперь покоен, узнав, что Вы здоровы. <...> Наш лазарет переводят в Трапезунд – вот где поработаю по археологии! <...> Общество защиты памятников старины в России хлопочет о переводе меня в Штаб Кавказской армии на предмет охраны старины в занимаемых нашими войсками городах и местностях»²⁷².

Больше года Морозов не был в Петрограде. Город за это время изменился даже внешне: как-то погрязнел, опустился. Народу в нем заметно поприбавилось. В трамваи попасть было возможно лишь с большими усилиями, а извозчиков стало до того мало, что можно было пройти две-три улицы и не встретить ни одного. Цены на все поднялись неимоверно. Изменилось и общее настроение публики: она стала злобнее и революционной. О войне говорили мало, в основном о государственных проблемах, ругали царскую власть, особенно царицу, без конца пересказывали всевозможные слухи и сплетни.

«Узнать нельзя нашу публику в городах, – делился впечатлениями вернувшийся на Кавказский фронт из отпуска один из офицеров. – Все какие-то взвинченные! Говорят совсем не то, что говорили раньше, до войны. Всюду пьянство, разврат! Куда ни придешь, мужья и жены или разводятся или уже развелись! Дети в семьях стали лишними, матерям смотреть за ними некогда! А рестораны полны веселой, нарядной публикой. У всех деньги без счету. Походил я по кабакам и ресторанам (для этого и поехал!). И насмотрелся!! Одеты, как модные картинки или под восточного бандита – с целым арсеналом оружия на нем... Это все спекулянты – коршуны, питающиеся и жиреющие на трупах жертв войны!.. Прямо скажу я вам, господа: я рад, что вернулся сюда, в тихое, святое место!»²⁷³

В «тихое» и «святое место» 25 апреля выехал из Петрограда и Морозов с различными грузами для Серафимовского лазарета. Среди прочего он вез подарки, пожалованные лазарету от имени цесаревича Алексея Николаевича: портрет царственного наследника, 24 экземпляра Евангелий и серебряных образков для служебного персонала, 450 экземпляров Евангелий, металлические образки и папиросы – для санитаров и раненых воинов²⁷⁴.

²⁷² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 24.

²⁷³ Семин Х. Д. Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 54–55.

²⁷⁴ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 18-а.

27 числа Морозов был уже в Тифлисе, где в тот же день встретился с новым экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским). В беседе с владыкой он, в частности, рассказал о жизни Серафимовского лазарета, о его теперешнем положении и о желании перевести его в Трапезунд. Экзарх пообещал похлопотать об этом.

Из Тифлиса Морозов железной дорогой выехал в Карс, откуда по «дековильке»²⁷⁵ добрался до Мерденека. Селение в это время года утопало в грязи, поскольку располагалось на краю широкой плоской долины реки, разливавшейся весной на десятки верст вокруг. Во время разлива улицы и дворы превращались в сплошную грязевую жижу, а плотина, по которой проходила единственная дорога на Ольты, становилась временами почти непреодолимой для животных и пешеходов. Здесь постоянно образовывался затор: в жидкой и липкой грязи, доходившей порой до колен, застревали сбивавшиеся в несколько рядов десятки двуколки, обозных фургонов, пешие и конные люди, навьюченные животные. Пока затор ликвидировали, над плотиной стоял невообразимый стон от ругани и криков. И, несмотря на все усилия саперных команд, участок этот все равно оставалась проблемным, доставляя немало хлопот обозникам.

Дорога от Мерденека до Коссор Морозову была хорошо знакома. Сколько раз он ездил по ней по лазаретным надобностям! Сразу за плотиной дорога поднималась в гору и шла через большой сосновый лес, настолько густой, что даже днем в нем было темно, как в сумерки. Огромные сосны высились у самой обочины. В воздухе пахло сыростью и грибами. Постепенно дорога расширялась, и начинался крутой извилистый спуск с холмов. Вскоре лес оставался в стороне справа. Вот и питательный пункт Серафимовского лазарета в Агундире: знакомые лица, приветствия, расспросы. За Агундиром дорога плавно спускалась в долину реки. С одной ее стороны оставались высокие горы, покрытые лесом, с другой тянулись цветущие фруктовые сады и небольшие селения. Весной здесь было необычайно красиво: всюду цветы и свежая зелень. Река почти вплотную подходила к дороге – широкая, стремительная, но не глубокая. Ее мутно-красные воды бурлили, пенились, с шумом бились о камни, омывали плоский берег, отрывали с корнями деревья и, ломая ветки, несли их дальше, пока где-нибудь не выбрасывали изуродованные остовы²⁷⁶.

Вернувшись в Коссоры, Морозову пришлось снова вступить в управление хозяйственными делами, так как завхозу М. М. Миронову понадобилось срочно уехать на короткое время в Харьков, навестить тяжелобольную сестру, перенесшую операцию²⁷⁷.

Вместе со старшим врачом Морозов продолжил энергично добиваться перемещения лазарета на более оживленный участок фронта. Совесть и христианский

²⁷⁵ *Дековилька* – так называли легкую конно-железную дорогу (по имени изобретателя – французского инженера Desauville).

²⁷⁶ *Семин Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 214–216.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 104.

долг звали обоих к активной деятельности, туда, где лазарет, а значит и они сами могли бы принести больше пользы. В этом Морозов и Чикаревский были единомышленниками. Будучи близкими по духу людьми, да к тому же почти ровесниками, они с первых же дней знакомства нашли полное взаимопонимание. Нравственные идеалы Чикаревского, видимо, имели корни в его воспитании: он был сыном священника Казанской церкви города Борисоглебска Тамбовской губернии. О том, что Чикаревский был действительно совестливым и порядочным человеком, может свидетельствовать хотя бы такой факт: он стеснялся брать наградные деньги, считая их для себя незаслуженными из-за малой загруженности работой²⁷⁸. Чикаревский искал работу ближе к передовой, в то время как многие его коллеги, наоборот, использовали любую возможность (протекции, взятки и пр.), чтобы перевестись из действующей армии в тыловые лечебные заведения, в спокойную и безопасную обстановку.

О положении лазарета Морозов и Чикаревский писали в Петроград архиепископу Сергию (Страгородскому). Писали они и военно-санитарному инспектору Кавказского военного округа, указывая, в частности, что корпусный врач Максимович из-за нерасположения к учреждениям Красного Креста умышленно держит их на месте.

10 мая архиепископ Сергей (Страгородский) обратился к Л. В. Голубеву с письмом относительно судьбы Серафимовского лазарета. Он указывал на то, что с продвижением русских войск вглубь Турции лазарет оказался тыловым учреждением и, не имея непосредственной связи с действующей армией, стал исполнять функции «преимущественно учреждения терапевтического». Между тем наличие в нем опытного хирурга и специального оборудования указывало на желательность использования лазарета на оживленном участке фронта. Владыка Сергей сообщал, что доктор Ф. К. Феофилактос готов предоставить лазарету свой дом в Трапезунде, «вполне пригодный для помещения лечебного учреждения». Он просил Голубева переместить Серафимовский лазарет в Трапезунд или «вообще в район, находящийся ближе к театру военных действий»²⁷⁹.

Письма такого же содержания были одновременно направлены в Главное управление Российского общества Красного Креста и экзарху Грузии, которого владыка Сергей просил взять лазарет духовно-учебных заведений под свое покровительство. Экзарх со своей стороны предпринял какие-то ходатайства о переводе лазарета, но безрезультатно.

Между тем Л. В. Голубев ответил архиепископу Сергию, что в настоящее время передвинуть Серафимовский лазарет из Коссор не представляется возможным, так как Ольгинский район «очень нуждается в лечебных заведениях, в то время как Трапезундский район ими обеспечен». Он обещал в дальнейшем иметь в виду желание владыки Сергия и при первой же возможности его

²⁷⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 338 об.

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 115–115 об.

исполнить²⁸⁰. Окружного военно-санитарного инспектора Л. В. Голубев уверял, что главный врач 2-го Туркестанского корпуса Максимович «всегда относился в высшей степени доброжелательно ко всем учреждениям Красного Креста». Отмечая горячее желание Чикаревского быть в той обстановке, где его знания, как опытного хирурга, были бы наиболее полезными, он, тем не менее, замечал: «Во всех таковых случаях считаю, что учреждения Креста должны руководствоваться теми указаниями, каковые получают от корпусных врачей, которым обстановка и необходимость расположения отрядов более известна, чем отдельным начальникам отрядов Красного Креста»²⁸¹.

Пока шла эта официальная переписка, Морозов продолжал настойчиво обращаться в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений с горячими просьбами о переводе лазарета. «Во что бы-то ни стало, – умолял он, – спасайте лазарет от его бездеятельности, которая порождает праздность и порок и породит главное, позор лазарету духовного ведомства. <...> Люди от безделья ухищряются на все и подчас не проверяют своих мыслей и поступков, а это очень вредно для лазарета, ибо лица, думая, что они действуют в своих рамках и их действия касаются лишь их лично, забывают, что часто наносят позор учреждению, в котором живут и служат. Так вот ради благополучия, ради славы лучшей, лазарета духовного ведомства, а их так мало, надо дорожить всем, и чуть заметив недоразумение, которое влечет за собой неприятности для лазарета, надо их изыять. Дайте работы, дайте работы, чтобы не было времени для праздных мыслей и последствий и тогда будет благополучие. Работы никто не страшится, все добровольно шли к ней, а кому под тяжесть, тот оставит то учреждение, где нужны работники, а не празднлюбцы»²⁸².

Неприязненное отношение корпусного врача к учреждениям Красного Креста и его симпатии к Земскому союзу Морозов объяснял тем, что Максимович искал популярности в «народных организациях». Очевидно, корпусный врач симпатизировал Земскому союзу и Союзу городов исключительно по политическим пристрастиям. Эти общероссийские организации, образованные в начале войны с целью оказания помощи больным и раненым воинам, стали символом либеральной общественности. В годы войны между ними и Российским обществом Красного Креста, символизирующим «официальную власть», возникла своеобразная конкуренция, так что либеральная пресса предпочитала больше писать об успехах Земского и Городского союзов, чем об успехах Красного Креста. Однако, как справедливо замечал Морозов, под флагом Красного Креста тоже работало немало лазаретов, сформированных народными организациями и содержащихся «на гроши народа», жертвующего свои лепты для помощи раненым воинам. К тому же медицинская часть Земских лечебных заведений,

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 116–116 об.

²⁸¹ Там же. Л. 120–120 об.

²⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 322–322 об.

как правило, была слабо оборудована, а в Ольгинском округе ни одно из них не имело хорошего хирурга. Это обстоятельство у многих вызывало недоумение, почему такой «богатый лазарет» как Серафимовский, имеющий опытного хирурга, бездействует в тылу, когда у передовых позиций в подобном заведении чувствуется острая нужда.

Морозов рассказывал, в каких «выходках» выразилось отношение к ним корпусного врача. Так, например, когда к лазарету были прикомандированы двуколки для эвакуации больных и раненых, Максимович распорядился передать десять из них земцам. Сделано это было для того, чтобы дать возможность Земскому лазарету, а не Серафимовскому, пропустить через себя в период затишья большее число больных и раненых. В то время на фронте многие медицинские учреждения стремились принять по возможности большее количество людей и зарегистрировать поменьше смертных случаев. Но при этом, к сожалению, внимание зачастую обращалось не на качество оказанной помощи, а исключительно на количество принятых пациентов. Из-за этого святой труд превращался в нездоровую конкуренцию, погоню за цифрами. Морозов писал, что трудно работать в таких условиях особенно тогда, «когда создают, некоторые, конкуренцию, создают мелочи жизни в ущерб делу, а все это потому, что начальство занято не делом, а личными счетами и страстью человеческою – в поисках наград забывая, что благосостояние учреждения – есть награда». Так было и в деле с двуколками, которые отобрали у Серафимовского лазарета и передали земцам лишь для того, чтобы те могли рапортовать о своих «успехах», а следовательно, получать награды. Только после настойчивых и убедительных требований Чикаревского Серафимовскому лазарету дали возможность пользоваться двуколками от Земства, причем в первую очередь удовлетворялся Земский лазарет, а затем уже Серафимовский. К счастью, Чикаревский не страдал погоней за цифрами, а старался честно выполнять свой долг. Указывая комитету, что желает работать «не для рекламы, а для пользы», он писал: «...больше обращаю внимания на качество, а не количество, и при приеме больных и раненых не делаю выбора между теми и другими»²⁸³.

Трижды Чикаревский представлял к наградам персонал лазарета, среди которого были, между прочим, и те, кто перенес сыпной тиф, подорвав здоровье, как сестра Кляустин-Звирба, заработавшая порок сердца. Морозов также представлялся к награде – золотой медали на Анненской ленте²⁸⁴. Но корпусный врач игнорировал все рапорты.

«Я пишу об этом, – продолжал свое повествование Морозов, – ибо мне, прожившему среди духовенства, знающему эту жизнь и отношение к нему гражданской власти, больно за лазарет Духовного ведомства. Мне обидно, что

²⁸³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 303.

²⁸⁴ К этому времени Ф. М. Морозов по представлению комитета Красного Креста духовно-учебных заведений уже была награжден «за отлично-усердную службу» серебряной медалью на Станиславской ленте.

никто не идет навстречу преподавателям духовных учебных заведений, которые несут свои лепты на алтарь отечества в годину испытаний, желая облегчить страдания раненых защитников; на поле брани уврачевать их, дать им первую и самую существенную помощь... <...> Лазарет, как ребенок, оставленный всеми, кричит, а его не слышат. Я ведь здесь один, который может поведать тем, кому дороги интересы лазарета»²⁸⁵.

Организации, формировавшие лечебные заведения, как правило, имели при них своих представителей. Серафимовский же лазарет, несмотря на огромную удаленность от своей организации, не имел. Уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при лазарете считался старший врач. Однако занятый обязанностями по медицинской части и управлению, он практически не имел возможности заниматься внешними и внутренними проблемами лазарета. Ему нужен был помощник – помощник уполномоченного, с которым он мог бы «обсуждать жизненные вопросы», и которому мог бы поручать переговоры с властями и комитетом. На эту должность Морозов, как человек заинтересованный, предлагал себя. «Иной раз надо поехать лично, – писал он в комитет, – приглядеться к отношениям других, а не судить понаслышке; неимение времени отлагает благой порыв и новые начинания, и так “завтра” остается на год, а мысль, как птица, показалась и улетит. Жизнь военного лазарета вовсе не то, что мирного времени, где некуда спешить. Здесь день идет за неделю, упустишь случай – не вернешь. Мое двухгодичное пребывание на фронтах показало, чем живы люди и как надо с ними ориентироваться, дабы из-за личных недоразумений не вышел вред всему учреждению»²⁸⁶.

Указывая на необходимость перевода лазарета в Трапезунд, Морозов сообщал, что эвакуация больных через Коссоры скоро совершенно закроется и что уже сейчас в лазарете всего 15 больных «хроников», требующих тылового госпитального или санаторного лечения. В Трапезунде же, как было слышно, кроме передовых отрядов да лазаретов Земского союза, не было ни одного лечебного заведения Красного Креста. «От Вас зависит дать нам работу, – писал он, – поставить лазарет там, где он должен быть, а не делать из него питательный пункт, кормить кочующих из лазарета в лазарет лишь бы продолжить время отлучки из окопов, а таких здесь много, особенно казаков донцов, кубанцев. Довольно томиться, зря тратить деньги лишь на уплату персоналу и подчас излишнюю кормежку прохожих. Надо же дать работу такую лазарету, чтобы это было чувствительно и оставило достойный след в истории участия Церкви в отечественной войне»²⁸⁷.

Помимо малой занятости, в лазарете накопилось много и других серьезных проблем, которые решать приходилось, главным образом, Ф. М. Морозову.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 319 об.–320.

²⁸⁶ Там же. Л. 320 об.

²⁸⁷ Там же. Л. 322.

Чувствовалась большая потребность в новом белье, но особенно острой была нужда в палатках, так как старые сильно износились, а две из них разорвала буря. Пока стояла хорошая погода, жизнь в ветхих палатках была еще сносной, но когда начинались дожди, становилась просто невыносимой. «Сидишь в палатке, – писал Морозов, – а вода, словно чрез решето дождем, пробивается сквозь холст; в сырости проживаем так недели. Сестры живут в юртах, в которых после дождя не продохнешь. Войлок промокает и пахнет псятиной, да к тому, то там, то здесь просачивается вода, вся одежда промокает»²⁸⁸. Порванные бурей палатки были самые большие, и с их потерей почти вполнину сократилось число коечных мест в лазарете. Хотя на ближайших складах Красного Креста и имелись палатки, покупать их из-за крайне плохого качества даже на короткое время не имело смысла. Подходящие большие палатки, например палатки Гессена, можно было приобрести лишь в Петрограде. Хотя они и стоили очень дорого, зато служить могли долго. Рассчитывать же на какие-либо помещения в случае передвижения лазарета в другое место, было трудно, так как в Закавказье и Турции постройки очень редко подходили для размещения лечебных заведений.

Другой серьезной проблемой в лазарете являлся вопрос хлебопечения. Интендантский хлеб, как правило, был низкого качества, нередко сырой или залежавшийся, и естественно не подходил для больных, особенно желудочных (тифозных и др.). Пшеничного хлеба в интендантстве вовсе не выпекали. Поэтому для нужд лазарета приходилось самим печь пшеничный хлеб, качеством которого, к сожалению, трудно было похвалиться. Причиной этому являлось неимение хорошей печи из-за отсутствия кирпича. Если где и продавался кирпич, то за него просили огромные деньги – 30 копеек за штуку. Местный камень, из которого складывали лазаретную печь, был рыхлым и рассыпался от жара, так что нередко случалось, что после «сажания» хлеба в печь он выпекался «не только жаром, но и ветром»²⁸⁹. Когда Ф. М. Морозов был в Петрограде, то специально посетил выставку внеочередного Пироговского съезда, проходившего 15–18 апреля. Там его внимание привлекла походная печь на двуколке, представленная Российским обществом Красного Креста. За один раз она могла выпекать 5 пудов хлеба, а в день – 50 пудов. Хлеб выходил хорошо пропеченный и «вполне полезный». Стоила, правда, такая печь довольно дорого – 2800 рублей, но зато исключительно подходила к условиям полевой жизни. Поэтому Морозов сразу же обратился в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений с просьбой приобрести такую печь для лазарета²⁹⁰. Ответа, впрочем, не последовало. Рекламный проспект печи он привез с собой в Коссоры, передав Чикаревскому. Тот, оценив достоинства походной хлебопекарни, да и сам нередко слышав о ней положительные отзывы, со своей стороны также просил комитет приобрести эту печь. Однако из комитета так ничего и не ответили.

²⁸⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 321 об.

²⁸⁹ Там же. Л. 327–327 об.

²⁹⁰ Там же. Л. 337.

Исключительно остро стоял вопрос и с лазаретным обозом. Если раньше еще можно было как-то исправлять возникающие поломки, с чем Морозов в свое время довольно успешно справлялся, то теперь это стало почти невыполнимым. Причина была в том, что тифлисский склад Красного Креста почему-то перестал приобретать повозки. А кроме того, отказывал, по неимению, в отпуске ремонтных частей: колесных ступок, спиц, ободьев, а главное – шинного железа, которого ни в Карсе, ни в Тифлисе не стало после проведенной военными властями реквизиции. В виду сложившегося положения Чикаревский просил комитет Красного Креста духовно-учебных заведений «в первую очередь» прислать 50 пудов шинного железа. Такая экстренность диктовалась тем, что вопрос исправности обоза был жизненно важным, так как от него зависело передвижение и снабжение лазарета²⁹¹. Морозову, однако, каким-то образом удалось достать железо на месте, о чем он и поспешил уведомить комитет²⁹².

Во время последней его поездки в Петроград комитет обещал переслать в лазарет переданные начальником отряда Японского Красного Креста профессором Снисиро Уэно материалы, пожертвованные японскими христианами: марлю, вату, материю для косынок. Но груз по каким-то причинам до места назначения не дошел. Также бесследно затерялись и книги, посланные лазарету петроградским Обществом духовно-нравственного просвещения. Когда Морозов пытался выяснить их судьбу, на тифлисском складе Красного Креста ему заявили, что книги, очевидно, вытащили еще в дороге.

А вот походная церковь пришла в сохранности, только холщовый иконостас комитет почему-то не прислал²⁹³. Теперь можно было позаботиться об организации регулярных богослужений. Еще в конце марта доктор Н. К. Чикаревский принял в лазарет на должность штатного священника иеромонаха Филарета (Панфилова)²⁹⁴, служившего ранее при 1-м Сибирском казачьем полку. До него службы в лазаретной часовне со времени отъезда иеромонаха Иннокентия никто не совершал, а за исполнением треб обращались к священникам ближайших лазаретов или воинских частей. Среди таковых, видимо, и оказался отец Филарет, попросивший старшего врача принять его на штатную должность. Свою просьбу он мотивировал тем, что при верховой езде во время передвижения полка сильно утомляется и, кроме того, опасается «получить тяжелые повреждения вследствие падения с лошади»²⁹⁵. Хотя личные качества иеромонаха Филарета не

²⁹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 327 об.–328.

²⁹² Там же. Л. 338.

²⁹³ Там же. Л. 323 об.–324.

²⁹⁴ **Филарет** (Панфилов; 1875 – после 1931) – иеромонах. Монашеский постриг принял в 1906 г. в Свенском монастыре г. Брянска Орловской губернии, затем состоял насельником Казанского монастыря Ставропольской епархии. В сан иеромонаха рукоположен в г. Тюмени Тобольской губернии. С начала Первой мировой войны служил священником 1-го Сибирского казачьего полка 2-го Туркестанского армейского корпуса. 29 марта 1916 г. прикомандирован к 2-му Серафимовскому лазарету на Кавказском фронте. После войны проживал в Ставрополье. В 1931 г. арестован и осужден по делу «церковно-монархической организации «Истинных тайных христиан»». Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 290.

были известны Н. К. Чикаревскому, он, тем не менее, переживая, что в лазарете не совершаются богослужения, ходатайствовал за него перед комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений. Вернувшись из Петрограда, Морозов сразу же предложил получить назад принадлежащие Серафимовскому лазарету антиминс, дарохранильницу и икону с мощами, которые хранились у Горийского епископа Антония. Для этого в Тифлис командировали иеромонаха Филарета, который и получил названные предметы²⁹⁶.

После возвращения в конце мая из отпуска М. М. Миронова и передачи ему хозяйственных дел Морозов совсем приуныл. Числясь теперь помощником заведующего хозяйством и медбратом, он остался почти без работы. Во время эрзерумских боев, при наплыве в лазарет раненых, Морозов сожалел, что за хозяйственными делами отдалился от обязанностей брата милосердия. Когда больных и раненых стало очень мало, должность завхоза, напротив, давала возможность хоть какой-то деятельности. Теперь же и эта возможность исчезла.

Желая вырваться из сложившейся ситуации, он искал всевозможные варианты. В комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Морозов обращался с просьбой о предоставлении ему места в передовом санитарном транспорте, сформированном комитетом весной 1915 года для Юго-Западного фронта. Транспорт этот, прикомандированный к 101-й дивизии генерала К. Л. Гильчевского – одной из самых героических частей русской армии, за год работы в боевых условиях успел снискать себе заслуженное уважение. Узнав в Петрограде о самоотверженной деятельности его персонала, Морозов захотел перевестись туда. Он просил комитет в случае переформирования администрации транспорта, если понадобится заведующий хозяйством или помощник начальника, иметь его в виду²⁹⁷. Обращался Морозов и к Л. В. Голубеву с просьбой о переводе в 10-й передовой отряд, уполномоченный которого «очень хлопотал» о назначении его своим помощником. Голубев, однако, ценя Морозова, ответил, что он «нужен в Серафимовском лазарете»²⁹⁸.

До середины июня работы в лазарете по-прежнему было немного, и носила она все тот же этапный характер – большинство больных эвакуировалось в тыл. Оставались наиболее тяжелые и наиболее легкие, подлежащие скорой выписке в часть. Однако, когда в середине июня начались бои за укрепленный турецкий город Байбурт, в Серафимовский лазарет вновь хлынул поток раненых. В конце июня корпусный врач предложил руководству лазарета организовать хирургический отряд-летучку и выступить в город Испир для оказания помощи раненым на позициях. В отряд вошли старший врач Н. К. Чикаревский, Ф. М. Морозов, сестры милосердия М. Иглина и Э. Лейтланд и шесть санитаров. Имущество, необходимое для персонала и раненых, – палатки, белье, одеяла, мешки для сенников, медикаменты, сгущенное молоко, галеты, крупы,

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 106–107.

²⁹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 324.

²⁹⁸ Там же. Л. 339.

чай, сахар, посуду – погрузили на несколько санитарных двуколок. Рано утром 30 июня отряд выступил в направлении Ольт, а оттуда двинулся через Эрзерум на Байбурт.

Сбывалась, наконец, заветная мечта Морозова попасть в передовой отряд. Хотя путь к месту назначения был нелегкий, и отряду предстояло преодолеть верхом на лошадях под палящим солнцем по горным дорогам более 200 верст, Морозов воспринимал все это с огромным энтузиазмом. По пути он фотографировал все, что находил достойным внимания.

2 июля части 2-го Туркестанского корпуса заняли Байбурт. В тот же день Морозов писал профессору Шляпкину: «Шлю привет из Байбурта, куда я пришел со своим летучим отрядом; турки бегут. Бог даст, побываю и в Трапезунде. <...> Вот история, я вполне живу походной жизнью, терпя всякие лишения. По пути видел и фотографировал бывший монастырь Хохульской Богоматери; очень интересные памятники, там сохранился соборный храм, где местами есть следы фресок; что особенно интересно – рельефы при входе в храм; там же интересная галерея, где колонны с резными капителями и рисунками. <...> Здесь всюду турки бегут. Вначале окажут сопротивление, а после, если отступают, то отступают умело – долго их не разыщешь в горах. Скоро конец Понтийского хребта... Зверствам турок нет предела... Имею много снимков»²⁹⁹.

Недолго, однако, пришлось Морозову восторгаться походной жизнью. Летучка не успела даже дойти до места назначения, как корпусный врач вызвал ее по телеграфу обратно. А так как ко времени байбуртских боев позиции отодвинулись от Коссор на 250 верст, то летучка, проведя в дороге в общей сложности почти двадцать дней, не принесла никакой пользы. Во время странствования заболел возвратным тифом Н. К. Чикаревский. Из-за того, что доктор провел почти все время болезни верхом на лошади, он вернулся окончательно обессиленным и через четыре дня скончался. Смерть его стала большой потерей для персонала лазарета. Отпели Николая Константиновича в лазаретной церкви, а для погребения отправили на родину в Борисоглебск.

Незадолго до этого корпусный врач приказал передвинуть Серафимовский лазарет из Коссор в Ольты, чем и было вызвано решение вернуть летучку. Однако после взятия Байбурта эвакуация раненых и больных, в результате изменения стратегического расположения наших войск, теперь осуществлялась по направлению Эрзерум–Сарыкамыш, а тракт Ольты–Коссоры–Мерденек потерял значение. Поэтому переводить лазарет в Ольты стало бессмысленным. Тогда, наконец, благодаря хлопотам комитета Красного Креста духовно-учебных заведений и очередному настойчивому ходатайству Ф. М. Морозова лазарет все же решено было отправить в Трапезунд. Исполняющим должность старшего врача временно назначили зауряд-врача А. М. Ткаченко. Вынужденно приняв управление лазаретом и не имея необходимого административного опыта, он

---

²⁹⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 25–25 об.

немедленно отправил архиепископу Сергию телеграмму с просьбой о назначении Морозова уполномоченным комитета. В складывающейся ситуации это назначение становилось все более актуальным.

Получив предписание о переводе, лазарет быстро свернулся и через Карс–Тифлис по железной дороге направился в Батум, откуда 9 августа морем прибыл в прибрежный Трапезунд, или как его называли в то время – Трапезонд. Переправа из Батума прошла благополучно, несмотря на то, что транспорт попал в сильную бурю и его изрядно качало. Куда опасней было наткнуться на немецкую подводную лодку. Хотя русские военные корабли и контролировали Черное море, такая опасность всегда оставалась и время от времени подводные лодки противника давали о себе знать.

Древний Трапезунд

Трапезунд заметно отличался от тех городов, которые Ф. М. Морозову уже довелось видеть в Армении и Турции – он выглядел красивым и диковинным азиатским городом. Располагался он на высоком берегу, откуда уступами к самой воде спускались белые с красными черепичными крышами дома, окруженные садами и цветниками. Над городом возвышались остроконечные белые минареты и темно-зеленые величавые кипарисы. С моря город, по выражению современника, выглядел «почти волшебным». Однако первое, что привлекло внимание Морозова при приближении к Трапезунду, это величественные развалины древней крепости с грозными зубчатыми башнями. Воображение его разыгралось: с археологической точки зрения город обещал открыть много интересного.

Трапезунд был действительно богат древними памятниками. Один из старейших городов мира, он долгое время оставался глухой провинцией Римской империи. Однако в начале XIII века приобрел особое политическое значение, сделавшись столицей так называемой Трапезундской империи – небольшого греческого государства, образовавшегося на юго-восточном побережье Черного моря в процессе распада Византии. В 1204 году здесь утвердилась династия Комнинов, в течение двух с половиною веков правившая этой призрачной империей. Исторически она стала последним византийским оплотом и осколком византийской культуры на черноморском побережье Малой Азии. Вот почему Морозов писал профессору Шляпкину о том, что хочет побывать в Трапезунде. «Трапезунд довольно хорош, если бы его почитистить от грязи; даже великолепен...», – делился он первыми впечатлениями³⁰⁰.

На приморском участке Кавказского фронта этот город имел для русской армии огромное стратегическое значение, он был, по выражению современника, все – начало и конец. Город служил основным перевалочным пунктом. Так как

³⁰⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17 об.

обеспечение наших войск в этом районе осуществлялось почти исключительно морским путем, в Трапезунд постоянно приходили и уходили транспортные суда, сопровождаемые военными кораблями. Целыми днями по главной улице, переименованной в Ляховскую в честь генерала В. П. Ляхова³⁰¹, тянулись повозки, обозы, двуколки с ранеными, мчались мотоциклеты и автомобили, одним словом – жизнь кипела.

Прибыв в Трапезунд, Серафимовский лазарет, к удивлению Ф. М. Морозова и А. М. Ткаченко, был почти с безразличием встречен уполномоченным Красного Креста в Приморском районе Н. П. Племянниковым, который отказался размещать лазарет в городских помещениях, мотивируя это тем, что его могут в скором времени передвинуть в другой район. Он приказал расположиться в палатках за городом (в пяти верстах) – в неудобном глинистом месте. Ввиду того, что лазарет так и не получил новых палаток, он развернулся всего на 135 коек вместо 200. Прием больных начался уже с середины августа, причем почти все время в нем лежало от 150 до 250 больных³⁰².

Разместиться в доме Ф. К. Феофилактоса, как предполагалось изначально, лазарет не смог из-за того, что доктор сам теперь жил в Трапезунде, занимая должность старшего врача городского лазарета. Морозов повидался с ним. Феофилактос необычайно обрадовался встрече. Узнав, что в Серафимовском лазарете нет старшего врача, он выказал желание занять эту должность, будучи рад снова поработать в том заведении, с которого начал свою деятельность во время войны. Феофилактос лишь просил позволить ему уделять два часа в день городской больнице, связь с которой не хотел терять, потому что планировал после войны остаться там работать. На должность старшего врача он, по мнению Морозова, подходил и по своей специальности как хирург – «специалист головы» (учился в Париже, а также держал экзамен в России). Однако на перемещение Феофилактоса в лазарет нужно было согласие начальства, о чем и завязалась переписка с комитетом и управлением Красного Креста³⁰³.

Осваиваясь на новом месте, Морозов ждал из комитета ответ на просьбу о своем назначении уполномоченным при лазарете. В это время управление Красного Креста при Кавказской армии планировало дать ему должность в другом лечебном заведении, однако теперь он уже не хотел оставлять Серафимовский лазарет, где так «много поработал и хлопотал о благополучии его». Долгое время Морозов жил мечтой перевестись в какой-нибудь передовой санитарный отряд, чтобы работать вблизи боевых действий. И вот теперь, когда этот вопрос вроде бы решался, он почувствовал, что не хочет оставлять лазарет, с которым

³⁰¹ Ляхов Владимир Платонович (1869–1920) – генерал-лейтенант Генштаба. Весной 1916 г. возглавлял Трапезундскую операцию. 5 апреля 1916 г. вместе с прибывшим на миноносце главнокомандующим Кавказской армией генералом Юденичем вошел в г. Трапезунд и отправился по узким улочкам города в православный греческий собор, где греческий митрополит совершил молебен об освобождении христианского населения от турецкого владычества.

³⁰² РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635. Л. 6–6 об.

³⁰³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17–19 об.

сроднился душой и с жизнью которого был теперь неразлучно связан. С другой стороны он, наверняка, хотел задержаться на некоторое время в древнем Трапезунде, так много обещающем археологу.

Оказавшись здесь, Ф. М. Морозов вскоре узнал, что в городе находится академик Федор Иванович Успенский (1845–1928) – известный русский византист, прибывший в Трапезунд для обследования и охраны древних памятников. До войны он бессменно возглавлял Русский археологический институт в Константинополе (Стамбуле). Открытый в 1895 году, институт занимался исследованием монументальных памятников древности и искусства, изучением древней топографии и географии, описанием древних рукописей, эпиграфикой и нумизматикой, исследованиями быта и обычного права, языка и устной словесности народностей, входивших в состав Византийской империи. За время существования институт проделал огромную работу по изучению древних памятников. Однако в 1914 году с началом Первой мировой войны, когда турецкие власти разорвали дипломатические отношения с Россией, институт был закрыт, вынужденный перенести свою деятельность в Россию. Основное имущество института, вместе с музейными коллекциями и библиотекой, осталось в Стамбуле, и было частично утрачено. Ф. И. Успенский, несмотря на то, что война и прочие обстоятельства разрушили дело его многолетнего труда, надеялся, что институт все же возродится. Когда в апреле 1916 года русские войска заняли Трапезунд, академик поспешил организовать туда археологическую экспедицию. Впрочем, считал ее занятием временным, так как был уверен, что скоро русские возьмут Константинополь.

Вопрос об охране памятников в районе Трапезунда был поднят еще до занятия его русскими войсками. 11 февраля 1916 года члены Археологического общества А. А. Дмитриевский и Я. И. Смирнов сделали на заседании Русского отделения Общества доклад «Древности Трапезунда» – о необходимости охраны его памятников. На основании этого доклада было решено немедленно возбудить перед военными властями вопрос «о заблаговременном принятии мер к тому, чтобы памятники г. Трапезунда, а впоследствии всей приморской области поставлены были под действительное наблюдение и попечение ученых специалистов по возможности с самого начала занятия соответствующих городов нашими войсками, дабы предотвратить те возможные повреждения, которые могут потерпеть эти памятники как от случайностей первых моментов военной оккупации, так и от хищений торговцев древностями и любителей и, наконец, от слишком поспешного и недостаточно осмотрительного возвращения некоторых мечетей к их прежнему церковному назначению»³⁰⁴. Буквально через две недели аналогичное постановление было принято на собрании Историко-филологического отделения Академии наук.

³⁰⁴ Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. XXIII. – С. 301.

В начале марта военные власти дали согласие командировать в Кавказскую армию представителей Русского археологического общества и Академии наук. Так как обе организации ставили сходные задачи, было решено объединить их усилия и организовать совместную экспедицию, в состав которой вошли: академик Федор Иванович Успенский, профессор Федор Иванович Шмит (1877–1941) и Николай Карлович Клуге (1867–1947), приглашенный как художник и фотограф. Финансировалась она за счет средств, ежегодно выделяемых Министерством народного просвещения на содержание Русского археологического института в Константинополе.

Главной задачей экспедиция ставила описание и консервацию памятников старины, раскопки же предполагалось производить лишь по мере возможности. Однако, когда археологи в середине мая прибыли в Трапезунд, они нашли город совершенно разграбленным греками и русскими. Осмотр древних памятников произвел удручающее впечатление, повсюду виднелись следы грабежа и разорения. Тогда ученые решили сосредоточить внимание на обследовании и охране древних христианских храмов, обращенных турками в мечети, главным образом трех: Св. Софии, Св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Все названные церкви по распоряжению властей были закрыты для мусульманского культа и предоставлены для проведения в них археологических работ.

Морозов подключился к работам Ф. И. Успенского приблизительно в середине августа, то есть буквально через неделю после прибытия в Трапезунд. Академик весьма обрадовался его появлению, так как в это время работал уже один, оставшись без помощников: Ф. И. Шмит и Н. К. Клуге вернулись в Россию. Причиной их скорого отъезда отчасти стали недоразумения, возникшие между Успенским и его коллегами. Особенно у академика не заладились отношения с профессором Шмитом, представлявшим Русское археологическое общество. Конфликт начался еще в Тифлисе, куда ученые съехались в начале мая для получения необходимых документов от военных властей. Шмит полагал, что командирован в Трапезунд Археологическим обществом как лицо самостоятельное, однако к своему большому неудовольствию узнал, что должен поступить под начало Успенского, объявленного руководителем экспедиции. Для Шмита, ехавшего в Турцию с собственным планом охраны памятников на обширной территории Малой Азии, известие это оказалось крайне неприятным. Он пытался отстоять свою самостоятельность, однако Успенский добился того, чтобы Шмит поехал в Трапезунд под его руководством. В канцелярии штаба, по словам Н. К. Клуге, очень удивлялись, что Успенский так настойчиво добивался того, чтобы поставить Шмита в полную зависимость от себя. Между тем Шмит не считал возможным отказаться от участия в экспедиции, хотя его и не устраивали условия работы³⁰⁵.

³⁰⁵ Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. XXIII. – С. 303.

Следует сказать, что Ф. И. Успенский с самого начала повел себя по отношению к коллегам довольно странно. Он не посвящал их ни в свои замыслы, ни в планы экспедиции. Естественно, такая скрытность выглядела не совсем нормально. Клуге вспоминал, что ни Шмит, ни он сам не могли добиться в Тифлисе от Успенского, какие же цели и задачи ставит экспедиция. Только при отъезде из Тифлиса Клуге узнал из свидетельства, выданного начальником штаба Кавказского военного округа, что отправляется в Трапезундский регион «для исследования, регистрации и учреждения охраны памятников старины»³⁰⁶.

По прибытии в Трапезунд Шмит и Клуге так и не смогли выяснить у академика, что именно надо понимать под словом «памятники» и в чем конкретно должна заключаться их охрана. Из-за этого произошло немало курьезов. Клуге вспоминал: «Из мечетей свозили куда-то старые подсвечники и лампы, а архивы в мечетях и библиотеки в частных домах и учреждениях были оставлены на полный произвол. Что не успели разграбить раньше, то продолжали грабить при нас. Успенскому мы со Ф. И. Шмитом неоднократно указывали на то, что местные греки и русские солдаты, главным образом матросы, продолжают грабить мечети и разбивать теке, но он на это отвечал: это не мое дело»³⁰⁷.

Изначально ученые решили при исследовании памятников вести работы так, чтобы не «подводить» местное христианское население на случай, если турки снова отвоюют Трапезунд: в мечетях-церквях не снимать со стен штукатурку и по возможности избегать всего того, что могло бы оскорбить религиозные чувства турок. Поэтому было решено заняться составлением планов трапезундских церквей, которые хотя и были изданы французами, однако имели много неточностей. Вместе с тем никаких определенных задач, на что конкретно обращать внимание и чем заниматься при исследовании храмов, намечено не было. Это сейчас же сказало при работах в Св. Софии, с которой начались археологические исследования. Успенский решил «не церемониться с ней» на том основании, что она была якобы заброшена самими турками, хотя это было неверно.

Перед началом работ в Св. Софии не было сделано ни одного фотографического снимка внутри мечети, которую археологи застали «в прекрасном порядке». Исследования начались со снятия дощатого турецкого настила, под которым сохранилась средняя часть древнего мраморного пола. При сбивании со стен штукатурки обнаружались фрески. После этого решено было сделать подробный план храма, а также фотографии открытых фресок – отдельно каждую композицию и в большом масштабе детали выдающихся частей, скопировать акварелью несколько голов, рук, ног, часть драпировок одежд, чтобы дать представление о характере живописи. Однако, когда пришло время фотосъемки, выяснилось, что почти нет фотографических пластин. О причинах этого следует рассказать более подробно, так как из-за отсутствия необходимых материалов

³⁰⁶ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 50 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 51 об.

Клуге практически не смог выполнить задачу фотографа экспедиции. И если бы не появление в Трапезунде Ф. М. Морозова, то экспедиция имела бы в своем распоряжении совсем незначительный фотоматериал. Картина в общих чертах выглядела так. Успенский и Клуге выезжали из Петрограда вместе. При отъезде Успенский настолько заторопился, что Клуге удалось достать лишь полторы сотни обыкновенных пластин Веллингтона размером 13×18, за качество которых магазин не ручался. Взять пластины русского производства он не решился, так как качество их было настолько плохое, что в магазинах прямо говорили об их непригодности. Тогда Клуге попросил Успенского поручить магазину Иохима выслать в Трапезунд партию пластин Ильфорда, которые магазин должен был получить недели через две после отбытия их из Петрограда. Перед отъездом Клуге указывал Успенскому, что полутора сотен пластин далеко недостаточно, так как кроме исследования памятников Трапезунда планировалось посетить несколько монастырей в его окрестностях. Однако супруга академика – Надежда Эрастовна, собиравшаяся в поездку вместе с мужем, решила, что имеющихся пластин вполне достаточно, а если понадобится еще или купленные окажутся негодными, то можно будет приобрести их в Тифлисе. Впрочем, в день отъезда из Петрограда Успенский в телеграмме Ф. И. Шмиту, находившемуся в Харькове, просил захватить 60 пластин 13×18. Однако в Харькове Шмит пластин не нашел. В Тифлисе их тоже не оказалось. Тогда Шмит и Клуге стали настаивать, чтобы Успенский сделал заказ Иохиму, но тот отказал, уверяя, что в Трапезунде можно будет найти все, что нужно. Не найдя, однако, в Трапезунде пластин, они снова стали просить академика заказать их в Петрограде. Вместо этого Успенский написал в Тифлис супруге, чтобы она захватила с собой 60 пластин. «Можно было заподозрить, – вспоминал Н. К. Клуге, – что Успенского совершенно не интересовало, будут ли нами сделаны снимки или нет, так как он безразлично относился к этому делу. Только благодаря любезности моряков, давших нам 2 дюжины пластин 10×15 и свой фотографический аппарат, можно было сделать кое-какие снимки в Св. Софии»³⁰⁸. Моряки действительно очень помогли археологам. Во время морского перехода в Трапезунд часть фотоматериалов оказалась подмоченной водой. Узнав об этой неприятности, офицеры-моряки решили выручить ученых и подарили им 24 пластины Ильфорда и фотоаппарат в придачу.

Трения между археологами обострились еще больше, когда Ф. И. Успенский заявил, что с 15 июня Н. К. Клуге должен будет работать с ним. Это означало, что в самый разгар работ в Св. Софии их необходимо будет остановить. У Ф. И. Шмита опустились руки, и 17 июня он уехал из Трапезунда. 5 июля город покинул и Н. К. Клуге.

В Трапезунде находился еще один специалист, чьей помощью поначалу воспользовался Успенский, однако вскоре вынужден был от нее отказаться. Это

³⁰⁸ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 52–53 об.

был Сергей Рудольфович Минцлов – «скифский гробокопатель», как язвительно «окрестил» его Н. К. Клуге. Читающей России он больше был известен как писатель, а в узких кругах – как страстный библиофил. В Трапезунде Минцлов состоял чиновником для поручений при генерале А. В. фон-Шварце – начальнике Трапезундского укрепрайона. Хотя главной стихией Минцлова были книги, археология в его жизни занимала не последнее место. Тем более что он имел в этой области профессиональное образование, будучи выпускником Нижегородского Археологического института. Ввиду этого, Шварц, обладавший полномочиями генерал-губернатора, поручил ему охрану памятников старины на территории укрепрайона и разрешил заниматься раскопками, предоставив полную свободу действий³⁰⁹. С первых же дней прибытия археологической экспедиции в город Минцлов был в курсе ее работ и довольно часто общался с Успенским, нередко появлявшимся на обедах у генерала Шварца.

Успенский пригласил Минцлова в помощники при исследовании церкви Св. Евгения (мечеть Йени Джума). Тот сразу стал уговаривать академика «предпринять настоящие, полные раскопки в храме», но Успенский не согласился, сославшись «на недостаток времени и рабочих рук»³¹⁰. Во время обследования алтарной части археологи обнаружили под штукатуркой фрески, однако Минцлов повел их расчистку так грубо, что Успенский поругался с ним и «выставил». В Петрограде рассказывали, что Минцлов очищал фрески путем *рубки* покрывавшей их штукатурки³¹¹. Сергей Рудольфович, впрочем,нисколько не рассердился на академика, который неизменно пользовался его гостеприимством, а последние месяцы пребывания в Трапезунде даже жил в его доме. Кроме того, фрески и византийские храмы его мало интересовали, а больше привлекали дохристианские древности. К тому же Минцлов как раз в это время получил от Шварца поручение произвести статистическое обследование Трапезундского укрепрайона, составлявшего 300 квадратных верст, так что занятия археологией временно отошли на задний план³¹².

Таким образом, к началу июля Ф. И. Успенский остался один. При таких обстоятельствах появление Ф. М. Морозова для него оказалось как нельзя кстати. Это была находка вдвойне: мало того, что Морозов имел профессиональные знания по археологии, он еще оказался и опытным фотографом, имеющим при себе все необходимые материалы.

К археологическим работам Морозов подключился в то время, когда академик обследовал церковь Богородицы Златоглавой (мечеть Орта Хиссар), служившую некогда кафедральным храмом митрополитов и местом царского захоронения. По просьбе Успенского храм предварительно очистили от хлама, грязи,

³⁰⁹ Минцлов С. Р. Трапезондская эпопея. Дневник. – Берлин: Сибирское книгоиздательство, [1925]. – С. 29, 51.

³¹⁰ Минцлов С. Р. О бывшем храме св. Евгения // Трапезондский военный листок. – 1916. – № 18. – С. 3.

³¹¹ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 313.

³¹² Минцлов С. Р. Трапезондская эпопея... – С. 51.

а также мусульманской обстановки и деревянных пристроек, обезобразивших юго-западную стену. Кроме того, по распоряжению генерала Шварца снесли деревянные жилые помещения и лавки, находившиеся между церковью и улицей.

Сделав в восточной части храма пробы, Успенский обнаружил под штукатуркой фресковую живопись, а по сторонам алтарной апсиды – великолепно сохранившийся мозаичный пол. Впрочем, работы по очистке мозаики и фресок проведены не были.

«Шлю Вам привет из Трапезунда, – писал в те дни Морозов профессору И. А. Шляпкину. – Здесь я недавно; работаю много по археологии, помогаю профессору Ф. И. Успенскому, который здесь один и был очень рад, что я приехал. Я фотографирую памятники Трапезундской старины; их довольно много. Самыми интересными являются храмы Св. Софии, а еще лучше храм Златоглавой Богородицы»³¹³.

Занимавшийся фотосъемкой Н. К. Клуге сумел сделать за время пребывания в городе всего около 40 снимков, признанных более или менее подходящими. Большая же часть фотографий, напечатанных с привезенных из Петрограда пластин Веллингтона, из-за плохого их качества, оказалась негодной³¹⁴. Поэтому Морозову пришлось частично переснимать то, что уже фотографировал Клуге.

Кроме упоминавшихся трех храмов Морозов фотографировал и другие, правда, менее интересные в архитектурном отношении. Это были небольшие церковки, вроде часовен, скрывавшиеся за многочисленными постройками внутри дворов, так что даже отыскать их было нелегко. Раньше они, вероятно, служили домовыми церквями, но теперь не функционировали. Фотографировал Морозов в Трапезунде еще два очень интересных храма – пещерных – видимых издалека при приближении к городу с моря. К ним вела белая мраморная лестница, сооруженная не так давно. Храмы эти обнаружил случайно попавший в Трапезунд ученый. В каждом имелись настенные росписи, емкости для воды и погребальницы (в некоторых хранились кости).

Кроме храмовых построек Морозов снимал древний кремль с остатками царского дворца, где, начиная с римской кладки, можно было видеть кладку вплоть до XIII–XV веков. Стены кремля тянулись поперек города до самого моря. Хотя во многих местах они уже претерпели значительные разрушения, тем не менее производили своим «царственным величием» большое впечатление. По убеждению Морозова древний кремль требовал «внимания, любви и изучения».

В городе у греков можно было купить кое-какие старинные вещи, например римские и византийские монеты. Морозов приобрел несколько монет времен императоров Калигулы, Тита и др. Разыскивал он и древние граффити, но безуспешно.

---

³¹³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 26.

³¹⁴ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

Интересные в церковно-археологическом отношении памятники имелись и в селении Платана, расположенном на берегу моря в 12 верстах от Трапезунда. Это был небольшой, типичный турецкий городок, изрезанный кривыми и тесными улочками. От самой воды он поднимался по уступам гор на значительную высоту. На одном из таких уступов возвышался древний византийский храм, в котором сохранились фрагменты еще яркого чудесного мозаичного пола. Никаких предметов древности в нем не сохранилось, кроме мраморной капители языческих времен, используемой в качестве подставки для деревянного запрестольного креста. В Платане было еще четыре храма, один из которых имел фресковую живопись, к сожалению испорченную реставрацией XIX века³¹⁵. Эти храмы Морозов также фотографировал. Однако вскоре ему пришлось отказаться от подробной съемки, что немало его расстроило. В Трапезунде, как уже говорилось, крайне трудно было достать фотоматериалы: если что и имелось, то стоило очень дорого, а многого вообще не обреталось. Безуспешно Морозов разыскивал и эстампажную бумагу, которая у него закончилась, а заменить ее было нечем. Ввиду дефицита материалов он вынужден был снимать выборочно, лишь то, что наиболее заслуживало внимания, хотя, по его мнению, «все заслуживало внимания»³¹⁶.

Очень скоро Ф. И. Успенский убедился, что Ф. М. Морозов оказался весьма ценным работником и еще в августе начал хлопотать через Академию наук о назначении его «сотрудником по работе регистрации памятников старины»³¹⁷. Однако, несмотря на это, доверительных отношений между ними не складывалось – академик держал дистанцию и скрытничал. Во время совместных путешествий по городу и окрестностям Успенский многое утаивал от младшего коллеги. Он, например, говорил, что там-то «не интересно», или там-то «нет особенных вещей», а позднее Морозов стороной или от самого академика узнавал, что как раз в тех местах было много любопытного с археологической точки зрения. «Тяжело бывает работать при таких условиях, – делился он с профессором И. А. Шляпкиным. – Я откровенен, а ко мне нет...»³¹⁸. На такое странное поведение академика, вызванное, видимо, научной ревностью и какими-то личными соображениями, указывал и Н. К. Клуге. Он, например, вспоминал, как Успенский «до неприличия бесился и ругался, когда до него доходили слухи (а их было много!), что Шмит открыл в Св. Софии замечательные фрески»³¹⁹. Клуге также рассказывал, что в Трапезунде при военно-строительном отделе имелась прекрасно оборудованная фотолаборатория, заведующий которой предложил дать археологам пластины и аппарат для совместной фотосъемки памятников.

³¹⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 28–29.

³¹⁶ Там же. Л. 29–29 об.

³¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 18.

³¹⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

³¹⁹ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 55 об.

Так как экспедиция испытывала большую нужду в фотоматериалах, такое предложение оказалось как нельзя кстати. Однако Успенский, узнав об этом, «свирепо отказался, заявив, что он никому не позволит фотографировать Св. Софию, Св. Евгения и Панагию Хризокефалос, исследования которых оставляет за собой»³²⁰.

Впрочем, Ф. М. Морозов, несмотря ни на что, относился к Ф. И. Успенскому с большим уважением и доброжелательностью. Это видно из его писем к академику.

К своему огромному огорчению, Морозов во время путешествий по городу подхватил инфекцию и в конце августа слег с брюшным тифом. Болезнь быстро истощила его организм.

В Трапезунде среди русских болели многие, прежде всего малярией и желудочно-кишечными инфекциями. Хотя военно-медицинская служба во главе с доктором Владимировым и пыталась бороться с эпидемическими болезнями, но вяло и малоуспешно – город оставался в санитарном отношении грязным и запущенным. Он был настолько загажен, что достаточно было «сунуть нос в любой двор или дом, чтобы тотчас же зажать его: нерукотворные памятники греко-солдатских визитов покрывали не только дворы и полы, но возвышались и на чудом уцелевших столах и комодах»³²¹. В нечистотах плодились миллиарды мух, которые тучами вились повсюду. Вместо того чтобы заняться устройством городской канализации и чисткой отхожих мест, доктор Владимиров запретил жителям держать у себя лошадей и коров и назначил премию в 15 рублей за каждый фунт мух³²². При этом город был переполнен больными солдатами. «Идешь по улице, – вспоминал очевидец, – и кажется, что навстречу без конца и без счета бредут только что вставшие из могил покойники; госпиталя переполнены по-прежнему донельзя и больные с температурой в 38° и выше валяются под дождем на открытых дворах»³²³. Причиной такого скопления больных была плохо поставленная и редко производившаяся эвакуация.

Пока Морозов болел, Ф. И. Успенский готовился к раскопкам находившейся рядом с алтарем храма Богородицы Златоглавой усыпальницы трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого в 1447 году по приказу своего сына Иоанна IV (Калояна). Впрочем, тогда академик полагал, что это могила императора Алексея III.

Исследование царского захоронения с самого начала оказалось делом непростым. Сперва необходимо было расчистить прилегающую территорию от различных мелких построек, о чем уже говорилось выше. Однако имелась и другая сложность – над царским захоронением турки устроили гробницу местного героя Хосоглана, сыгравшего важную роль при взятии Трапезунда³²⁴. Необходи-

³²⁰ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 56.

³²¹ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 73.

³²² Там же. – С. 85.

³²³ Там же. – С. 115.

³²⁴ Согласно существовавшему преданию Хосоглан удачным выстрелом из пушки перебил цепь подъемного моста, благодаря чему мост опустился и турки ворвались в город. Сам же он погиб при штурме города.

димо было решить вопрос с могилой воина так, чтобы не рассердить турецкое население, питавшее большое почтение к герою. «Предоставив местному мулле найти другое место для этой гробницы со всеми благочестивыми приношениями и украшениями, при ней бывшими, – писал Ф. И. Успенский, – я озаботился немедленно приступить к исследованию усыпальницы»³²⁵.

Раскапывать могилу начали 9 сентября, когда Морозов уже немного оправился и смог принять участие в этой работе. Бывал здесь и С. Р. Минцлов. Под полом тюрбэ³²⁶ археологи обнаружили цементированную и обложенную штукатуркой могилу, частично заполненную водой и толстым слоем черной земли. Когда его сняли, открылась мраморная плита – верхняя часть саркофага, на котором и была устроена турецкая могила. Саркофаг заполняла жирная, влажная земля. При ее извлечении Успенский обнаружил скелет, предположительно воина Хосоглана.

По мере углубления в саркофаг туда стала прибывать вода, что значительно затрудняло работы. Поэтому, когда в грязи появились части еще одного костяка, Успенский приостановил раскопки.

Чтобы способствовать оттоку воды из саркофага, с его северной и восточной стороны пришлось прокопать траншеи. Однако цель достигнута не была: вода не стекала в глубокую канаву и после вычерпывания снова появлялась в саркофаге. «Со значительными трудностями, то, вычерпывая воду, то, выбрасывая землю, – вспоминал Успенский, – я, при помощи оказавшегося в Трапезунде Ф. М. Морозова, продолжал углубляться в могилу»³²⁷. Когда совместными усилиями удалось расчистить саркофаг, археологи обнаружили на дне его царские останки. Неправильное положение костяка и полное отсутствие погребального орната свидетельствовали о том, что могилу ограбили, причем, по мнению Успенского, вскоре после захоронения. То, что дно саркофага было пробито и через него поступала вода, наводило на мысль, что грабители попали в усыпальницу, сделав подкоп.

Найденный на дне могилы череп сохранился в целости, но при выемке из земли костяка части его отделились. Только позвоночник с ребрами и тазом удалось спасти от разрушения. Извлеченные кости имели любопытную особенность: они были как бы пропитаны жирным составом, который придавал им особый цвет. Успенский предположил, что это произошло из-за бальзамирования погребенного.

При деятельном участии Морозова кости были промыты, высушены и положены в ящик, который забили и опечатали. В этот день, 14 сентября,

³²⁵ Успенский Ф. И. Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 10.

³²⁶ Тюрбэ (арабск.) – усыпальница на Востоке для знатных людей.

³²⁷ Успенский Ф. И. Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 12.

академик отметил в записной книжке: «Я натер мозоль при очищении костяка, а Ф. М. Морозов порезал палец»³²⁸.

Еще до раскопок царской могилы Морозов предложил Успенскому организовать при храме Богородицы Златоглавой местный историко-археологический музей. Академик, хотя и «с недоверием, но все же согласился»³²⁹. Храм этот был выбран местом для музея неслучайно. Как уже говорилось, прибыв в Трапезунд, экспедиция обнаружила в мечетях-церквях следы разорения. Чтобы оградить памятники от дальнейшей порчи, Успенский распорядился заменить в храмах взломанные двери и оконные рамы, установить запоры и замки. Однако эти меры оказались тщетны: окна выламывали, с дверей сбивали замки, и в помещениях снова появлялись нежелательные посетители. Единственная мечеть, которую можно было хоть как-то защитить, был храм Богородицы Златоглавой. Он находился в центре города в бойком месте, да к тому же поблизости имелся полицейский пост. Здесь, как в сравнительно надежном помещении, и решено было сосредоточить собранные во время экспедиции предметы, имеющие церковную и археологическую ценность. Это были книги и рукописи, найденные в мечетях и частных домах, архитектурные фрагменты и т. п. Многие книги и рукописи, брошенные турками при эвакуации, члены экспедиции обнаружили в большом беспорядке, так как еще до прихода русских их тщательно и в то же время грубо пересмотрели греки, искавшие деньги и ценности. Множество рукописей было перенесено из соседнего с храмом помещения. Большую турецкую библиотеку Успенский забрал из частного дома, занятого 3-м лазаретом Государственной думы. Несколько книг и рукописей он нашел в оставленных жителями частных домах. Главный же и самый ценный рукописный материал был обнаружен в мечетях, секвестрованных администрацией, а также собранный и переданный С. Р. Минцловым.

При входе в передний (внешний) портик церкви Богородицы Златоглавой Ф. М. Морозов положил начало трапезундскому археологическому музею. Здесь он разместил предметы и архитектурные фрагменты, найденные вблизи храма, части мраморной облицовки из алтаря церкви Св. Евгения. Тут же находились кости из царского саркофага, а также череп и кости, найденные в верхнем слое земли в алтаре церкви Св. Евгения, принятые за кости самого святого³³⁰.

Довольно полное представление о собранной коллекции дает краткая опись предметов музея, составленная Ф. М. Морозовым 10 сентября 1916 года:

«1. Белого мрамора капитель, полая внутри, где заметны в дне отверстия, сделанные для стока воды. <...> На двух противоположных сторонах капители – барельефный рисунок довольно глубокой и свободной резьбы, представляющий

³²⁸ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 310. Л. 62.

³²⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

³³⁰ [Успенский Ф. И.]. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1659.

два широких листа лотоса; на других двух противоположных сторонах – тоже барельефный резной рисунок листьев лотоса... Эта капитель до поступления в музей находилась возле колодца, что близ церкви Богородицы Златоглавой.

2. Белого мрамора капитель... имеет по сторонам рисунок узких листьев. Эта капитель найдена при раскопках у могилы царя Алексея Комнина.

3. Белого мрамора плоская плита <...> имеет рельефный растительный орнамент; рисунок потертый. Этот кусок найден вместе с описанной малой капителью при раскопках разрушений близ домов у могилы царя Алексея Комнина 9 сентября 1916 г.

4. <...> остатки белой мраморной колонны найдены в земле при проведении траншеи при раскопках могилы Алексея Комнина.

5. Бронзовые часы с испорченным механизмом из храма Богородицы Златоглавой.

6. Две створки деревянной двери, взятые с проповеднической кафедры из храма Богородицы Златоглавой. Обе половинки створец инкрустационной работы – кость и цветное дерево. Дивный восточный рисунок времени Сельджуков.

7. Куски белого мрамора, фрагменты того же материала с орнаментом; несколько мраморных кусков мозаики, взятых с пола, и формы чаши сосуд, у которого низ литой бронзовый, а верх гладкий металлический. <...> Все сейчас перечисленное принесено из храма св. Евгения.

8. Из храма св. Евгения принесен костяк, найденный при раскопках в алтаре, и два черепа <...>, причем один довольно крупной величины; кости толстые, желтоватый светлый цвет всего костяка. Череп малого размера светло-желтого цвета с розоватым оттенком. Этот череп значительно выделяется от описанного, так он меньше в объеме, кость тонкая, нежная.

9. Кости, найденные при вскрытии могилы царя Алексея Комнина.

10. Мраморные куски; куски не то породы камня или металла с вкрапленными золотыми блестками; железный гвоздь; глиняные черепки – все найдено при вскрытии могилы Алексея Комнина.

11. Почерневшие кости черепа и других частей, найдены при проведении траншеи возле могилы царя Алексея Комнина.

12. Желтой меди круглая чаша с турецкими надписями, служившая для питья воды священной – из храма Богородицы Златоглавой.

13. Проповедническая кафедра, вся украшенная восточной резьбой с серебряной и костяной инкрустацией. В данное время она вся окрашена масляной краской.

14. Медный кувшин с турецкой надписью»³³¹.

Также среди предметов помещались две картины в деревянных золоченых рамах, писанные масляными красками – виды Мекки и Медины.

³³¹ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–11 об.

Сообщая в одном из писем профессору И. А. Шляпкину об устройстве музея и собранных экспонатах, Морозов в частности прибавлял: «...Привел во внешний порядок архив турецкий при Златоглавой церкви, словом, посеянное семя Института и Университета несущее с благоговением во славу науки и родины»³³². Работа по разбору архива на самом деле оказалась не из легких, учитывая, что Морозов был еще не вполне здоров. Общий вес собранного археографического материала составлял около 30 тонн, поэтому можно представить, какие усилия пришлось приложить, чтобы привести его «во внешний порядок». Всю эту огромную массу рукописных документов Морозов уложил в 200 больших ящиков, разместив в пяти помещениях верхнего этажа – на хорах и гинекее³³³.

В конце сентября академик Ф. И. Успенский покинул Трапезунд. Перед отъездом он пытался выяснить у генерала А. В. Шварца, насколько его администрация может гарантировать сохранность предметов, сосредоточенных в церкви Богородицы Златоглавой. Генерал ответил, что с этим могут возникнуть трудности, так как нет возможности установить здесь караульный военный пост, а полицейский надзор не в силах «обеспечить сохранности и неприкосновенности» обширного помещения. Получив такой уклончивый ответ, Успенский решил уложить наиболее ценные вещи в ящики на случай эвакуации. Особое значение он придавал некоторым рукописям. Упаковав их в четыре ящика и опечатав печатью Русского археологического института в Константинополе, академик оставил их в помещении устроенного Морозовым музея. Ключи от храма Богородицы Златоглавой и других мечетей-церквей Ф. И. Успенский передал по распоряжению генерала Шварца подпоручику С. Р. Минцлову, к тому времени уже начальнику Трапезундского округа.

Записывая в дневнике об отъезде академика, Минцлов иронично задавался вопросом: какой отчет о своей командировке тот представит в Академию наук? «Старец все путает и забывает», – замечал он. В качестве иллюстрации Минцлов приводил несколько примеров, и в частности такой. Изучая фрески, открытые на стенах Айя-Софии, Успенский заявил, что одна из картин изображает Евангельскую притчу о десяти девах, что и записал в отчет. «Между тем, – повествовал Минцлов, – Морозов, молодой археолог, работающий здесь вместе с нами и служащий в Серафимовском лазарете, влез по лестнице и убедился, что десять дев академика украшены бородами. Посмеялись мы и сказали Успенскому; тот поскакал в собор, убедился в своей ошибке и с большим неудовольствием исправил отчет свой»³³⁴.

Вообще к деятельности академика Минцлов относился довольно скептически. Он считал, что Успенский слишком стар и Академия наук допустила большую ошибку, не учтя возраста главного распорядителя, «посылая экспедицию

³³² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

³³³ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 212.

³³⁴ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 130.

на такое большое дело». Еще в июле он писал о намерении академика заняться осмотром древностей Трапезунда: «...толку из этого, как и из всей его командировки, конечно, не будет: и древен он и очень уж привыкли господа тайные советники пользоваться всем готовым! А здесь надо организовать все самому и забыть про няnek и про мамок»³³⁵. Любопытно, что точно такого же мнения об экспедиции был и ее участник Н. К. Клуге. В отчете Русскому археологическому обществу он замечал, что все раскопки Успенского «были такой ерундой, что о них не стоит говорить». По убеждению Клуге академик предпринимал раскопки лишь для того, чтобы показать местным властям, что он действительно занимается «охраной». «Много было разграблено и книг из мечетей и частных библиотек, – вспоминал художник, – все это прекрасно было известно Успенскому, но он ровно ничего не предпринимал к тому, чтобы положить этому конец»³³⁶.

В начале октября в Петроград вынужден был уехать и Ф. М. Морозов. Брюшной тиф не прошел для него бесследно, вызвав осложнения: болезнь почки и расстройство нервной системы. По всей видимости, он просто-напросто не долечился и оставил постельный режим, боясь упустить возможность поучаствовать вместе с Ф. И. Успенским в раскопках царского захоронения. Чтобы поправить здоровье, Морозов отпросился на полтора месяца в отпуск³³⁷. В столицу он приехал в совершенно изможденном состоянии: сказала тяжелая дорога. Две недели пришлось пролежать в больнице Александро-Невской лавры, практически не вставая с постели. Только после этого самочувствие стало улучшаться, и он начал выходить на прогулки. Поправляться помогали не только врачебный уход, но и монастырская молитва, родная обстановка лавры, участие знакомых. Как только силы немного вернулись, Морозов поспешил организовать в Археологическом институте для знакомых, интересующихся церковной стариной, показ «на экране» наиболее ценных памятников Трапезунда. К этому времени у него уже собралась солидная коллекция фотографий. Морозов рассказал о 12-ти трапезундских храмах XIII–XIV веков, «орнамент, мозаики, фрески, украшения которых носят следы византийского влияния». Он также сообщил о крепостных стенах и двух старинных дворцах, приписываемых постройке Комнинов³³⁸.

Вместе с тем, наконец, решился вопрос о назначении Морозова уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при 2-м Серафимовском лазарете. В удостоверении, выданном Главным управлением Российского общества Красного Креста, в частности говорилось: «Все начальствующие лица и общественные учреждения благоволят оказывать Ф. М. Морозову должное содействие»³³⁹.

³³⁵ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 64.

³³⁶ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 54.

³³⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 166.

³³⁸ Отражение войны // Старые годы. – 1916. – № 10–11. – С. 159.

³³⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 181.

Теперь он уже мог хлопотать о нуждах лазарета как лицо полномочное, чем сразу же и воспользовался. Морозов обратился в комитет с просьбой организовать «для тоскующих от скуки больных воинов» небольшую библиотечку. Хотя в лазарете и имелись книги религиозного содержания, этого явно было недостаточно. Чтобы разнообразить чтение, он попросил обеспечить лазарет книгами дешевых изданий русских классиков, одной-двумя газетами и журналом, а также религиозно-нравственными листками «для раздачи». Еще он просил закупить для лазарета финляндские галеты, так как интендантский хлеб, как уже говорилось, был плохого качества и не подходил для терапевтических больных – желудочных. Необходимо было и «жертвованное белье» для уходящих в часть выздоравливающих солдат. К празднику Рождества Ф. М. Морозов просил для больных подарки: рубашки, кальсоны, носки, табак, открытки для писем. «Все солдаты на позициях получают подарки к празднику, – писал он в комитет, – а эти, попавшие случайно в лазарет, бывают обделены, а они-то, для лазарета, особенно дороги»³⁴⁰.

Пока Морозов находился в Петрограде, Серафимовский лазарет сменил месторасположение. Связано это было с начавшимися в октябре проливными дождями, которые очень скоро практически парализовали деятельность лазарета – он буквально утопал в грязи. Работать в таких условиях стало невыносимо, и прием больных пришлось временно прекратить. Тогда военное начальство отвело для лазарета помещения в селении Соук-су, в трех верстах от Трапезунда, где до прихода русских располагались летние резиденции трапезундской знати.

В это время в лазарет прибыл на должность старшего врача хирург Федор Павлович Андреади, так как Ткаченко, вынужденно принявший заведование лазаретом, просил управление Красного Креста «ускорить командирование солидного, старого врача»³⁴¹. Феофилактос, о котором ходатайствовал Морозов, назначен не был. Как выяснилось, хирургия не являлась его специальностью. На запрос комитета Красного Креста духовно-учебных заведений главноуполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубев ответил, что препятствий к назначению его не встречает, но в таком случае Серафимовский лазарет потеряет хирургическое значение. А вскоре и сам Феофилактос сообщил, что не сможет принять на себя обязанности старшего врача³⁴².

Перебравшись в Соук-су, Серафимовский лазарет занял три большие и три малые дачи. Но этих помещений оказалось недостаточно, поэтому пришлось развернуться всего на 100 коек. Впрочем, ввиду трудности подвоза больных из-за плохой дороги, он был загружен умеренно: операций проводилось немного, а среди пациентов преобладали больные возвратным тифом.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 45.

³⁴¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635. Л. 6 об.-7.

³⁴² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 27–29.

В начале ноября возникло предположение о переводе Серафимовского лазарета в Ардасу. На этом настаивали генерал Шварц и главный врач укрепрайона Владимиров, указывая на необходимость иметь лечебные заведения на линии Калкит–Дживизлик, «дабы не переполнять Трапезунд»³⁴³. Однако командир 2-го Туркестанского корпуса генерал М. А. Пржевальский находил перевод лазарета в Ардасу нежелательным. Решение этого вопроса было отложено до приезда в Трапезунд в конце ноября Л. В. Голубева.

Ко времени возвращения Ф. М. Морозова на Кавказский фронт в комитете Красного Креста духовно-учебных заведений появилась мысль преобразовать 2-й Серафимовский лазарет в госпиталь. Идея эта не встретила принципиальных возражений со стороны Российского общества Красного Креста, однако не имелось пока «подходящего врача». Исполняющего обязанности старшего врача Андреади Л. В. Голубев считал непригодным для госпитальной работы. Отклонил он и кандидатуру доктора Холлмана, предложенную архиепископом Сергием (Страгородским), указав, что тот «совершенно не может работать в климате, где есть малярия, специальность которого глазные болезни и как администратор не достаточно подготовлен для занятия должности начальника госпиталя»³⁴⁴. На дело не повлияло даже ходатайство заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны графа Я. Н. Ростовцева³⁴⁵. Тогда комитет духовно-учебных заведений предложил назначить на должность старшего врача иеромонаха Николая (Муравьева), возглавлявшего Серафимовский лазарет в Минске, а на его место – доктора Холлмана. Однако Ф. М. Морозов, как уполномоченный, указал на нежелательность назначения отца Николая, ссылаясь на то, что особоуполномоченный Красного Креста по Минской губернии К. А. Вальтер выражал недовольство его деятельностью³⁴⁶. Безусловно, Морозов имел по этому вопросу и свое личное мнение, причем, кажется, не очень лестное. Справедливости ради нужно сказать, что не только он критично относился к деятельности иеромонаха Николая. Так, например, студент Петроградской духовной академии Владимир Панасюк, с первого дня работавший в минском лазарете санитаром, подал в 1916 году в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений докладную записку, в которой сообщал о финансовых злоупотреблениях и служебных нарушениях старшего врача³⁴⁷.

Впрочем, сам отец Николай не желал покидать Минск, о чем сообщил начальству, узнав о предполагаемых перемещениях. Он также попросил и нового Минского епископа Георгия (Ярошевского) написать об этом архиепископу Сергию (Страгородскому). Ходатайствуя об оставлении отца Николая на прежней

³⁴³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 171.

³⁴⁴ Там же. Л. 180.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 22–24.

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 185–186.

³⁴⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 1–4.

должности, тот в частности писал: «Так как иеромонах Николай ведет свое дело очень хорошо, и поставил на должную высоту религиозно-церковный элемент в лазарете, в чем я убедился лично, то весьма желательно его дальнейшее оставление в Минском лазарете. Назначение светского лица на должность начальника лазарета, да еще с еврейской фамилией, едва ли будет соответствовать достоинству лазарета духовно-учебных заведений, носящего имя преподобного Серафима»³⁴⁸.

Любопытен аргумент о «еврейской» фамилии...

В конце ноября Ф. М. Морозов вернулся в Трапезунд. В отличие от промозглого Петрограда, здесь стояла дивная погода: теплые ясные дни, и лишь по вечерам наступал небольшой мороз. В природе не замечалось резкой перемены к зиме: всюду виднелась зелень, даже цветы, на деревьях еще было много апельсинов, и лишь Понтийский хребет блестел на солнце снежными вершинами. Правда, море волновалось все чаще, что было одним из признаков приближающихся холодов.

Ознакомившись с обстановкой в лазарете, Морозов поспешил осмотреть трапезундские храмы и пещеры, взятые на учет русскими археологами. Как уже говорилось, академик Ф. И. Успенский перед отъездом из Трапезунда предпринял меры по их охране: в частности, везде, где было возможно, установили по его просьбе двери, окна, замки. И вот Морозов решил проверить сохранность древних памятников. В первую очередь он отправился осматривать пещерные храмы в скалах, так как именно они были наименее защищены «от разных случайностей» и «вандалов». Там взору Морозова открылась печальная картина. Запоры, устроенные им перед отъездом, оказались взломанными, а дверь в одну из пещер отсутствовала. Пройдя в первую пещеру, Морозов встретил праздношатающихся солдат. На первый взгляд все было как будто цело, но, войдя в притвор и заглянув в храм, он был «поражен и возмущен до глубины души». Пол в пяти местах оказался взломан и разрушен, а следы на стенах говорили, что неизвестные «кладоискатели» пытались сделать в них проломы. Отсюда Морозов перешел в другую пещеру, в которой исчезла дверь. Здесь он нашел опрокинутый на пол деревянный подсвечник, а отломанный от него большой рожок валялся в стенной погребальной нише.

Спустившись, Морозов осмотрел маленький храм, высеченный в скале рядом с кладбищем. В нем, правда, портить было нечего, так как внутри не имелось ни росписей, ни утвари. К тому же, там совершались богослужения – отпевания и панихиды, поэтому храм был все время под присмотром. Это все, что успел обследовать Морозов в первый день³⁴⁹.

Назавтра он отправился в 3-ю строительную дружину, где хорошо знал заведующего, и попросил его «помочь горю» – дать мастера сделать запоры и

³⁴⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ц. Л. 95.

³⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 1–2.

устроить железные двери в пещерных храмах. Заведующий охотно отозвался на просьбу и пообещал, что через два дня все будет готово. Между тем обнаружилось, что и в храме Св. Софии взломана дверь, о починке которой также пришлось позаботиться.

Присматривая за всеми работами, Морозов и сам не сидел без дела. Он раздобыл где-то доски и начал устраивать навес над фреской святого Евгения в крепостном храме. Так как верхняя его часть была разрушена, вскрытая археологами роспись оказалась под открытым небом. Фреску нужно было защитить от воздействия погодных стихий, чтобы она не оказалась окончательно потерянной для исследователей. Нижнее помещение храма находилось в лучших условиях – там лазарет Курского земства Красного Креста устроил покойницкую, установив двери и окна со стеклами, а боковые входы заложив кирпичом. Ничего, что имело археологическую ценность, в этом помещении повреждено не было, и старший врач лазарета заверил Морозова, что ничего археологического касаться не будут. Случайных же посетителей бояться здесь было нечего. Кому была охота вламываться к мертвецам?

Морозов продолжал осматривать трапезундские памятники. В храмах Св. Евгения и Св. Архистратигов Гавриила и Михаила все было благополучно – двери оказались целы и заперты.

Однако, как только наш археолог начал устанавливать на пещерных храмах новые двери, местный митрополит-грек Хрисанф (Филиппидис) выразил ему недовольство. Он попросил «не вмешиваться в дела церкви», заявив, что «сам сумеет охранить памятники и не нуждается ни в чьей помощи, ни в каких учреждениях интересующихся этим вопросом»³⁵⁰.

О результатах осмотра памятников и столкновении с митрополитом Морозов поспешил сообщить Ф. И. Успенскому. Он просил академика разъяснить, как вести себя в сложившейся ситуации. «Странно, почему митрополит Хрисанф раньше не охранял вход в пещеры, – недоумевал Морозов, – предоставил делать разные взломы и кощунственные надписи на ликах святых?!, а нашел нужным заявить ныне, а не когда это он мог сделать Вашему Превосходительству – в бытность Вашу в Трапезунде. Странно заявлять свой протест против ученых учреждений, занявшихся охраной и изучением церковной старины Трапезунда? Когда мы работали, он лишь наблюдал, смотрел, как работают; видел, сколько труда пришлось положить Вашему Превосходительству на заботы об охране запущенных церковных памятников. Почему он не охранил фреску Св. Евгения в крепости и не дал повода о своем желании в этом направлении? – словом, – грек сказался во всем – русские ученые потрудились, а они на готовое тянут руки и требуют прав. Митрополит заявляет, пусть военная власть поставит полицейского, а охрану и изучение он сам будет вести. Вот с каким вопросом столкнулся я здесь, может быть явятся и другие...»³⁵¹.

³⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 3.

³⁵¹ Там же. Л. 2 об.–3 об.

Протопресвитер Российской армии и флота Георгий Шавельский, приехавший в Трапезунд за месяц до этого и встречавшийся с митрополитом Хрисанфом, сделал вывод, что митрополит не очень доброжелательно относится к русским. Такого же мнения о нем придерживались многие военные начальники и военные священники. Шавельский называл его «хитрейшим митрополитом». Однако к владыке Хрисанфу, человеку европейского образования и большого ума, с огромной симпатией относились наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич и генерал Шварц, хотя и выражавший недовольство по поводу вмешательства митрополита в дела управления городом. Успенский также во время летней экспедиции нахваливал образованного митрополита и даже пользовался его гостеприимством.

Думается, что митрополит Хрисанф был большим дипломатом и не строил иллюзий в отношении русских. Будучи еще относительно молодым человеком, он объездил всю Европу, прекрасно говорил на французском и немецком языках, но не знал ни слова по-русски и ни разу не удосужился побывать в единоверческой России. Надо сказать, что с турками местные греки до прихода русских жили хорошо. И даже теперь держали в своих домах кроме русского флага еще и турецкий: один для изъявления радости по русским царским дням, другой – для патриотизма турецкого, «буде город опять перейдет в их руки»³⁵². Трудно, конечно, обвинять греков за подобное двуличие: жизнь среди турок научила их приспособляться, но отчасти сказывался и национальный характер, выраженный некогда словами русского книжника, что «греки лукавы и до наших дней»³⁵³. Поэтому понятными становятся слова протопресвитера, назвавшего митрополита «хитрейшим». Досада генерала Шварца на то, что владыка Хрисанф постоянно вмешивался в дела управления городом, также была напрасной. В Турции у грека не было иного заступника, кроме архиерея, поэтому местные греки по всем вопросам в первую очередь обращались к митрополиту. А он в свою очередь зорко следил за положением дел и везде, где мог, старался оказать свое влияние.

Несмотря на выказываемое со стороны митрополита недовольство, Ф. М. Морозов, однако, продолжал делать свое дело: следил за сохранностью памятников и отыскивал новые. Уже в первые дни после приезда он обнаружил «несколько любопытных церквей», сделав с них фотографические снимки. Эти храмы не сразу можно было даже заметить, так как они скрывались за постройками, и разыскать их можно было лишь случайно. Впрочем, это было неудивительно, так как Трапезунд, практически не имея правильно распланированных улиц, состоял из бесчисленного множества маленьких узеньких переулков, представлявших собой настоящий лабиринт. Здесь все делилось на

---

³⁵² Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 30–31.

³⁵³ Первые книги Святой Руси. – М.: ДАРЪ, 2005. – С. 126.

«улица» и «улица нет». Например, кто-нибудь из русских, приехав в Трапезунд, хотел навестить знакомого. Узнав приблизительно дорогу, он шел в указанном направлении, инстинктивно выбирая переулок пошире, почище. Но переулок вился, начинал постепенно сужаться, коварно поворачивал в сторону, и впереди вдруг оказывалась стена. Человек шел обратно, сворачивал в другой переулок, но и там повторялась та же история. Это значило – «улица нет». Так можно было блуждать очень долго, пока на счастье заплутавшего не встречался какой-нибудь грек, у которого можно было спросить дорогу. Приезжий показывал в ту сторону, откуда пришел, жестикулируя и крича: «Улица, улица?» Грек сразу понимал в чем дело, и участливо, качая головой, отвечал: «Улица нет!» Затем указывал на узкий просвет между домами шириной в полтора метра и авторитетно заявлял: «Улица!» Прохожий скрывался в этом темном коридоре, попадал в какую-нибудь зловонную лужу и, наконец, выбирался на свет.

Вот именно по таким лабиринтам и бродил Ф. М. Морозов, обследуя город, представлявший при близком рассмотрении довольно печальное зрелище. Здесь повсюду царил разруха: выбитые в домах стекла, вывороченные рамы и двери, везде следы грабежа, во дворах мерзость и запустение. Все было невероятно загажено, что можно разбить – разбито, распорото, изорвано и раскидано. Все это являлось делом рук представителей разных обозных и тыловых частей, наполнявших город. Особенно отличались матросы, шнырявшие повсюду с мешками в поисках чем бы поживиться, и выламывавшие даже медные ручки, шпингалеты, словом, все, что представляло хоть маломальскую ценность. Обозники – те просто бессмысленно разрушали: разбить вазу, разодрать картину или книгу – было их излюбленным занятием. И от подобного варварства погибло много ценного, нужного, красивого, превратившись в груды бесполезного хлама, наполняющего заброшенные дома³⁵⁴. Еще бросалось в глаза отсутствие в городе собак и напротив – обилие кошек. Одичалые, худые, с длинной свалывшейся шерстью, они будто караулили опустевшие жилища своих хозяев.

Несмотря на то что каждый день Морозов находил что-то новое, он, тем не менее, не мог много времени уделять археологии. Его главной заботой все-таки оставался лазарет.

«Я живу, пока по-прежнему, – писал он в начале декабря Ф. И. Успенскому, – очевидно управлению Креста не нравится контрольное лицо Комитета [духовно-учебных заведений] и на меня поглядывают косо. О, как бы я желал от них отделаться и работать по призванию души – помогая страждущим – в этом мое стремление жизни, да еще любовь к археологии церковной побуждает поработать для науки! История с митрополитом, относительно охраны, меня немало волнует. Здесь нужен любящий глаз-надзор за сохранностью памятников старины, иначе они будут разрушены или искажены, как это сделано с некоторыми надписями, и чем поспешнее будут приняты в этом направлении меры, тем лучше спасутся

³⁵⁴ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 48.

интересные церковные памятники. Все мои усилия, хотя и достигают некоторой цели, все же это не дает прав выступить смело против вандалов; нужна поддержка ученых... <...> Познакомился с местными знатоками и как пчела отовсюду собираю крохи знания о том или ином памятнике. Нас навещают власть имущие, был А. И. Гучков³⁵⁵, ждем и других высоких особ. Не весело живется – ощущается что-то вроде Петрограда... Бог даст все уладится»³⁵⁶.

С первых же дней после возвращения из Петрограда Ф. М. Морозов навещал тяжело болевшую жену академика Ф. И. Успенского Надежду Эрастовну, работавшую в Трапезунде старшей сестрой в одном из госпиталей Красного Креста. Успенская – дама внушительных размеров, величественная и «оставляющая подозрение в немецком происхождении», – прибыла в город в середине июля. Это была, можно сказать, героическая женщина. В Трапезунд она плыла на пароходе «Вперед», который потопила немецкая подводная лодка. Надежда Эрастовна с совершенно флегматичным видом рассказывала, что, когда в пароход ударила торпеда и он начал медленно погружаться, она пошла в каюту, взяла пару чемоданов, уложила их в шлюпку, затем, приготавливаясь плавать, сняла и уложила туда же туфли и уселась сама. По ее словам, никто не растерялся, не кричал и даже не испугался: все произошло словно на репетиции. Поэтому погибших было немного – всего семь человек. Между тем Успенская сетовала, что вместе с пароходом погибло все ее имущество, которое она везла с собой: решительно все платья, меха, кружева и шубы. В Трапезунде она решила остаться и после отъезда мужа. Морозов навещал ее во время болезни довольно часто, о чем писал академику. «Здоровье Надежды Эрастовны лучше, чувствует лишь слабость <...> просит Вас не волноваться, серьезного нет ничего...», – сообщал он 30 ноября³⁵⁷. Уже через неделю он извещал об улучшении ее здоровья: «Она немного встает; Бог даст к Рождеству наберет сил и станет ходить до лазарета. Вы не волнуйтесь, серьезного сейчас нет ничего...» В другом письме Морозов сообщал: «Навещал Надежду Эрастовну – ей значительно лучше, одно лишь – слабость, но Бог даст силы восстановятся, и вновь увидим ее здоровой и жизнерадостной. <...> Надежда Эрастовна ждет от Вас писем, беспокоится о Вашем здравии; она себя чувствует очень хорошо и уже ходит по комнате»³⁵⁸.

К середине декабря Ф. М. Морозов завершил устройство дощатого навеса над фреской святого Евгения в дворцовой церкви. Навес теперь, хотя и временно, но все же защищал роспись от непогоды. В пещерных храмах он установил железные двери. Однако взломы их, к сожалению, продолжались. Во время второго посещения Св. Софии, в которой только недавно были отремонтированы

³⁵⁵ Член Государственного совета Александр Иванович Гучков приезжал в Трапезунд в начале декабря в качестве представителя Красного Креста. – *Г. Ш.*

³⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13 об.

³⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 3 об.

³⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12, 14, 19 об.

двери и запоры, обнаружилось, что храм снова вскрыт неизвестными. Цепь, замыкавшая входную решетчатую дверь, была разорвана. Внутри также все двери оказались вскрыты. В левом углу притвора кто-то взломал плиты пола, под которыми зияла пустота. Посреди храма лежала куча обугленных головешек и пепла от недавно горевшего костра. Исчезли доски от козел, а также доски, сложенные под западным порталом. «Я удивляюсь еще – Бог хранил фрески, – сообщал Морозов Ф. И. Успенскому, – их не отбили какие-то негодяи, которые дерзнули на святотатство; но самым тяжелым впечатлением было видеть небольшую пробоину в полу того места, где стоял, быть может, Св. Престол – это в дяконнике, где находится неизвестное погребение, под которым плита как будто с легким барельефом, о которой в свое время Вам говорил. В колокольне двери опять унесены. Патруля нет, да он, как показал опыт, сам, очевидно, входит в сделку с хищниками, как тут охранить? Последний раз пытаюсь вешать замки и заколачивать. К кому обратиться за содействием – все чужие для меня, а я маленький человек – единственно свобода, независимость делает меня смелым и настойчивым, и я добиваюсь кое-чего. Надо что-нибудь сделать, подействовать на некоторых, чтобы памятники старины не разрушались»³⁵⁹. Как видно, у Морозова начали опускаться руки. Он осознавал, что его малых сил недостаточно для охраны памятников, а необходим постоянный надзор и, как минимум, авторитет столичных ученых учреждений.

Когда Морозов, возвращая ключи от храма С. Р. Минцлову, сообщил о виденном в Св. Софии, тот сказал: «Давайте вскроем могилу; все равно не мы, так грабители взломают, а интересно взглянуть, что там есть?» На это Морозов ответил, что не имеет права делать раскопки без разрешения Императорской Археологической комиссии и участвовать «в незаконном деле» не желает. Он пояснил, что его задача – охранять древности, регистрировать их и по возможности описывать, «но не разрушать и брать на себя то, в чем не компетентен». Морозов предупредил Минцлова, что, если тот все-таки вздумает производить раскопки, он вынужден будет сообщить об этом в Петроград. Это заявление, конечно, не могло понравиться Минцлову, и они расстались на не очень хорошей ноте. «Мне жаль, что такие дивные памятники старины не имеют защитников от рук вандалов...», – резюмировал Морозов, безусловно не имея в виду Минцлова³⁶⁰.

Чему удивляться, если грабежом занимались не только простые солдаты и матросы, но даже высокие военачальники. Н. К. Клуге, например, вспоминал, что генерал Яблочкин «открыто грабил мечети, приказывая сносить к нему ковры и прочую утварь»³⁶¹. Многие офицеры всех рангов, не стесняясь, везли из Турции не только мелочи, но и целые горы мебели, зеркал, ковров, шкафов,

³⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–15.

³⁶⁰ Там же. Л. 15–16.

³⁶¹ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 54–54 об.

стульев и пр. В огромных количествах вывозилась турецкая посуда из красной меди. Появился даже секретный приказ о том, чтобы имущество офицеров, приезжающих с территории Турции в Батум, строго досматривалось, и на каждую вывозимую из завоеванного края вещь имелось удостоверение от жандармских властей и счет, подтверждающие, что вещь куплена. Таковы были реалии. Впрочем, война есть война...

Побывал Ф. М. Морозов и в церкви Св. Анны, куда долго по разным причинам не мог попасть. Не смогли побывать в ней даже члены археологической экспедиции. Храм этот турки не закрывали, и в нем регулярно совершалось христианское богослужение. Говорили, что там занимается исследованиями ученый-грек Мелиопуло, который восхищается какой-то древней фреской якобы Богородицы Млекопитательницы и какими-то катакомбами. Узнав об этом, Морозов «изо дня в день горел нетерпением попасть в храм», чтобы увидеть то, о чем рассказывали. Сначала он встретился с самим Мелиопуло, который поведал ему о своем «открытии». Морозова, однако, удивляло настойчивое убеждение ученого в древнем происхождении фрески Млекопитательницы. Он объяснял греку, что на изображении, скорее всего, не Млекопитательница, так как этот сюжет – явление позднее, западное.

И вот, наконец, Морозов смог осмотреть церковь Св. Анны. Это был небольшой базиличного типа храм с двускатной крышей и несколько опущенными крышами боковых нефов. В восточной части выделялись три апсиды, на одной из которых, правой, были заметны остатки фресковой росписи, что «особенно придавало вид храму». Над входом была вделана в стену крупная, белого мрамора, плита с барельефным изображением женщины в полусидячем положении. У ее ног стоял воин в полный рост, держащий в правой руке копье, а в левой – круглый щит. Над мраморным барельефом в стену были вставлены камни с высеченными шестиконечными крестами, а внизу – каменный брус с плетеным орнаментом, заканчивающимся крестами. Эти фрагменты, «безвкусо вделанные в стену», принадлежали к разным эпохам, и представляли обычный способ греков пользоваться античными вещами для украшения храмов и домов. Стены внутри церкви кое-где сохранили фресковую живопись, под которой, однако, скрывалась более древняя роспись. Так, в алтарной части апсиды, под отбитой кем-то частью фрески, обнажился дивный, античный образ какого-то святого. «Этот лик мне очень напомнил фаюмские портреты, – делился Морозов, – и очень близок к мозаикам Ровенны; белый продолговатый лик с большими, открытыми черными глазами, под ними на нижнем веке лежит темная тень; красноватый румянец слегка лежит на щеках; темные волосы обхвачены узкой полоской-повязкой... Это изображение весьма ценно»³⁶². Пораженный

---

³⁶² ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.–18.

находкой, он решил обязательно разыскать какого-нибудь художника, который бы зарисовал в красках древнюю фреску.

Что касается мнимого изображения Млекопитательницы, то Морозов действительно оказался прав – «господин Мелиопуло осмотрелся». На фреске была изображена святая Анна и возле нее отроковица Богородица. А вот рассказы о катакомбах подтвердились. Внутри церкви имелось несколько входов в подземелье, правда, закрытых досками и камнями. Греки рассказывали, что там сводчатый ход, ведущий к храму Св. Василия, а в стенах имеются *loculi*. «Я еще туда не ходил, – писал Морозов академику Успенскому, – но хоть и говорят, что там обвал, все же влезу. Мне сообщили, что во время бомбардировки города русскими в 1916 г. греки прятались в этом подземелье»³⁶³.

Осмотрев церковь Св. Анны, Морозов пришел к выводу, что она заслуживает безотлагательного внимания и изучения со стороны ученых. В отличие от Св. Софии, иконографические формы здесь были более архаичны. Морозов сообщал Успенскому, что храм этот необходимо изъять из ведения митрополита, пока греки не испортили остатки фресок. «Чего доброго для “благолепия” замажут», – писал он.

Беспокоила Морозова и судьба церкви Богородицы Златоглавой, где находился музей и хранились собранные экспедицией книги и рукописи. Прошел слух, что митрополит Хрисанф хочет забрать ее под кафедральный храм, ссылаясь на то, что там издревле была митрополия. Сам же митрополит служил в небольшой церкви Св. Григория. Не зная отношения к владыке генерала Шварца, Морозов наивно просил Ф. И. Успенского обратиться к генералу с тем, чтобы тот не давал митрополиту ключи от древних храмов, особенно от Богородицы Златоглавой. Он советовал «для пользы дела» забрать ключи у С. Р. Минцлова и передать для хранения в канцелярию Шварца. Эта просьба была, видимо, вызвана его конфликтом с Минцловым и опасением, что тот попытается самостоятельно произвести раскопки. Вместе с тем Морозов высказывал предположение о том, что хорошо было бы ему самому устроиться при генерале Шварце – «заниматься охраной старины»³⁶⁴.

К этому времени он уже сфотографировал и взял на учет почти все церкви в городе и некоторые находящиеся в 15–20 верстах от него.

О состоянии охраны трапезундских памятников Ф. М. Морозов, кроме Ф. И. Успенского, информировал и Русское археологическое общество через Николая Ивановича Веселовского (1848–1918) – известного русского археолога, востоковеда, многие годы изучавшего историю Средней Азии. В конце декабря он отправил Веселовскому письмо с описанием храма Св. Анны и фотографиями, которые, правда, из-за отсутствия фиксажа послал в «красном конверте» незафиксированными. Морозов спрашивал профессора, не будет ли признано

³⁶³ ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–18 об.

³⁶⁴ Там же. Л. 19.

достойным поместить описание Св. Анны в «Известиях Императорского Русского Археологического Общества». Он писал также о необходимости назначить для Трапезунда и его окрестностей археолога, который бы ведал охраной памятников, прикомандировав его к канцелярии генерала Шварца или, лучше, к Штабу армии. Имея определенные полномочия, такой человек мог бы требовать, чтобы с ним считались при его ходатайствах о защите старины, и не допускал бы вмешательства в это дело никого, кроме Императорской Археологической комиссии. Морозов писал и о необходимости создания музея, сообщая, что греки, в случае его устройства, готовы передать «запрятанные у них памятники старины». Разумеется, речь шла об учреждении официального музея, а не частного, любительского, какой он уже устроил в храме Богородицы Златоглавой. «В качестве членов музея, – писал Морозов, – полезно для дела допустить и греков, чтобы выманить у них скрытые вещи. Сами греки говорят, если бы был в Трапезунде музей, мы бы дали много интересного. Местные знатоки обижаются, что русские начали охрану, а между тем не могут справиться с взломами, произведенными русскими солдатами, и мне кажется, не сами ли они подсылают этих взломщиков, дабы иметь, чем упрекать русских. Митрополит говорит: он сам охранит, а между тем ничего не делает, а только мешает»³⁶⁵. Морозов писал, что предпринимает все возможное и на упреки недоброжелателей сумеет достойно ответить. Он уверял, что никому без разрешения Археологического общества не позволит вскрывать и портить фрески, подразумевая, видимо, С. Р. Минцлова.

Итак, из этих сообщений Русскому археологическому обществу стало известно, что охрана древностей в Трапезунде неудовлетворительна. А как же могло быть иначе? Ведь, по сути, этим вопросом занимался лишь один человек – энтузиаст, «случайно» оказавшийся в городе – сам Морозов. Исходя из этих соображений, Н. И. Веселовский на одном из заседаний Археологического общества высказал мнение, что охрана памятников Трапезунда не может быть поручена экспедициям, носящим временный характер, а должна быть доверена лицам или учреждениям, имеющим постоянное пребывание на месте. Он также указал, что Ф. М. Морозовым сделаны прекрасные фотоснимки Трапезунда, негативы которых взял у него Ф. И. Успенский, но Морозов вновь переснял все памятники. К. К. Романов, подтвердив, что снимки Морозова отличные, отметил, что Ф. И. Успенский удовлетворительных снимков Русскому археологическому обществу не представил. К этому времени в Обществе, особенно после сообщений Ф. И. Шмита и Н. К. Клуге, пришли к выводу, что Русский археологический институт в Константинополе, представляемый Ф. И. Успенским, «едва ли хорошо охранит памятники древности в Трапезунде»³⁶⁶.

³⁶⁵ ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 9.

³⁶⁶ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 312 об.–313.

В заботах о лазарете

Получив должность уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, Ф. М. Морозов активно занялся обустройством жизни Серафимовского лазарета. Теперь он мог более уверенно стать на стражу интересов комитета и жертвователей. По ходатайству Морозова в конце декабря с должности старшего врача был снят доктор Ф. П. Андреади. Специалист он был опытный, еще в годы Балканской войны заведовал хирургическим лазаретом, а в нынешнюю – состоял старшим врачом передового санитарного отряда на Юго-Западном фронте. Однако на новом месте Андреади оказался «невнимательным к лазарету», и, будучи по происхождению греком, «преследовал национальные интересы»: почти все время занимался амбулаторным приемом соотечественников. Некоторых он поместил в лазарет, предоставляя все необходимые средства. Кроме того, ведя частную практику в городе, выписывал в большом количестве медикаменты из лазаретной аптеки, на что не имел никакого права. Новая женщина-врач К. М. Хацревина³⁶⁷ докладывала об этом даже районному уполномоченному Красного Креста. А Морозов сообщал в Петроград: «Доктор Андреади не позаботился даже устройством бани для больных – развел всюду грязь...»³⁶⁸.

В должность старшего врача снова временно вступил А. Ткаченко.

Кроме удаления Ф. П. Андреади, Морозову «для пользы дела» пришлось отчислить из лазарета под предлогом сокращения штатов еще трех сестер. Это была вынужденная мера, так как после смерти доктора Н. К. Чикаревского и назначения старшим врачом студента Ткаченко дисциплина в лазарете заметно упала: усилились трения и разногласия среди персонала, поведение санитаров стало совершенно распушенным³⁶⁹.

В конце декабря главноуполномоченный Л. В. Голубев вызвал Морозова в Тифлис. Во время встречи обсуждался вопрос о старшем враче и о передвижении лазарета по приморскому направлению за селение Эллеу. Однако, хотя нужда в лечебных заведениях в этом районе ощущалась крайне остро, проблема была в том, что из-за отсутствия дорог туда чрезвычайно трудно было добраться. Ничего утешительного Морозов не услышал и относительно старшего врача для Серафимовского лазарета. Ни главноуполномоченный, ни присутствовавший во время встречи заведующий медицинской частью профессор В. Ф. Чиж не смогли предложить со своей стороны ни одной кандидатуры. Они просили,

³⁶⁷ Хацревина Крейна Мовшевна – врач, 13 июля 1916 г. прикомандирована к Серафимовскому лазарету (на службе состояла с 21 июня 1916).

³⁶⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61.

³⁶⁹ Там же. Л. 54.

чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений сам подыскал подходящего специалиста.

Нужно сказать, что в военных лечебных заведениях к тому времени сложилась довольно странная ситуация. Разделялись они на две отличные друг от друга категории: первая – казенные, военного ведомства, и вторая – Красного Креста. В лечебных заведениях военного ведомства было много докторов и зауряд-врачей, однако во всем остальном наблюдалось полное убожество и нищета. Медикаменты практически отсутствовали: не было ни хины, ни самых простых лекарств, даже касторки – главной опоры солдатской медицины. Хирургические инструменты оставались такими старомодными, что молодые врачи порой не знали даже, как ими работать. В Красном Кресте же, напротив, всего имелось в изобилии, все было поставлено на широкую ногу, но... не было врачей.

Морозов, однако, прекрасно зная ситуацию, уже имел на примете двух специалистов, о которых сообщил главноуполномоченному. Первой кандидатурой был доктор Смиттен – хирург, профессор Харьковского университета, работавший в перевязочном отряде 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. С ним Морозов познакомился случайно, и в разговоре выяснилось, что Смиттен тяготеет бездельем в отряде и с удовольствием перевелся бы в Серафимовский лазарет. Но, как военный, он не мог самовольно перейти в Красный Крест без соответствующего за него ходатайства. Второй кандидатурой был доктор Евгений Александрович Флеров – старый, опытный хирург с 25-летним стажем, работавший до войны земским врачом в Московской губернии. Кроме того, он отлично знал Серафимовский лазарет и даже некоторое время работал в нем летом 1915 года, когда корпусный врач отстранил от должности В. А. Белиловского. В то время Е. А. Флеров заведовал дивизионным лазаретом, стоявшим по соседству в Коссорах. Л. В. Голубев естественно обрадовался предложенным кандидатурам. Обоих врачей он знал «как честных и хороших работников» и ручался, что если кто-либо из них возглавит лазарет, то работа в нем будет действительно продуктивной. Но для этого требовалось, чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений запросил разрешение на их перевод у главного инспектора военно-медицинского управления А. Я. Евдокимова. Получив, таким образом, одобрение главноуполномоченного, Ф. М. Морозов немедленно послал в Петроград телеграмму о возбуждении необходимого ходатайства³⁷⁰.

Вместе с тем он просил комитет прислать в лазарет сибирское масло, украинское соленое сало, консервированные щи, борщ и пр., так как ни в интендантстве, ни на складах Красного Креста названных продуктов уже невозможно было приобрести. Не имелось на складах и многих медикаментов, которые также нужно было выписывать из Петрограда. Кроме того, Морозов вновь просил

---

³⁷⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61–62.

прислать дешевые издания русских писателей, а также «дарственное» белье, нитяные носки, восковые свечи, венчики и молитвы для усопших.

Следует отметить, что обеспечение Кавказской армии в это время было действительно скверным, если не сказать – ужасным. Склады пустовали: не имелось ни фуража, ни провианта, ни медикаментов, ни горючего. Пополнялись они крайне редко и плохо. Такое положение дел катастрофически отражалось на состоянии армии. Оказавшиеся в чужой далекой стране, солдаты бессмысленно гибли от истощения и болезней – эпидемии буквально косили войска. Кавказская армия казалась заброшенной и забытой всеми... Среди офицеров бытовало мнение, что причиной тому стало нерасположение императора Николая II к великому князю Николаю Николаевичу, отстраненному в августе 1915 года от должности Верховного главнокомандующего и назначенному заместителем на Кавказ и главнокомандующим Кавказской армией. Но проблема была не в этом. Подорванная и истощенная войной экономика уже не могла обеспечивать нужды армии. Страна стояла на пороге хозяйственной катастрофы.

Во время встречи с Л. В. Голубевым Ф. М. Морозов поделился также задумкой о введении в лазарете обучения грамоте выздоравливающих солдат, на что получил одобрение. В связи с этим он просил комитет прислать в лазарет сестер – учительниц или выпускниц гимназии, которые могли бы вести занятия с больными, а также назначить строгую старшую сестру «с рекомендацией». Незадолго до этого он даже писал профессору С. Ф. Платонову как директору Женского педагогического института о необходимости командировать в лазарет «педагогичек, заниматься обучением солдат в качестве ли сестер милосердия или специально учить»³⁷¹.

Вместе с тем Морозов ходатайствовал перед комитетом о денежном пособии работникам лазарета, перенесшим в разное время тяжелые инфекционные заболевания, и семьям умерших. Просить об этом он считал своим нравственным долгом, находя, что пособие доставит пострадавшим не только материальное, но и моральное удовлетворение³⁷². Список таких лиц составил 27 человек. Себя внести в него Морозов постеснялся. Ходатайство его не осталось без внимания – комитет выплатил всем указанным лицам и семьям умерших единовременные пособия³⁷³.

Еще в декабре 1916 года в лазарете началась подготовка к открытию специального отделения для больных врачей и сестер милосердия, необходимость в котором остро ощущалась среди лечебных заведений Трапезунда. 13 января отделение открылось, и в тот же день поступила первая больная сыпным тифом сестра. Однако 16 января от коменданта укрепрайона генерала А. В. Шварца неожиданно пришла телеграмма, предписывающая лазарету «немедленно очистить

³⁷¹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 7

³⁷² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 56–59.

³⁷³ Там же. Л. 90.

помещения и перейти в Платану». За несколько дней до этого Л. В. Голубев предупреждал А. Ткаченко о желании военного начальства перевести туда лазарет, но при условии предоставления отремонтированных помещений и транспортных средств для переезда. Голубев, видимо, еще не знал тогда, почему местные власти решили убрать Серафимовский лазарет из Соук-су. На самом деле, кое-кому просто понадобились дачи... И затеял всю эту историю новый начальник штаба укрепрайона полковник Евгений Густавович Гриневич, всего за месяц пребывания в городе снискавший репутацию самодура и человека недалекого. Между тем он был давним приятелем Шварца и именно благодаря хлопотам генерала стал начальником его штаба. Гриневич пожелал обзавестись дачей в Соук-су рядом с шефом, а так как лучшую и ближайшую к шварцевской даче занимал Серафимовский лазарет, то полковник ничтоже сумняся решил забрать ее для себя. Делу, впрочем, попытались придать обоснованный вид, для чего через врача укрепрайона заявили о надобности лазарета в Платане. На самом же деле, там совершенно не было нужды в новом лечебном заведении, так как в городке уже функционировал лазарет Союза городов на 50 мест, могущий при необходимости развернуться на 100. Кроме того, он почти пустовал, так как доставка людей в него была крайне затруднительна. Больные, прибывающие с южного направления, чтобы попасть из Трапезунда в Платану, вынуждены были трястись лишние 12 верст, а с приморского направления туда вообще никого не доставляли наземным путем из-за плохого состояния дорог. Однако это никого не волновало – понадобились дачи.

Так как после выезда Серафимовского лазарета освобождалось несколько зданий, то, пользуясь случаем, их решили занять два других «приближенных» Шварца – начальник округа подполковник Николай Михайлович Дынга и городской голова Кефели. С первого же дня, как только поступило распоряжение лазарету «очистить помещения», эти господа стали навещать в Соук-су, открыто заявляя, что лазарет выселяют, так как понадобились дачи начальству и им лично.

И Гриневич, и Дынга, и Кефели – один другого стоили. Подполковник Дынга, перед тем как был назначен начальником округа на место С. Р. Минцлова, возглавлял трапезундское жандармское управление. Он, по мнению сталкивавшихся с ним людей, страдал шпиономанией, был человеком подозрительным и несколько странным. В окружные начальники Дынга, как полагали, пробился, интригами и заискиванием перед Шварцем. Караим Кефели – по образованию врач – был поставлен городским головой в середине ноября 1916 года исключительно по настоянию Шварца. При этом он никогда ранее не занимал никаких административных должностей, да к тому же совершенно не знал города, так как приехал в Трапезунд из Карса. Местные греки не любили Кефели и страшно негодовали по поводу его назначения не только потому, что он был человек

пришлый, но и потому, что был еврей³⁷⁴. Даже митрополит Хрисанф пытался препятствовать его «силовому» назначению, но не сумел.

За несколько дней до появления приказа о выселении Серафимовского лазарета из Соук-су Кефели уже успел «отличиться» в городе. Подыскивая себе, как городской голова, лучшее помещение, он заявился в дом, занимаемый сестрами хирургического госпиталя Красного Креста. Кефели бесцеремонно обходил комнаты вместе с супругой, которая, при сопровождавшей их старшей сестре Н. Э. Успенской, громко заявляла: «Здесь будет наша спальня, здесь столовая и т. п.».

– Как это ваша спальня? – удивленно спросила Надежда Эрастовна.

– Да, – ответил Кефели, – этот дом я возьму себе, он очень удобен для меня.

– Но он также удобен и для нас! – возразила Успенская.

Произошел неприятный разговор, и Надежда Эрастовна наотрез отказалась исполнить требование Кефели о выселении. Только после вмешательства уполномоченного Красного Креста района Анатолийского побережья и Трапезундского направления Ильменского Кефели отказался от своих притязаний. Такое поведение нового городского головы выглядело крайне возмутительно, учитывая еще и то, что дом сестер был восстановлен из развалин на средства Красного Креста³⁷⁵.

Самое печальное в истории с перемещением Серафимовского лазарета в Платану было то, что его выдворяли, совершенно не задумываясь о пользе общего дела. В то время, когда в России кто-то, жертвуя личным комфортом, уступал помещения для ухода за ранеными воинами, здесь, напротив, у лечебного заведения отбирали помещения для собственного пользования. И это уже было знамение времени...

Как только А. Ткаченко получил приказ свернуть Серафимовский лазарет, он немедленно уведомил об этом Ильменского. Тот, в свою очередь, телеграфируя о происходящем Л. В. Голубеву, сообщал: «В помещении белого дома Серафимовского лазарета открыт лазарет для персонала Креста и для сестер, а потому прошу срочно и настойчиво телеграфировать генералу Шварцу, чтобы лазарет сестер никуда не переводить. Лично видел, лазарет хорошо оборудован и будет служить украшением Красного Креста. Сегодня отправил в лазарет Джинчвеладзе, температура высокая. Имею сведения, что освобождением помещений заинтересованы лица для своих личных удобств. Для дела прошу твердого решения, иначе лазарет придется перевести в плохое помещение и лучше тогда совсем отказаться от лазарета для персонала»³⁷⁶.

Между тем приказ коменданта укрепрайона нужно было исполнить. Полагая, что новое место для лазарета подготовлено, Ткаченко с Морозовым

³⁷⁴ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 179.

³⁷⁵ Там же. – С. 224–225.

³⁷⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 222.

отправились 18 января в Платану осмотреть отведенные для него помещения. Комендант города штабс-капитан Васильев показал три небольших здания, на которые ему «издали» указал начальник округа подполковник Дынга. Но строения как минимум нуждались в месячном ремонте и, кроме того, не имели удобного подъезда для подвоза больных. Ремонт, обещанный штабом, даже не начинался. Было очевидно, что здания эти совершенно не годились для размещения лазарета, и Ткаченко с Морозовым решили поискать в городе другие помещения. Наиболее подходящим оказалось здание американского табачного склада. На следующий день они отправились к главному врачу укрепрайона Владимирову и доложили, что помещения, предложенные подполковником Дынгой, непригодны. Они сообщили, что присмотрели более подходящее здание – бывший табачный склад, в трех этажах которого можно развернуть лазарет полностью, на 200 коек, и просили, если возможно, уступить его. Владимиров сказал, что не может самостоятельно решить этот вопрос, и порекомендовал обратиться непосредственно к генералу Шварцу. При встрече тот, категорически указав на необходимость перейти в Платану не позже трех-четырех дней, пообещал, что здание склада за это время будет подготовлено для «удобного размещения лазарета». Больных, находившихся в лазарете, он приказал перевести в другие лечебные заведения Трапезунда. Но когда у него спросили, что делать с отделением для больных врачей и сестер, генерал был очень удивлен его существованием. Подумав недолго, он предложил перевести сыпнотифозных сестер в другое место, а отделение свернуть. В тот же день Ткаченко сообщил телеграммой коменданту Платаны о необходимости освободить намеченное для лазарета здание склада. Кроме того, телеграфировал о положении дел Л. В. Голубеву, который, в свою очередь, обратился к генералу Шварцу с просьбой временно оставить лазарет в Соук-су и перевести его в Платану лишь после оборудования нового места.

Пока Ткаченко и Морозов отсутствовали в расположении Серафимовского лазарета произошел крайне неприятный инцидент. Вечером 20 января врач Н. Я. Фрейман, возвращаясь из канцелярии, встретила у ворот лазарета автомобиль с двумя пьяными офицерами и двумя греками. Вокруг стояла толпа санитаров и больных. Один из офицеров, капитан Толмачев, стоя на автомобиле, отпускал в адрес сестер милосердия площадную брань, выкрикивая: «Я этих сестер вышвырну в 24 часа, этот дом мой, квартира моя, я имею право, вышибу их, вот увидите!» Не обращая внимания на то, что к автомобилю подошла женщина-врач, Толмачев продолжал, размахивая руками, ругаться. Видя, что компания изрядно пьяна, Фрейман поспешила уйти. Подойдя к дому, она обнаружила на дверях приклеенный лист бумаги, на котором от руки крупными буквами было написано: «Эта квартира-дача сдана районному Интенданту капитану Толмачеву с 25 января»³⁷⁷.

³⁷⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 238.

Сестры потом рассказывали, что офицеры предлагали им прокатиться на автомобиле в город. А когда они, естественно, отказались, обозвали их при всех «развратницами». Событие это оставило у персонала очень неприятный осадок.

Ткаченко и Морозов были возмущены. Посоветовавшись, они решили не сворачивать лазарет до тех пор, пока помещения для него действительно не будут готовы. Тем более что недавний опыт побуждал к такой предусмотрительности. Опасения оказались небезосновательными. По прошествии четырех дней сообщения от коменданта Платаны о подготовке зданий не последовало, хотя Ткаченко просил об этом. Тогда он уведомил коменданта, что лазарет остается пока в Соук-су. Когда же, наконец, поступило известие о том, что помещения готовы, Ткаченко с Морозовым вновь выехали в Платану. Но каково же было их удивление, когда оказалось, что никакого ремонта здания не производилось, а из трех этажей для лазарета освободили лишь средний и половину нижнего. Ничего не оставалось, как самим заказать в районной строительной конторе ремонт и переоборудование помещений с расчетом на 80–100 коек, вместо желаемых 200. Об окончании ремонта Ткаченко просил уведомить заблаговременно, чтобы можно было подготовиться к переезду. Однако еще большее недоумение вызвала телеграмма, полученная в тот же день от врача крепости, извещавшая, что помещения готовы и необходимо принять меры к переезду в пятидневный срок. В ответ Ткаченко сообщил, что помещения им осмотрены и просил ускорить ремонт.

Лазарет продолжал функционировать по-прежнему. Между тем 1 февраля поздно вечером пришло предписание главного врача 158-го эвакуационного пункта, согласно распоряжению генерала Шварца, немедленно перевести находящихся в лазарете 105 человек в другие лечебные заведения Трапезунда, а лазарету 2 февраля перейти в Платану. Ничего не оставалось, как подчиниться приказу. Для его выполнения Ткаченко попросил у штаба автомобиль, который немедленно предоставили, и к четырем часам следующего дня больных вывезли из лазарета. В тот же день он съездил в Платану, предполагая, что здание более-менее подготовлено, но оказалось, что ремонт только начинался – работало всего три человека. Таким образом, переехать в указанный срок по объективным причинам не представлялось возможным. Чтобы разъяснить положение дел, Ткаченко написал генералу Шварцу «исчерпывающую докладную». Имея уведомление от строительной конторы о приблизительных сроках ремонта, он просил генерала предоставить перевозочные средства не ранее 12 февраля. В тот же день Ф. М. Морозов уехал в Тифлис, чтобы там искать помощи в сложившейся ситуации и по возможности добиться отмены приказа о переводе лазарета в Платану.

В дело снова пытался вмешаться местный уполномоченный Красного Креста Ильменский, но малоуспешно. Он послал в Тифлис несколько телеграмм, прося защиты, однако все они были задержаны в Трапезунде «клеветом

Шварца» – командиром роты связистов Н. А. Мелек-Парсадановым. Тогда Ильменскому пришлось посылать зашифрованную депешу³⁷⁸.

Более удачными в сложившейся ситуации оказались хлопоты Ф. М. Морозова. В Тифлисе он встретился с экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским), которому рассказал о положении лазарета, причинах его перевода, о том, что военные власти буквально вышвыривают лазарет из Соук-су, не предоставляя взамен подходящих помещений, и, наконец, о том, какие унижения пришлось претерпеть персоналу от пьяных офицеров. Морозов подчеркивал, что в случае перевода Серафимовского лазарета в Платану, он, как излишний там, будет бездействовать, а средства, жертвуемые на его содержание – пропадать втуне. Кроме того, в такой ситуации переоборудование лазарета в госпиталь, как планировал комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, станет совершенно бессмысленным. Морозов просил владыку употребить свое влияние и связи, чтобы приостановить приказ генерала Шварца, а лазарет направить туда, где в нем действительно будет необходимость. Экзарх незамедлительно обратился за помощью к командующему Кавказской армией генералу Н. Н. Юденичу, с которым был в очень хороших отношениях, и в тот же день командующий распорядился отменить приказ Шварца. Уже 2 февраля командир 5-го Кавказского корпуса генерал-лейтенант В. А. Яблочкин направил на имя состоявшего при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части генерала Е. И. Бернова телеграмму: «В силу совершенно частных соображений Серафимовский лазарет передвигают из Трапезунда в Платану. Предназначенное помещение табачного склада без значительного ремонта совершенно неудовлетворительно. Серафимовский лазарет весной будет необходим корпусу для обслуживания приморского направления. Ходатайствую об оставлении Серафимовского лазарета до апреля в Трапезунде, а затем передвижении в Эллеу. Пока приготовим для него там помещение»³⁷⁹. Яблочкину лазарет был нужен для обслуживания одной из дивизий, «как приспособленный для борьбы с тифом».

В свою очередь к начальнику Санитарной части Кавказской армии обратился и Л. В. Голубев с просьбой оставить лазарет в Соук-су до весны, когда установятся дороги, и его смогут отправить в Эллеу. В то же время главноуполномоченный отправил телеграмму генералу Шварцу, чтобы тот дал согласие на перевод Серафимовского лазарета в Эллеу, «где он как хирургически оборудованный может принести большую пользу и что отвечает желанию Комитета духовно-учебных заведений, на пожертвования которых он содержится»³⁸⁰. Шварц, естественно, теперь не мог отказать в этом, но просил перевести лазарет как можно скорее. Он был крайне недоволен отменой своего приказа о переводе лазарета из Соук-су, но в еще большее негодование пришел, когда узнал, что

³⁷⁸ Минцлов С. Р. Трапезондская эпопея... – С. 222.

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 192–192 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 197.

причиной новых распоряжений стало ходатайство экзарха Грузии. Заместитель Л. В. Голубева граф Тышкевич писал своему шефу, что генерал Шварц «перенес весь свой центр тяжести на экзарха». Бессильный, однако, что-либо изменить, генерал решил выместить досаду на руководстве Серафимовского лазарета. 6 февраля он отдал приказ об аресте Ткаченко на семь суток с содержанием на гауптвахте. Мотивация была такова: тот обратился с запиской непосредственно к нему, нарушив субординацию, а главное – якобы позволил себе выражения, недопустимые по отношению к начальнику. На самом деле, докладная была написана совершенно корректно. Поводом же к обвинению, видимо, послужили слова: «Ко всему присоединяю, что двух сыпнотифозных сестер перевезти из лазарета без опасности для жизни невозможно ввиду тяжелого состояния их. Если будет приказано Вашим Превосходительством их эвакуировать немедленно, то я, как врач, снимаю с себя ответственность за дальнейший ход их болезни»³⁸¹.

Отправляясь на гауптвахту, Ткаченко передал исполнение обязанностей женщине-врачу Фрейман. Когда он вернулся в Соук-су, лазарет снова жил обычной жизнью, хотя и находился в полусвернутом состоянии, ожидая скорой отправки. Больных, впрочем, поступало немного. Связано это было не только с общим позиционным затишьем на Кавказском фронте, но и с отсутствием у лазарета перевозочных средств, которые у него отобрали еще раньше.

Перед отъездом Ф. М. Морозова из Тифлиса архиепископ Платон обещал Серафимовскому лазарету свое неизменное покровительство. Экзарх уверял, что если кто-нибудь сделает «обидное для лазарета», он непременно доложит об этом наместнику Кавказа великому князю Николаю Николаевичу. Вскоре поддержка владыки действительно понадобилась.

В лазарете все еще нерешенной оставалась проблема старшего врача, в лице которого хотели видеть авторитетного и опытного специалиста. Студент Ткаченко, вынужденно занимавший эту должность, тяготился ей, особенно после последних событий. Главный военно-санитарный инспектор А. Я. Евдокимов еще в начале февраля отказался назначать в лазарет Смиттена или Флерова, сославшись на «значительный некомплект врачей, как в действующей армии, так и внутри империи». Тогда Ф. М. Морозов вновь обратился за помощью к экзарху, который опять-таки благодаря личным связям сумел добиться назначения Е. А. Флерова.

К сожалению, появление опытного хирурга не изменило ситуацию в лазарете, и он по-прежнему почти бездействовал. Так, например, с 20 февраля по 20 марта – за месяц – больных поступило всего 87 человек, в то время как другие лечебные заведения Трапезунда были полны. Из-за плохой дороги и отсутствия транспортных средств больных из эвакуационного пункта направляли в Серафимовский лазарет пешком и то лишь тех, кто не был серьезно болен и мог дойти. В основном это были больные цингой и хроническими

³⁸¹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 234–234 об.

заболеваниями – туберкулезом, анемией, малярией и т. п. Таким образом, в приспособленный для хирургических больных лазарет таковые больные просто-напросто не поступали³⁸².

На неоднократные обращения в управление Красного Креста и в управление районного уполномоченного дать лазарету работу слышались одни обещания, но ничего не менялось. Как выяснилось «по наведенным справкам», в Эллеу, куда намечали перевести лазарет, уже работало несколько лечебных заведений, поэтому подобные обещания выглядели довольно сомнительно. Тогда у руководства лазарета окончательно утвердилась мысль о необходимости перевода на другой фронт, например Румынский, куда легко можно было переправиться морским путем через Одессу³⁸³.

Комитет по охране древних памятников Трапезунда

Несмотря на проблемы, возникавшие вокруг лазарета и требовавшие от Ф. М. Морозова большого внимания и сил, он, тем не менее, находил время для работы с древними памятниками, при всякой возможности возобновлял их поиски, фотографировал, описывал. Так, в конце марта, «случайно бродя по узким улицам Трапезунда», он наткнулся на остатки небольшого древнего храма, как позже выяснилось – Св. Георгия. Греки разъяснили, что этот храм когда-то был приписан к бывшему здесь одноименному греческому монастырю. Однако все монастырские постройки, в том числе и церковь, турки разрушили, перестроив в частный дом, находившийся в шагах трехстах от развалин. Поэтому следов главной монастырской церкви Морозов не обнаружил.

Храм Св. Георгия занимал площадь примерно четыре с половиной на три метра. Сохранилась его алтарная часть, и по остаткам фундамента можно было представить план всего храма. Тщательно осмотрев развалины, Морозов обнаружил, что алтарные пилоны украшены крестиками, расположенными правильными рядами в высоту. В их нижнем ряду имелся поясok, представляющий ряд кивориев со слабыми следами находившихся в них рельефов святых. Судя по кладке и убранству пилонов, можно было предположить, что на этот маленький храм, находившийся, очевидно, в богатом приходе, храмоздатели не пожалели средств – пригласили резчиков по камню для отделки колонн, а возможно и стен храма, барельефными украшениями. В Трапезунде этот храм оказался единственным в своем роде. Обнаруженные барельефные убранства побудили Морозова тщательнее обследовать развалины и даже дерзнуть, как он выражался, «немножко подкопать» под алтарным окном. Вскоре в земле обнажился

---

³⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 99.

³⁸³ Там же. Л. 99 об.

край каменной плиты, небольшая выпуклость которой навела на мысль: не барельеф ли на ней? Раскапывая плиту, наш археолог к своей великой радости увидел сначала человеческую фигуру, а затем фигуру лошади. Вскоре открылся и весь барельеф, изображающий всадника, по всей видимости, святого Георгия Победоносца.

Пока Морозов работал, вокруг него собралась группа греков и солдат, заинтересовавшихся раскопками. Солдаты помогали откидывать землю и чрезвычайно дивились: откуда он узнал, что здесь зарыта эта плита? Морозову, видимо, немного льстили эти наивные недоумения. Найденный барельеф, представлявший собой плиту размером приблизительно 105 на 85 сантиметров, он сфотографировал и, поразмыслив, что делать с находкой дальше, решил снова засыпать ее землей – для сохранности. Того, что барельеф могли унести, он не опасался, так как для этого нужно было вытащить его из кладки алтарной стены, что при неумении вызвало бы обвал, а вот повредить изображение могли.

Кроме описанной находки Морозов обнаружил еще одну каменную плиту архаичного вида с какими-то желобками. Знакомый архитектор высказал предположение, что это могла быть плита с языческого жертвенника, а желоба служили для стока жертвенной крови³⁸⁴.

Археологической разведкой Морозов занимался и в других местах. Будучи по делам в городке Дживизлике, он осмотрел десять интересных пещерных храмов с фресковой росписью и монастырь Св. Иоанна. Особенно любопытным оказался дживизликский храм Св. Марии, высеченный в скале. Он был искусно расписан и имел прекрасно сохранившееся изображение Богородицы Млекопитательницы. В ближайшее время Морозов намеревался посетить знаменитые древние монастыри Сумела и Вазелон.

Горный монастырь Панагия Сумела был основан согласно преданию еще в IV веке. В нем хранилась знаменитая икона Божией Матери, приписываемая кисти апостола Луки. Монастырь, пользуясь покровительством нескольких поколений византийских императоров, стал самым влиятельным и богатым на территории Понта в эпоху Трапезундской империи. После ее падения привилегии, которыми пользовалась Сумелская обитель при византийских и трапезундских императорах, подтвердил султан Селим (1512–1520) и все последующие правители Османской империи. К началу XX века монастырь достиг наибольшего расцвета. Расположенный высоко в горах, в массиве отвесной скалы, он производил на паломников огромное впечатление величественной архитектурой, а внутри – богатой фресковой живописью.

Монастырь Вазелон Св. Иоанна Предтечи, один из крупнейших на территории Понта, также располагался высоко в горах. Он назывался еще «императорским», будучи одним из наиболее известных монастырей в Византии.

³⁸⁴ ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 1–2 об.

Основанный чуть ли не в III веке, монастырь пережил бурную историю. Покровительствуемый не только византийскими и трапезундскими императорами, но и русскими царями, монастырь до начала Первой мировой войны находился в цветущем состоянии. Он так же, как и Сумелы, был украшен замечательными фресками.

С началом Первой мировой войны оба монастыря разграбили турки. Сумелская обитель успела лишь спасти икону Божией Матери, часть Животворящего Древа Креста Господня и рукописи, но лишилась всех богатств, и теперь влачила жалкое существование. Судьба Вазелона оказалась еще печальнее: он был разорен совершенно и нуждался в больших средствах, чтобы стать на ноги³⁸⁵.

Вообще в районе от Дживизлика до Ардаса сохранилось множество удивительных памятников церковной старины: кроме названных монастырей, там имелось до 50 небольших храмов.

Бывая в разных местах, Морозов сожалел, что не имеет фонографа, на который мог бы записывать «местные былины, свадебные песни» и прочие памятники словесного творчества³⁸⁶.

Между тем осуществлять поездки было непросто, так как лазарет, по сути, находился на его попечении. Особенно много хлопот доставляли вопросы обеспечения продовольствием и медикаментами. «Я должен выкраивать все свободное время, – делился он с профессором Н. И. Веселовским, – а его очень мало – все сильно отвлекает, от близкого сердцу дела охраны и описания памятников церковной старины»³⁸⁷.

В это время Морозов снова напомнил Веселовскому о важности учреждения в Трапезунде музея и привлечения греков, «дабы узнать от них многое для пользы истории собранных памятников». В этом направлении он уже активно работал. Морозову удалось организовать местный Комитет по охране древних памятников, в который вошли образованные и богатые греки, а также русские офицеры, интересующиеся стариной.

Такая организация оказалась весьма своевременной. После Февральской революции резко изменилась психология солдатской массы. По отношению к начальству солдаты вели себя вызывающе, не желали подчиняться и оказывать должного уважения, отказывались выполнять приказы. Авторитет командования заметно упал, и ему приходилось смотреть на многие вещи сквозь пальцы. В результате все меньше и меньше становилось во всем порядка. На этом фоне произошли перемены в составе военной администрации Трапезунда. В первой половине марта занявший при Временном правительстве должность военного и морского министра А. И. Гучков приказал перевести генерала А. В. Шварца

³⁸⁵ [Успенский Ф. И.]. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1663.

³⁸⁶ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 7.

³⁸⁷ ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 1–2 об.

в Петроград начальником Главного военно-технического управления, куда тот забрал большинство своих «любимцев». Незадолго до него в Новороссийск на новое место службы выехал С. Р. Минцлов, травимый в последнее время «шварцевской кликой». Любопытно, что на следующий день после отъезда Шварца в Трапезунде произошел бунт. Город заполнили толпы разъяренных солдат, несколько офицеров были избиты, у других оборваны погоны. Толпа искала Шварца, Мелек-Парсаданова и других с криками, что они воры, растратчики 200 миллионов казенных денег. Если бы солдатам попались те, кого они искали, расправа была бы зверской. Оставшееся в Трапезунде начальство растерялось и безмолвствовало. Узнав, что тех, с кем хотели расправиться, нет в городе, солдаты потребовали, чтобы военному министру отправили телеграммы о смещении и отдаче под суд Шварца и Парсаданова. Трапезундский совет солдатских депутатов выполнил это требование. Парсаданова, например, обвиняли в грабеже турецкого имущества, в воровстве и пр. Остававшиеся в городе Дынга и полицмейстер по требованию Совета были арестованы, однако начальству удалось тайком отправить их в Батум. Греки, обозленные на полицмейстера за его постоянные запрещения и прижимы, потребовали от его жены, бравшей вместо мужа взятки, возврата денег. «Толстая баба плакала и уверяла, что денег при ней уже нет, и что она вернет их, возвратившись в Россию»³⁸⁸. По подсчетам греков, в кармане этой барыни уехало около 40 тысяч их денег.

Ничем определенным эта история так и не закончилась. Требование солдатского Совета А. И. Гучков, видимо, положил под сукно – ему нужны были «верные» кадры для подкрепления новой России.

Между тем в Трапезунде усилилась революционная пропаганда, рупором которой, как ни странно, стал считавшийся официальным изданием штаба «Трапезундский военный листок». Если под редакторством С. Р. Минцлова газета имела больше культурное направление, то теперь носила исключительно политический характер. В ней все чаще появлялись статьи против прежнего режима, военных начальников, духовенства. Происходило это, конечно же, не без ведома нового коменданта укрепрайона генерал-майора Д. П. Колосовского: либо с его согласия, либо с молчаливого попустительства.

Ко всему прочему, новая администрация оказалась совершенно не чуткой к нуждам ученых обществ, в частности, в отношении охраны памятников Трапезунда.

И вот, в то время, когда русская военная власть начала терять в городе авторитет, стало возрастать значение власти местной – необычайно поднялся престиж греческого митрополита. И ранее греки по всем важным вопросам обращались в первую очередь к владыке Хрисанфу, теперь же его авторитет для них стал безусловным. Многим было ясно, что русские здесь долго не продержатся и на

³⁸⁸ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 263–264.

смену им рано или поздно снова придут турки. А следовательно, нужно теперь устраивать свою жизнь независимо от русских.

В создавшейся ситуации естественным было опереться в деле охраны памятников на местных жителей. Ф. М. Морозов это понял и сумел направить деятельность своих единомышленников в нужное русло. Организованный им Комитет по охране древних памятников теперь получил покровительство митрополита. Комитет готов был взять на себя устройство местного музея. Городская управа после переговоров согласилась даже ассигновать 13 000 рублей на изучение памятников и устройство музея. Однако, чтобы поставить дело на твердую, так сказать законную почву, требовалось официальное согласие Русского археологического общества. «Необходимо представительство русского, но не грека, – писал Морозов профессору Н. И. Веселовскому, – и чем скорее Вы отзоветесь на мое предложение, т. е. учреждение музея, тем благоприятнее для науки – раскроются монастырские библиотеки и мир узнает, быть может, многое»³⁸⁹. Между тем задавался он вопросом и о том, что делать с оставленными академиком Ф. И. Успенским в храме Богородицы Златоглавой рукописями и проповеднической кафедрой. Вывезти их в Россию пока не представлялось возможным, но и оставлять в неопределенном положении в Трапезунде было небезопасно. Хотя Морозов и запирали храмы, вскрытия пещерных церквей по-прежнему продолжались, из-за чего постоянно оставалась опасность хищения или порчи памятников. Проблему как раз то и могло решить устройство музея или учреждение местной археологической комиссии, под охрану которых могли бы поступить трапезундские древности. По всем этим вопросам Морозов просил каких-нибудь указаний от Археологического общества, а также письменных удостоверений, без которых трудно было рассчитывать на содействие военных властей.

Письмо Н. И. Веселовскому он отправил с уезжающей в Петроград сестрой милосердия Натальей Павловной Миролюбовой из лазарета Союза городов. Он также просил ее передать письмо секретарю комитета Красного Креста духовно-учебных заведений А. И. Оранскому и рассказать ему о нуждах Серафимовского лазарета.

Морозов писал Оранскому, что из-за неопределенных распоряжений управления Красного Креста на Кавказе о перемещении Серафимовского лазарета на фронт, лазарет работает в полусвернутом состоянии, принимая по 70 больных, хотя мог бы развернуться на 200 и даже 300 коек. Но на все обращения к главноуполномоченному только и слышалось в ответ, что лазарет скоро передвинут вглубь Турции, однако это «скоро» длилось уже слишком долго. Морозов сожалел, что даром пропадают силы и оборудование лазарета, который мог бы «принести громадную пользу в бою», если не на Кавказе, то на Румынском или

³⁸⁹ ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 3.

другом фронтах. «Владыка экзарх, я знаю, – писал он, – не хочет выпускать лазарет с Кавказа, но если ему Красный Крест не дает работы, то ничего не остается – выйти из его подчинения и как самостоятельный лазарет работать при дивизии»³⁹⁰. Архиепископ Платон действительно хотел, для престижа, чтобы на территории Экзархата работал лазарет духовного ведомства, считавшийся, по мнению специалистов, лучшим на всем Кавказском фронте³⁹¹.

Вместе с Н. П. Миролюбовой Морозов отправил открытку и дороговому профессору И. А. Шляпкину. Эта открытка любопытна тем, что в ней Морозов выражал личное отношение к происходившим в обществе переменам. Поздравляя профессора, в то время серьезно болевшего, с праздником Светлого Христова Воскресения, он писал: «Воскреснут Ваши силы, здоровье на благо свободной России». «Я болею за Св. Церковь, – продолжал Морозов, – пусть ее не втягивают в мирскую политику, а дадут свободу, отделят от правительства, довольно принуждать Церковь искажать Евангельское учение и проповедовать только с тем, что по духу правительству. Христос воскрес, и проповедь его учения пусть воскреснет со свободой народов; довольно распинать Христа»³⁹². Вот так четко и емко он выражал свое убеждение: Церковь страдает, будучи в зависимости от мирской власти она несвободна, и более того – этим «распинается» Христос! Такой взгляд на церковную действительность, безусловно, сложился у Морозова под влиянием митрополита Антония (Вадковского). И теперь падение монархического строя воспринималось им, в первую очередь, как возможность освобождения Церкви, оздоровления ее внутренней жизни.

Уже через несколько дней Ф. М. Морозов и Е. А. Флеров снова писали А. И. Оранскому.

«Приветствую Вас с новым временным правительством и свободой!!! – начинал письмо доктор Флеров. – Но жаль, что свобода понята не в том виде, как о ней проповедуют; эгоизм, личное я народных масс, вмешивается в жизнь с невоспитанной демократией и делает вред правде свободы»³⁹³. Высказав негативное отношение по поводу выступлений и требований петроградских рабочих, он затем затронул вопрос религиозной жизни Серафимовского лазарета. По его мнению, миссия лазарета в это время состояла не только в том, чтобы лечить, но и в том, чтобы идти на помощь духовно осиротевшим воинам в их религиозных запросах. «Вы представьте, – писал доктор, – солдаты, привыкшие дома ходить в храм Божий, слышать слово Божие, они здесь вовсе отрываются от церкви, ее здесь нет; кругом мечети... Наш лазарет единственный имеет церковь; приходят молиться солдаты, послушают безграмотного иеромонаха, который Евангелия

³⁹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 12 об.

³⁹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 79 об.

³⁹² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13.

³⁹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6–6 об.

читать не умеет, не услышав от него слова проповеди – походят-походят, да и отстают»³⁹⁴.

К сожалению, то, о чем писал старший врач, было явлением не случайным, не единичным. Состав священнослужителей, окормлявших воинские части в годы Первой мировой войны, часто действительно был мало удовлетворительным. Современники отмечали крайне низкий не только богословский, но и общеобразовательный уровень военного духовенства. Если штатные полковые священники в общей массе еще как-то соответствовали необходимому уровню и нередко встречались среди них пастыри весьма высоких качеств, то со священнослужителями, прибывавшими из епархий, дело обстояло иначе. С началом войны ряды военного духовенства пополнились епархиальными священниками, качественный состав которых практически не контролировался. Особенно печальное зрелище представляли присылаемые из монастырей в войска иеромонахи. Как правило, выходцы из крестьянской среды, они, по словам князя Н. Жевахова, отличались «от своих собратьев крестьян только тем, что вместо шапок носили клобуки, вместо свиток – рясы». Эти полуграмотные пастыри, нередко уступавшие в развитии простым солдатам, конечно же, не могли служить авторитетом для паствы и оказывать на нее положительное влияние. Показательны слова Уфимского епископа Андрея, сказанные на одном из заседаний Поместного Собора 1917–1918 годов в ответ на предложение о привлечении к просветительской работе насельников монастырей: «Вы хотите заставить монахов, чтоб они проповедовали. О чем же они будут проповедовать? Их надо просить не о том, чтобы они проповедовали, а о том, чтобы они не смели проповедовать»³⁹⁵.

Неподготовленность многих священнослужителей к работе в военных условиях приводила к тому, что они часто сводили свою деятельность на фронте и в госпиталях лишь к требоисполнению: совершению молебнов, панихид и иногда литургий. Таким образом, в то время, когда войны особенно нуждались в профессиональной проповеди, достойных проповедников оказывалось очень мало. Особенно остро нужда в живом пастырском слове встала в 1917 году, когда после Февральского переворота в войсках усилилась революционная пропаганда. Но, к сожалению, ситуация так и не изменилась. По свидетельству генерала А. И. Деникина голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось³⁹⁶.

«Теперь надо высоко поднять знамя Православия, – писал Флеров, – знамя Св. Церкви... Нам нужен священник; будет ли он иеромонах, но нужен с академическим образованием, человек, который бы мог собрать солдата и сказать

---

³⁹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6 об.–7 об.

³⁹⁵ Цит. по: *Кострюков А. А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // *Церковь и время.* – 2005. – № 2 (13). – С. 146.

³⁹⁶ Там же. – С. 153.

ему слово Божие; назидать его в сомнениях жизни; толковать жизнь во Христе. Был у нас о. Иннокентий, умел говорить проповеди – вот пришлите опять студента-монаха, пусть он здесь послужит ближним; прольет свет истин Христовых в жаждущую этого света душу христианина. Солдат, огрубевший в окопах от походной жизни, услышав истину Христову, как от солнца растает и так будет в церкви, волки иной церкви не похитят его... Работы истинному проповеднику Слова Христова много здесь»³⁹⁷.

Как видно, доктор Е. А. Флеров невысоко оценивал деятельность и способности иеромонаха Филарета. Его мнение целиком разделял и Ф. М. Морозов. Впрочем, они относились к отцу Филарету терпимо, чего тот, к сожалению не понимал. В феврале 1917 года протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский переслал архиепископу Сергию (Страгородскому) выписку из рапорта, поданного иеромонахом Филаретом трапезундскому благочинному священнику Александру Климентовскому. В рапорте отец Филарет, в частности, писал, что повсюду понемногу заводятся библиотеки, почти во всех госпиталях имеются походные храмы, но сожалел, что «не во всех госпиталях медицинский персонал одинаково сочувственно относится к религиозным нуждам воинов». И в качестве примера приводил свой Серафимовский лазарет. Подчеркнув, что лазарет содержится на средства духовно-учебных заведений, он указывал, что «среди персонала есть евреи, да и сами русские почти враждебно относятся к заботам батюшки о благолепии богослужения, называя все это “ерундой” и отнимая у него церковника-санитара, иногда после начала службы, и посылая его на почту или за молоком»³⁹⁸. Однако из сохранившихся в фонде комитета Красного Креста духовно-учебных заведений документов не видно, чтобы иеромонах Филарет проявлял какую-либо заботу «о благолепии богослужения». Сохранились лишь его рапорты, в которых он хлопочет о своих гонорарах, не более. Всеми вопросами всегда занимался Ф. М. Морозов, искренне болевший душой за дело и престиж лазарета духовного ведомства. Узнало ли о рапорте руководство лазарета, неизвестно, тем не менее отношение к его автору уже сложилось определенное.

В дополнение к письму старшего врача Ф. М. Морозов продолжал настойчиво просить о переводе лазарета. По его мнению, в случае затруднения переброски в Румынию лазарет можно было бы почти беспрепятственно перевести с правого фланга Кавказской армии на левый – в Месопотамию, придав русской или английской армии.

Умоляя комитет дать лазарету возможность работать «всей полнотой силы и знания хирургии», он писал: «Жаль, что такое богатство средств и сил теряется в тыловой, мало полезной жизни лазарета в Трапезунде. Скажете, что сами просились в Трапезунд – да, мы просились, когда там ощущалась надобность, но нас поставили туда очень поздно; мы все, я говорю от лица всего лазарета, хотим

³⁹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 7–7 об.

³⁹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 88.

заботы, а я лично желаю оправдать Ваше доверие ко мне, как уполномоченный Комитета, которому поручили наблюдение за деятельностью лазарета; о моей работе может подтвердить и врач, и Владыка Экзарх. Постоянно стремление вперед – желание работать. Тыл в настоящее время тяжелым ярмом ложится на лазарет. Вот уже год как обещают перевести лазарет в Эллеу, но в Эллеу, как сообщил уполномоченный Всероссийского Земского Союза, вполне достаточно лазаретов; там на одну дивизию – 4 лазарета и наш будет пятым; был в Фоле лазарет Всероссийского Земского Союза; отсутствие больных, лишняя трата вынудили их закрыть лазарет и уйти с приморского направления»³⁹⁹.

Действительно, обстоятельства на этом участке фронта складывались таким образом, что никаких операций не предвиделось, поэтому передвигаться куда-либо уже не имело смысла. Иначе дело обстояло в Месопотамии, где соперничество между союзниками подвигало их к активным действиям. К тому же 2-й Туркестанский корпус, в расположении которого работал Серафимовский лазарет, из-за крайней нужды в продовольствии переживал в это время настоящий голод. О боях никто не думал, и части уходили на кормежку. Лечебных же заведений в корпусе хватало, нужны были лишь перевязочные средства и продукты. Прося о переводе, Морозов подчеркивал, что Серафимовский лазарет, имея опыт позиционной жизни, мог бы раскинуть палатки где угодно. «Конечно, и там где нас поставят, мы будем работать, но желательна работа в подаче первой и важной для спасения раненого воина, т. е. на позиции, надо пользоваться тем, что имеем прекрасного хирурга и лазарет создаст себе достойное имя», – писал он⁴⁰⁰.

Морозов так же, как и Е. А. Флеров, выражал надежду, что комитет пришлет в распоряжение лазарета священника-проповедника. Кроме того, он напоминал о наградных деньгах: «Мне совестно пред санитарями за Вас; обещали наградные еще к Рождеству; присылали несколько телеграмм, а денег все нет и нет, что это значит?» «Я пишу это письмо, лежа в постели; вот уже 6-й день – поймал малярию – трясет невыносимо; чем только я не переболел в этой проклятой стране. Просился у Вас в Румынию, во Францию, Месопотамию и в результате, дальше того, где сию – никуда»⁴⁰¹.

Вместе с тем Морозов выражал опасения по поводу слухов о том, что Красный Крест может слиться с Земским и Городским союзами. «В Земстве-то еще ничего, – писал он, – но в Городском союзе полный беспорядок – воровство... , пусть мы останемся самостоятельной единицей; общий склад пусть снабжает нас лишь медикаментами и продуктами. Пришлите на помощь студента Панасюка»⁴⁰²,

³⁹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 8 об.–9 об.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 9 об.

⁴⁰¹ Там же. Л. 10.

⁴⁰² **Панасюк Владимир Антонович** – выпускник Холмской семинарии, в 1913–1917 гг. – студент Петроградской духовной академии. С 1914 г. вместе с Ф. М. Морозовым работал в качестве санитаря в 1-м Серафимовском лазарете в Минске. – *Г. Щ.*

Егорова⁴⁰³ или кого знаете; бывает, что надо командировать за покупками, а некого; самому выехать нельзя... У нас все новые сестры, нет даже монахинь; будете присылать наградные или добавочные к жалованию, укажите кому их давать, прежним ли сестрам, уволенным за неподчинение дисциплине и дурное поведение (мне кажется им не следует давать) или новым; но новые так еще мало работают, что достаточна им лишь добавка к жалованию, а только к следующему празднику – наградные. Врач Хацревина, как и сообщал, уволена, она недостойна получения наградных денег. Пусть эти деньги пойдут на лишнюю кровать, на приобретение лазарету нужных медикаментов, чем давать их тем, кто не заслужил»⁴⁰⁴. Врача К. М. Хацревину Морозов уволил «по ходатайству коллег и врачей» еще в марте и с ней еще четырех сестер. Монахинь он также «для пользы дела» попросил перейти в другой лазарет⁴⁰⁵.

«Вот мое краткое послание, – заканчивал Морозов, – не браните за него, а помогите делу; мне жаль понапрасну тратить деньги учителей, а жить и работать для того, чтобы лишь бы делать что-нибудь, мало утешает, я знаю о нужде позиций, знаю, что там мы нужны, но не там, куда нас ставят... Храни Вас Господь. Ваш Ф. Морозов»⁴⁰⁶.

На основании присланных сообщений комитет сделал соответствующий запрос в Главное управление Красного Креста, высказав пожелание о переводе Серафимовского лазарета на Месопотамский театр действий⁴⁰⁷. Однако к этому времени переводить туда лазарет становилось бессмысленным. Активные боевые действия на левом фланге Кавказской армии начались в январе 1917 года, когда главнокомандующий генерал Н. Н. Юденич организовал наступление на Месопотамию. Активизация русских вынудила турецкое командование перебросить часть войск на этот участок фронта, ослабив оборону Багдада, который вскоре заняли англичане. Русское наступление продолжалось до весны, однако трудности со снабжением войск, падение дисциплины под воздействием революционной агитации и рост заболеваемости малярией заставили Юденича прекратить Месопотамскую операцию и отвести войска в горные районы.

Таким образом, надеждам Ф. М. Морозова на скорый перевод лазарета в зону боевых действий опять не суждено было сбыться. Между тем на его письма откликнулся Н. И. Веселовский: 8 апреля на заседании Русского археологического общества профессор сделал доклад об энергичной деятельности Морозова по охране памятников Трапезунда. Он сообщал, что в городе образован Комитет по охране древних памятников, который готов сотрудничать с

⁴⁰³ Имелся в виду **перомонах Гурий** (Вячеслав Михайлович Егоров) – студент Петроградской духовной академии (1912–1917), сокурсник В. А. Панасюка и товарищ Ф. М. Морозова по 1-му Серафимовскому лазарету. – *Г. Ш.*

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 10 об.–11.

⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 85.

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 11 об.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 100–102.

Археологическим обществом. В результате было постановлено: выразить благодарность Ф. М. Морозову за его труды по охране памятников Трапезунда и просить продолжать работы совместно с трапезундским Комитетом в качестве представителя Русского археологического общества. «Посему, – говорилось в заключение протокола заседания, – предложить в ближайшем же общем собрании избрать Ф. М. Морозова в члены-сотрудники Общества»⁴⁰⁸.

Пока в Серафимовском лазарете ожидали известий из Петрограда, работа в нем с начала апреля стала стремительно нарастать – число больных доходило до 300 в сутки. Это было связано с тем, что по открывшимся от снега горным дорогам командование начало массовую эвакуацию больных с позиций. Суровая зима 1916/17 года губительно отразилась на состоянии наших войск, особенно в горных районах. Несмотря на то что еще в сентябре, закрепившись на позициях, войска занялись подготовкой к зимовке и устройством дорог, природные условия вскоре практически свели на нет все предпринятые усилия. Декабрьские снегопады сделали дороги почти непроходимыми, в особенности на перевалах, из-за чего подвоз продовольствия и фуража оказался чрезвычайно затруднен. По долинам, хотя и с большим трудом, продукты еще можно было перевозить на повозках. В горы их уже доставляли вьючным способом, складывая в поставленных в тылу позиций юртах. Затем пешие команды переносили груз на позиции. Нередко обозы с продовольствием стояли на перевалах, занесенные снегом. В результате, войска начали голодать. За зиму во многих частях съели обозных лошадей, ишаков, кошек, собак. Нередки были случаи, когда голодные солдаты варили падаль, выкапывая ее даже из земли. Истощенные лошади объедали друг у друга гривы и хвосты⁴⁰⁹.

Кроме недостатка продовольствия войска сильно страдали от холода. Один из офицеров, зимовавший со своей частью на хребте Шайтан-даг, вспоминал: «В конце ноября дожди сменились снегом. Казаки, размещенные в юртах и палатках, терпели страшную стужу, так как сильный наверху ветер постоянно переворачивал эти жидкие и легкие жилища, гасил печи. Были случаи, когда ночью бешеным порывом ветра палатки уносились куда-то и бесследно засыпались снегом. Ежедневно часовые и подчаски, в лучшем случае, возвращались с поста с отмороженными конечностями и больными; потом зачастую стали совсем засыпаться снегом и полевые караулы. Выстрелы, которыми замерзавшие пластуны хотели дать весть своим станичникам о постигающем их несчастье на посту, таяли в свисте и заунывной песне метели и бесследно, никем не услышанные, разносились в воздухе»⁴¹⁰. Бывали случаи, когда ночью снегом заносило целые сотни пластунов, которые к утру оказывались обмороженными. Весной под снегом нередко находили замерзших на боевом посту отдельных казаков

⁴⁰⁸ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 315 об.

⁴⁰⁹ *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж: Изд. «Возрождение», 1933. – С. 404–405.

⁴¹⁰ *Масловский Е. В.* Указ. соч. – С. 406.

и целые группы при полном снаряжении. У одного пластуна-линейца нашли в стволе винтовки записку: «Долго стрелял и никто меня не услышал. Погибаю за родину, как часовой»⁴¹¹.

В начале весны, во время таяния снегов, доставка продовольствия затруднилась еще более. Голод достиг угрожающих размеров, грозя армии катастрофой. Истощенные люди страдали от разных болезней, особенно от цинги. Обессиленных людей изъедала вошь. Началась эпидемия тифа. Болезни уносили десятки тысяч жизней, и ничего нельзя было сделать. Только с конца марта, когда дороги более-менее установились, обеспечение войск улучшилось, а с позиций началась экстренная эвакуация больных в тыловые лечебные заведения.

Наплыв эвакуируемых в Трапезунд оказался настолько велик, что военные власти распорядились выделить для размещения больных все пустующие помещения, в том числе и мечети. Как бывшая мечеть был занят и храм Богородицы Златоглавой, где находился устроенный Ф. М. Морозовым музей и хранились ящики с имуществом Академии наук. Храм приспособили под питательно-врачебный пункт, разместив в нем больных солдат – всюду, где только можно было их положить.

Узнав лишь через день о занятии храма, Морозов немедленно поспешил туда, чтобы «предупредить возможные недоразумения». В первую очередь он переговорил с медицинским персоналом, прося его не использовать на топливо находящиеся в храме леса, древнюю проповедническую кафедру и неразобранные турецкие бумаги, сложенные кипами на галереях. Просил не взламывать дверей «архива», где хранились в ящиках рукописные Кораны, кости императора Алексия Комнина и святого Евгения, а главное – «не отбивать штукатурку в храме», под которой находилась фресковая живопись и «вообще не производить каких бы то ни было перестроек и ремонтов». Обращался он и к солдатам, умоляя не вбивать в стены гвозди и не ковырять открытые мозаики. Переживая за храм и хранившиеся в нем предметы и рукописи, Морозов ежедневно посещал его, убеждая солдат «относиться к памятникам старины с благоговением, не разрушать ничего и не выносить из галерей бумаг – рукописей, быть может, ценных для науки...»⁴¹²

Не получая по каким-то причинам от Н. И. Веселовского ответа на свои письма, Морозов обратился к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому. Сообщая о сложившейся ситуации, он просил оказать поддержку со стороны Общества, а также дать инструкции по организации охраны трапезундской старины. Морозов подчеркивал, что если бы имел полномочия, то «смелее бы действовал на пользу дела археологии». «В настоящее время, – писал он, – охранить памятники искусства и старины крайне необходимо, ибо

⁴¹¹ Масловский Е. В. Указ. соч. – С. 406.

⁴¹² РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 4–5.

здесь, в Трапезунде и Турции, человеческий поток льется с сильным напором и быстротой, разрушая все на пути, не придавая ценности научному и историческому материалу – остаткам прошлого, а также и создаваемому новому, новой жизнью. Здесь необходим человек, который бы наблюдал за событиями и собирал для истории ценные сведения и охранял старину...»⁴¹³. Он признавался, что сам бы с удовольствием отдался этой работе, если бы она была единственной. Но был еще лазарет. А, кроме того, не имея официальных полномочий, трудно было бороться в деле охраны старины с людьми, которые не понимали ее ценности. И все же Морозов боролся, и иногда даже «в ущерб своему служебному положению». «Мое постоянное стремление, – писал он, – охранить, зарегистрировать для ученых исторический материал, где бы я его не встретил и если вижу, что с ним обращаются грубо, вступаю в защиту»⁴¹⁴.

Морозов указывал на необходимость создания полевой военно-археологической комиссии, которая бы занималась разысканием, фотографированием и изучением древних памятников. Она, по его мнению, могла бы «в целях плодотворной работы» устраивать на местах музеи, из которых более ценное передавалось бы в Академию наук.

Вместе с тем, не получая пока никакой поддержки и даже ответов на письма, Морозов задавался вопросом: для чего нужны его усилия? «Я многое собрал, – писал он Фармаковскому, – но жаль, что не знаю, для кого я работаю и полезна ли моя работа? Работаю, конечно, и для себя, но свое я давно пожертвовал для других. Извиняюсь, что, быть может, этим письмом отвлекаю Вас, но к кому обращусь как не к Вам, здесь и далеко от всего, да и нет людей, могущих понять стремления моей души...»⁴¹⁵ Морозов неслучайно задавался этим вопросом. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, по поручению которого он начинал регистрационную работу на Кавказском фронте, к этому времени уже практически прекратило существование. Когда началась война и многие члены совета Общества ушли на фронт, встал вопрос о временном прекращении его деятельности, однако решено было по возможности продолжать работу, хотя это и стоило больших усилий⁴¹⁶. К 1917 году деятельность Общества, как организации, совершенно сошла на нет. Грустные настроения Ф. М. Морозова усиливало еще и чувство одиночества, забытости: со времени его приезда в ноябре 1916 года из Петрограда, почти за полгода ему никто не написал ни одного письма⁴¹⁷.

---

⁴¹³ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 5 об.

⁴¹⁴ Там же. Л. 6 об.

⁴¹⁵ Там же. Л. 7 об.

⁴¹⁶ Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 11.

⁴¹⁷ «Я вот как выехал из Петрограда, ни от кого не поучал писем, все забыли...» – писал Ф. М. Морозов 29 марта 1917 г. профессору И. А. Шляпкину (ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13).

Вопрос с храмом Богородицы Златоглавой через некоторое время решился сам собой. К середине мая наплыв больных солдат в Трапезунд пошел на спад и располагавшийся в церкви врачебно-питательный пункт ликвидировали. Правда, после этого помещения заняла одна из воинских частей, но ненадолго. Несмотря на то что Ф. М. Морозов неустанно уговаривал солдат ничего в храме не трогать и не портить, пребывание случайных постояльцев все же оставило разрушительный след. Помещения оказались чрезвычайно замусоренными, повсюду валялись тетради и листы бумаги, мозаичный пол в некоторых местах был испорчен, мраморные плиты разбиты, исчезла шитая золотом бархатная занавеска. Находившиеся в верхних помещениях ящики с рукописями были все опрокинуты, перерыты, документы приведены в полнейший беспорядок и частично утрачены, скорее всего, употреблены на солдатские нужды – самокрутки и пр. К счастью, солдаты не пытались открывать на стенах древнюю живопись, также не был вскрыт «древний пол и не снята с него деревянная настилка». Оказались нетронутыми и боковые помещения, где в ящиках хранились предметы, принадлежавшие Академии наук⁴¹⁸. Морозову удалось уберечь от хищения этот ценнейший археологический и археографический материал. Впрочем, Богородица Златоглавая оказалась единственным храмом, где он смог в сложившейся обстановке хоть что-то предпринять для сохранения памятников и как-то контролировать ситуацию. Другие же храмы почти беспрепятственно подвергались взломам, разграблению и самое ужасное – осквернению.

В Св. Софии все запоры выломали и двери оставались незапертыми, стекла во многих местах разбили, на стенах «красовались» надписи «посетителей». Охотники за топливом унесли из храма все деревянное: амвон близ михраба, галерею, настил с пола. Выломанными оказались двери и на колокольне близ Св. Софии, а ведущую на нее лестницу испортили до такой степени, что она в любой момент могла рухнуть. Разорению подверглась и церковь Св. Евгения. В ней, кроме кражи всего деревянного, кто-то сбивал штукатурку, под которой виднелись фрагменты фресок. И хотя Морозов забил взломанный вход досками, в храм можно было попасть через окно, в котором были «выгнуты железные болты».

Общую печальную картину дополняло кощунство, проявленное русскими солдатами по отношению к христианским святыням. В квартале Деремехале имелась небольшая мечеть под названием Измаил-баба, бывшая некогда церковью. Ее здание по-прежнему сохраняло все архитектурные признаки христианского храма и даже фрагменты церковной живописи. Еще в сентябре 1916 года академик Ф. И. Успенский перед отъездом в Петроград постарался привести эту запущенную и разграбленную церковь-мечеть «в благопристойный вид», устроил двери и запоры, передав ключи коменданту укрепрайона. Теперь же

⁴¹⁸ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 209.

она представляла собой совершенно жалкое зрелище. Мало того, что двери в церковь выломали и унесли, солдаты устроили в ней «публичное отхожее место». Недалеко от Измаил-баба, на морском берегу, находился еще один храм, именуемый греками Панагия Керула, а турками – Карабет-джами. Здание его также сохраняло все признаки христианской церкви: апсиду, колонны, следы священной живописи. Однако и оно было превращено в отхожее место⁴¹⁹. Можно представить, какими глазами смотрели на все это греки и турки!

Однако винить исключительно солдат в том, что они растаскивали отовсюду, откуда могли, древесный материал «на дрова» и устраивали, где не должно, отхожие места, было бы несправедливо. Огромную ответственность за это несли городские военные власти. Помимо того, что Трапезунд был переполнен больными, в нем скапливались тысячи уезжающих из армии здоровых солдат. Вынужденные неделями дожидаться транспорта для отправки, они проводили все это время под открытым небом, нередко под дождем и снегом, или ютились в разоренных турецких лачугах без дверей и окон. Никто и не думал позаботиться об устройстве для них бараков и ретиральных мест. Не было даже организовано питание. Брошенные на произвол судьбы, озлобленные, солдаты вынуждены были сами заботиться о себе, и, естественно, делали это как могли. «Город запакощен чудовищно, – с горечью отмечал один из военных начальников, – водопроводы наполовину испорчены, оставшиеся действуют скверно; везде и во всем полная разруха... <...> Вся наша “городская деятельность” заключалась в том, что мы буквально три четверти города разрушили, главным образом на дрова, а остальную четверть запакостили до невероятия. Каждая развалина, каждый закоулок, – это сплошная клоака»⁴²⁰. Неудивительно, что в городе распространялись эпидемии: особенно свирепствовал сыпной тиф и оспа, не прекращались заболевания брюшным и возвратным тифом, появлялась дизентерия, малярия же вообще не переводилась. Болезни косили людей массово, так что вокруг Трапезунда за считанные месяцы выросло несколько огромных солдатских кладбищ с лесом деревянных крестов. И складывалось тягостное впечатление, что транспорты привозили сюда тысячи здоровых русских солдат лишь для того, чтобы через некоторое время закопать их под Трапезундом.

В такой обстановке рассчитывать на содействие военной администрации города в деле охраны памятников было невозможно. Не мог практически ничего сделать и организованный Ф. М. Морозовым местный Комитет: формально он не имел ни официального статуса, ни полномочий.

Не радовало Морозова положение дел и в Серафимовском лазарете. С уменьшением притока больных в нем опять почти не стало работы. Среди находившихся на излечении солдат вновь преобладали «хроники» – в основном

⁴¹⁹ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 210.

⁴²⁰ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 196, 245.

больные цингой и ревматизмом. Никакой хирургической работы не было и в помине. В середине мая лазарет покинул и доктор Е. А. Флеров, избранный в медицинский совет при главноуполномоченном Красного Креста на Кавказском фронте. Оставил лазарет и болевший иеромонах Филарет. Хотя в Серафимовском лазарете еще имелись запасы медикаментов и хирургических пособий, никакой серьезной работы не предвиделось. Да и само его существование с течением времени становилось все более затруднительным. Уже в начале лета практически прекратилась доставка продовольствия со складов Красного Креста. Лошади, из-за отсутствия фуража, обессилели. Морозову приходилось самому добывать продукты для лазарета. По-прежнему он вместе с А. Ткаченко просил руководство перевести лазарет на один из европейских фронтов, но в Петрограде, похоже, было теперь не до этого...

На Кавказском фронте военные действия уже не предпринимались. Дисциплина в войсках совершенно упала, солдаты не хотели воевать, митинговали, массово дезертировали. Революционная пропаганда шла полным ходом. Временное правительство настаивало на возобновлении наступления в Месопотамии, однако командующий Кавказским фронтом генерал Н. Н. Юденич, трезво оценивая обстановку, отказался это делать. 31 мая «за сопротивление указаниям» Временного правительства он был отстранен от командования, передав полномочия генералу М. А. Пржевальскому.

Вот в такое сложное время в начале лета в Трапезунд прибыла вторая археологическая экспедиция Академии наук во главе с Ф. И. Успенским. На этот раз она состояла из семи человек. Кроме Успенского в ней приняли участие: профессор Лазаревского института восточных языков А. Е. Крымский (со своим учеником П. Н. Лозеевым), профессор Московской духовной академии Н. Д. Протасов, археолог Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов, художник-акварелист генерал Г. К. Мейер и художник Н. К. Клуге, работавший здесь год назад. Так как члены экспедиции выезжали из разных городов, а передвижение по железным дорогам было чрезвычайно затруднено, в Трапезунд они прибыли в разное время.

Первыми приехали в начале июня петроградцы во главе с Ф. И. Успенским. Однако на этот раз академика встретило большое разочарование, когда ему пришлось столкнуться с безразличием к интересам и нуждам экспедиции со стороны местной военной администрации. Если в минувшем году при генерале Шварце ученые встречали хоть какую-то поддержку и внимание, то теперь и этого не было. Участникам экспедиции даже не предоставили «удобное помещение», поэтому им пришлось разместиться порознь в гостиницах или наемных комнатах. Городскую администрацию вновь нужно было знакомить с целями и задачами экспедиции, которые, впрочем, для нее оказались мало понятны. Но больше всего академика огорчило то, что сильно упал авторитет русской военной власти. Осмотр памятников также произвел удручающее впечатление.

Единственное, что порадовало – сохраненный от хищения «архив» в храме Богородицы Златоглавой.

Узнав о прибытии экспедиции, Ф. М. Морозов поспешил повидаться с Ф. И. Успенским, которому обрисовал общее положение дел. Однако отношение к нему академика стало уже довольно прохладным. Вызвано это было, вероятно, тем, что Морозов в течение зимних и весенних месяцев вел переписку с представителями Русского археологического общества. Зная о негативной оценке Общества своей деятельности и подозревая в этом отчасти Морозова, Успенский еще зимой изменил к нему отношение. Сначала довольно активно писавший ему, Морозов уже с начала 1917 года оставил переписку, то ли не получая от академика ответов, то ли, напротив, получив неприятное письмо. Скорее первое. Успенский вел себя, конечно, довольно странно, учитывая, что Морозов навещал его болевшую жену, писал о ее здоровье, выполняя роль некоего посредника между супругами (академик ведь даже не отвечал на письма Надежды Эрастовны).

Узнав от Морозова подробности о разорении храмов, Успенский попросил коменданта Трапезундского укрепрайона генерал-майора Д. П. Колосовского собрать специальную комиссию для освидетельствования памятников. В нее вошли представители коменданта, городской голова и один полицейский чин, однако участие в работе фактически принимали лишь Ф. И. Успенский, поручик А. М. Чепурский и комиссар 4-го отдела городской милиции подпоручик Карпов. Храмы, как уже говорилось, представляли зрелище малоутешительное. По результатам их осмотра был составлен рапорт, в конце которого академик взывал к коменданту укрепрайона: «Не найдете ли побуждений в Вашем сердце оказать этим памятникам внимание, дабы не говорили об нас со злорадством, что мы с православными христианскими памятниками поступаем как язычники»⁴²¹. Успенский просил назначить трех рабочих для очистки зданий от нечистот и устроить двери с запорами.

К середине июня все члены экспедиции, наконец, собрались вместе. Работы между ними распределили согласно специальности каждого. Профессор А. Е. Крымский приступил к разбору и описанию рукописей, книг и архивных документов, сосредоточенных в храме Богородицы Златоглавой. Профессор Н. Д. Протасов занялся изучением архитектуры и живописи церквей, бывших мечетей, переданных в 1916 году в распоряжение ученых. Н. Е. Макаренко взялся за обследование стен города и трапезундского акрополя. Архитектор Н. Б. Бакланов составлял планы и чертежи «главнейших трапезундских церквей». Н. К. Клуге имел поручение снять красками копии с некоторых фресок, частью обнаруженных в минувшем году, частью вскрытых неизвестными зимой

⁴²¹ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 210–211.

1916/17 года. Художник генерал Г. К. Мейер должен был заняться выполнением рисунков по указаниям Ф. И. Успенского с важнейших памятников Трапезунда и ближайших окрестностей. Чтобы не затруднять членов экспедиции в их деятельности, академик предупредил, что оставляет за собой общее наблюдение и предоставляет себя в распоряжение каждого, кто будет к нему обращаться.

Очень скоро Ф. М. Морозов познакомился со всеми членами экспедиции. Некоторых он даже сумел привлечь в местный кружок «любителей старины и искусства». Известно, что в него вошли профессор Н. Д. Протасов, Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов и, кажется, поначалу профессор А. Е. Крымский. Однако совершенно враждебно против кружка и лично Ф. М. Морозова оказался настроен Ф. И. Успенский, ревниво относившийся ко всему, что касалось трапезундских памятников, считая их изучение исключительно своим делом. Достаточно вспомнить категоричное заявление, высказанное им летом 1916 года, что он «никому не позволит фотографировать Св. Софию, Св. Евгения и Панагию Хризозефалос, исследование которых оставляет за собой». Поэтому неудивительно, что Успенского раздражало само наличие кружка, претендовавшего на контроль над памятниками, хотя бы даже и с целью их охраны. Масло в огонь подлило напечатанное в местной греческой газете «Логос» открытое письмо некоего Леонтидиса на имя академика. К сожалению, текст этого письма разыскать не удалось, но общий смысл его заключался в призыве к руководителю экспедиции заниматься охраной трапезундских памятников сообща с местными представителями. Обращение это очень не понравилось Успенскому, так как ставило его перед греческим населением в неловкое положение, и он заявил Ф. М. Морозову, что считает кружок антирусским. По убеждению же последнего академик сильно заблуждался, так как кружок не преследовал «политиканствующего намерения», а ставил строго научные цели – «спасти ученым и науке остатки еще живых свидетелей прошлой культуры человечества»⁴²².

Морозов, впрочем, теперь больше рассчитывал на поддержку Русского археологического общества, которое во второй половине мая избрало его своим членом-сотрудником, назначив официальным представителем в трапезундском Комитете охраны памятников старины⁴²³. «Работа кружка идет успешно, – писал он в начале июля Б. В. Фармаковскому. – На днях вышлю официальное письмо Обществу и устав. Сделать фотографии с клинописей, что близ Хохульского монастыря, мне сейчас не удастся, так как очень много дела в Трапезунде и археологического, и главное много отнимает времени хозяйственная и административная работа в лазарете; хотелось бы скорее развязаться, но война затягивается; жду помощника и тогда, быть может, будет больше времени уделить археологии. <...> Кружком нашим разосланы письма всем греческим учителям, священникам с просьбой дать известные им исторические сведения о храмах

⁴²² РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 1 об.–2.

⁴²³ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 323.

или другом каком-нибудь археологическом памятнике, о его сохранности и преданиях о них, а также собирать народные греческие, турецкие песни и былины. Несмотря на все препятствия при любви к делу можно работать. Веря в Вашу поддержку, буду, как пчела собирать археологический мед со всех мест»⁴²⁴.

Вместе с тем Морозов выражал озабоченность судьбой своих «археологических негативов», хранившихся в Александро-Невской лавре с его имуществом. Он спрашивал, не найдется ли возможность забрать их и перевезти в Археологический институт, а также просил Русское археологическое общество «иметь попечение над Антиминсом XII века», хранившимся в лаврском музее. «Жаль, – писал Морозов, – если нерадение монахов вновь затеряет его; теперь труднее сохранить; то же и об остальных предметах музея»⁴²⁵.

Эти строки Ф. М. Морозов писал 7 июля, а через несколько дней произошел инцидент, окончательно настроивший академика Ф. И. Успенского против местного археологического кружка. В ночь с 9 на 10 июля неизвестные проникли в храм Богородицы Златоглавой и похитили оттуда часть рукописного материала. Работавший там профессор А. Е. Крымский отмечал в отчете, что ему приходилось встречать открытую неприязнь местных греков, «которые назойливо стремились проникнуть внутрь мечети и шпионить» за его работой. Профессор пытался «отражать их назойливость очень энергично», но один раз, как он выразился, ему это не удалось. Вот что он писал: «В начале июля (в четверг 6 июля) местный греческий археологический кружок самовольно назначил для трапезундцев осмотр мечети, и я, застигнутый врасплох, принужден был впустить в мечеть огромную разношерстную толпу, человек 200, которая бесцеремонно шарила всюду и, с особенным упорством, добивалась проникнуть в закрытую на замок архивную часть мечети. Я туда не пустил пришельцев, ссылаясь на отсутствие ключа у меня»⁴²⁶. Через три дня, придя в понедельник со своим учеником в храм, Крымский увидел, что наружная оконная решетка и дверь в архив взломаны. При осмотре обнаружилась пропажа нескольких сот книг и рукописей, а также нескольких мешков с документами.

Узнав о случившемся, Ф. И. Успенский предпринял попытки разыскать похищенное, но тщетно. Милиция составила протокол, однако дальше этого дело не продвинулось. Лишь 15 августа случайно в кустах нашли мешок с документами из храма Богородицы Златоглавой, «опустошенный наполовину и содержащий только незначительные, ни к чему уже ненужные документы».

Успенский был уверен, что непосредственное отношение к краже имел археологический кружок. Его убеждение строилось на том, что злоумышленники якобы знали, где что хранилось. Однако предположение это было неверным и

⁴²⁴ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 2 об.–3 об.

⁴²⁵ Там же. Л. 3.

⁴²⁶ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 216.

диктовалось, в первую очередь, эмоциями. На самом деле, похитители, проникнув в «архив», взяли не самое ценное. По всей видимости это были обыкновенные жулики, укравшие книги и рукописи с целью их последующей продажи коллекционерам. Но они действительно могли побывать накануне в храме вместе с экскурсией, в чем, конечно же, нельзя винить ее организаторов.

Вообще, отношение Успенского к грекам резко изменилось в отрицательную сторону, и напротив – стало «благожелательным» к туркам. Вызвано это было изменившимися политическими перспективами. Если год назад положение русских на Анатолийском побережье казалось весьма прочным, почти незыблемым, то теперь становилось очевидно, что завоеванные территории в скором времени придется оставить. Во время первой экспедиции Успенский, возможно, знал или догадывался о существовании планов по разделу территории побежденной Турции и созданию независимого государства с центром в Трапезунде. По свидетельству Н. К. Клуге, академик тогда открыто говорил о задачах своей будущей деятельности во вновь завоеванных областях Малой Азии, к которым прибавлял и Кавказ, «где ничего еще не сделано и который является непочатым краем в научно-археологическом отношении». Для этого региона он задумывал устроить вторую Археологическую комиссию с тем, чтобы возглавить ее, оставив за собой и место директора института в Константинополе⁴²⁷. Но кроме продвижения этой идеи в соответствующих инстанциях нужно было завоевать еще и симпатии местных греков, составлявших большую часть населения, в том числе и митрополита, о котором Успенский тогда довольно лестно отзывался. Поэтому летом 1916 года академик и повел определенную «политику», причем лишь после отъезда Ф. И. Шмита, представлявшего Археологическое общество: читал лекции у генерала Яблочкина и в местной гимназии, ходил по городу с ее воспитанниками и учителями, объясняя историческое значение памятников Трапезунда и т. п.⁴²⁸ Клуге даже утверждал, что именно потому, что «предстояло иметь дело с греками», Успенский и привез в Трапезунд свою жену.

Одному из знакомых академик в то время писал, что имеет поручение от наместника выяснить церковные вопросы в завоеванном трапезундском регионе. Клуге вспоминал: «Местные учителя-греки натащили ему целую кучу книг, погрузившись в которые Успенский начал подготавливаться для решения церковных вопросов». А заключались «вопросы» в том, что академик выяснял, какой тип одной из местных церквей наиболее подойдет для постройки подобной в долине Чороха, где жена сенатора Истомина, занимавшего в то время должность директора гражданской канцелярии наместника, адмирал П. И. Косьюков и «компания» решили строить монастырь в память избавления Батума от нашествия турок⁴²⁹.

⁴²⁷ ИИМКА РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 55.

⁴²⁸ Там же. Л. 53 об.

⁴²⁹ Там же. Л. 54 об.–55.

Но это было год назад. Теперь же задуманное становилось неактуальным, планы рухнули, а следовательно, необходимо было менять и «политику». Успенский теперь решил воспользоваться наиболее ценным археографическим материалом, собранным в Трапезунде, для обмена на имущество Русского археологического института в Константинополе, изъятого турецкими властями в 1914 году. Для этого нужно было получить официальное разрешение на вывоз книг и рукописей из Трапезунда, а также заручиться на будущее расположением турок. Греческие интересы теперь не рассматривались вовсе. Чтобы получить разрешение на секвестр книг и рукописей, академик обратился в Особый Закавказский комитет, учрежденный Временным правительством для управления Закавказьем. В его юрисдикцию входила вся территория упраздненного Кавказского наместничества, включавшего и завоеванные области. Комитет составляли представители различных партий и национальных движений: кадет В. А. Харламов (председатель), дашнак М. И. Пападжанов, мусаватист М. Ю. Джафаров, меньшевик А. И. Чхенкели, социал-федералист К. Г. Абашидзе. Именно с этими людьми и нужно было решать вопрос о секвестре, который Успенский представил как дело исключительно государственного значения. Относительно правовых оснований для этого академик отмечал, что речь идет не об интересах греческой или армянской народности, а о религиозных учреждениях мусульманского культа – мечетях. Так как Трапезунд принадлежал Оттоманской империи, мечети рассматривались как государственное достояние турок, которое должно быть возвращено после окончания войны именно им, а не грекам, армянам и грузинам. Далее он указывал, что в начале войны турецкое правительство «не нашло никаких затруднений» секвестровать библиотеку и коллекции Русского археологического института в Константинополе, хотя он находился под защитой итальянского, а затем испанского посла. Турки вывезли из института 65 ящиков с книгами и коллекциями, приспособив здание под лазарет. Из этого Успенский делал вывод о не подлежащем сомнению праве русского правительства наложить секвестр на книги, рукописи и коллекции, находящиеся в Трапезунде. Хотя по стоимости они и не равнялись секвестрованному в Константинополе, но могли бы, по его мнению, служить «некоторым вознаграждением турецкому правительству» во время будущих переговоров о возвращении имущества института. Наиболее подходящим местом для хранения секвестрованных предметов Успенский считал Батум, а упаковку, перевозку и хранение их предполагал осуществить за счет средств института, выдаваемых Министерством народного просвещения⁴³⁰.

Теперь понятно, почему изменилось отношение к грекам, которое академик не скрывал от членов Особого Закавказского комитета. Так, в одном из обращений, он сообщал об «исключительных затруднениях», встречаемых экспедицией. «Эти затруднения, – писал он, – исходят из враждебного направления, принятого

⁴³⁰ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 226–227.

по отношению к экспедиции некоторыми лицами местного греческого общества, имеющими поддержку в митрополии. Усвоив себе организацию археологического общества, эти лица агрессивно выступили против меня в местной прессе, пытаясь всячески тормозить успехи работ экспедиции, и, конечно, не без их подстрекательства произведено было похищение ночью значительной коллекции книг и рукописей из церкви Богородицы Златоглавой, которая служит временным складом древностей и музеем. В настоящее время, осведомившись о предстоящем окончании наших работ, эллинская партия стремится завладеть ключами от тех церквей, обращенных в мечети, которые были в моем распоряжении, и в особенности озабочена тем, что рукописи, акты и разные бумаги, собранные в церкви Златоглавой, после моего отъезда, попали в распоряжение греков»⁴³¹. Это стремление Успенский объяснял тем, что в храме хранилось немало имущественных, земельных, юридических и других документов, принадлежавших мусульманскому населению Трапезунда и окрестностей. А так как после окончания войны возникала необходимость ликвидировать споры между турками и греками о правах владения, то последние якобы и старались захватить документы. Но если даже это предположение и соответствовало действительности, то почему было бы не поступить, как сделал евангельский «неверный управитель» (Лк. 1. 1–8), которого в конечном итоге хозяин похвалил за догадливость, а Христос призвал своих учеников поступать так же.

Вместе с тем Успенский просил Закавказский комитет поручить охрану мечетей специальной комиссии в составе коменданта укрепрайона, представителя городской управы и местного муфтия.

Обращения академика имели положительный результат. В конце сентября он получил разрешение вывезти из Трапезунда акты, «имеющие политическое значение», то есть то, что можно было в будущем обменять на имущество института. А генералу Д. П. Колосовскому поручалось образовать комиссию для охраны мечетей и содержащихся в них археологических ценностей. Однако вывезти секвестрованное имущество Успенский не имел возможности. Предприятие это требовало большого труда и затраты значительных средств, к тому же все члены экспедиции уже разъехались.

Уезжая в октябре из Трапезунда, он передал под расписку доверенным лицам митрополита Хрисанфа кости императора Алексея IV, вместе с другими костями, найденными в церкви Св. Евгения⁴³².

Вернувшись в Петроград, Ф. И. Успенский написал в Академию наук довольно подробный отчет, в котором не раз выражал отрицательное отношение к археологическому кружку, организованному Ф. М. Морозовым. «Трапезундские греки, – писал он, – в особенности принадлежащие к богатому купечеству, так

⁴³¹ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 228.

⁴³² Успенский Ф. И. Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 14.

же учителя и адвокаты, подстрекаемые митрополитом, находили весьма желательным получить в свое заведывание оставленные турками мечети, бывшие до турецкого завоевания христианскими храмами. Как скоро, однако, ключи от этих зданий были переданы археологической экспедиции, начался ряд интриг и всяческих домогательств с целью заподозрить в глазах местного общества деятельность русских ученых. Образовано было даже общество из местных любителей, во главе коего поставлен, как мне потом передавали, один из членов экспедиции, которому и предлагалось вручить заведывание изучаемыми нами археологическими памятниками. На этой почве и происходили значительные затруднения...»⁴³³.

Успенский надеялся вернуться в Трапезунд летом 1918 года, но планам его не суждено было осуществиться. Имуущество же Русского археологического института в Константинополе все-таки удалось впоследствии обменять, правда, уже после смерти Ф. И. Успенского, на 15 ценных рукописных Коранов, вывезенных из Трапезунда в 1916 году.

Несмотря на враждебное отношение руководителя экспедиции, Ф. М. Морозов продолжал свою деятельность в археологическом кружке. Группировался он вокруг редакции газеты «Логос», располагавшейся на Туркестанской улице напротив управления Всероссийского земского союза. Именно там проходили собрания кружка⁴³⁴. Кроме того, через газету делались необходимые объявления, публиковались статьи краеведческого характера. Несколько публикаций об археологических находках в Трапезунде сделал в газете и Ф. М. Морозов⁴³⁵. Он сообщал об открытом им редком для истории древневизантийского права памятнике греческой письменности XII века – юридическом акте, высеченном на камне церкви Иоанна Скалистого в Трапезунде. Также он сообщал о фресковой росписи XV–XVI веков, обнаруженной им под штукатуркой в одном из крепостных зданий. Впоследствии в *curriculum vitae* Морозов указывал, что устраивал в Трапезунде периодические выставки памятников старины города и окрестностей. Скорее всего, на них экспонировались небольшие предметы, рукописные памятники, книги, монеты, а также фотографии из коллекции Морозова. В одной из таких выставок приняли даже участие члены экспедиции Академии наук⁴³⁶.

Вскоре организованный Морозовым кружок преобразовался в настоящее общество, в которое, кроме греков, вошли местные турки и армяне. Цели общества оставались прежними – охрана памятников старины Трапезунда и окрестностей и «выявление таковых среди жителей»⁴³⁷. После Октябрьской революции общество получило официальный статус Комитета по охране памятников

⁴³³ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 208.

⁴³⁴ Хроника // Трапезондский военный листок. – 1917. – № 184. – С. 2.

⁴³⁵ ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 2. Д. 62. Л. 2.

⁴³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

⁴³⁷ Там же.

старшины Трапезундского укрепрайона, а Ф. М. Морозов был назначен его секретарем. Эти полномочия он получил от Закавказского комиссариата – коалиционного правительства Закавказья, созданного в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 года при участии грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов.

Между тем Морозов по-прежнему оставался привязанным к Серафимовскому лазарету, за который нес, как уполномоченный, полную ответственность. Так, во второй половине октября ему пришлось бороться с постановлением Кавказского санитарного совета о передаче лазарета в ведение Земского союза. Для этого понадобилось выезжать в Тифлис, где вместе с главноуполномоченным Л. В. Голубевым он сумел добиться, чтобы лазарет оставался в ведении Красного Креста⁴³⁸.

В Тифлисе в это время было крайне неспокойно. В городе повсюду бродили или носились на грузовиках толпы расхлябанных солдат с винтовками, обвешанные крест-накрест патронными лентами. Вид у них был совершенно разбойничий: шинели нараспашку, рубахи без поясов, воротники не застегнуты, шапки на одном ухе или на затылке. Все грязные, небритые. Многие просто так, ради забавы, палили из ружей в воздух, и создавалось впечатление, что в городе идет бой.

Из-за огромного наплыва приезжих в городе практически невозможно было найти места для ночлега. Не хватало продуктов и все стоило невероятно дорого. Повсюду у магазинов стояли огромные очереди. Процветала спекуляция, участились грабежи и убийства.

В Тифлисе скопилась масса врачей и сестер милосердия – без дела, без средств и без перспектив на будущее. Уже после Февральской революции в госпиталях стали происходить невообразимые явления. После объявления «свободы» в них появились какие-то подозрительные типы, проводившие с ранеными «беседы», результаты которых не заставили себя долго ждать. Солдаты начали составлять из своей среды комитеты, которые и стали распоряжаться в госпиталях всем. Первым делом они повыгоняли «неугодных» врачей, фельдшеров и сестер. В отношении к персоналу проявлялась откровенная грубость, солдаты отказывались исполнять предписания врачей, пьянствовали. «Делать операции солдаты никому не позволяют, – жаловался один из тифлисских врачей. – На перевязки приходят только тогда, когда от раны идет вонь... В перевязочной, во время перевязок, идет сплошной скандал... Раненые говорят сестрам грубости и пошлости... Многие из старых сестер больше не приходят в госпиталь, – не могут примириться с ужасным положением дела!»⁴³⁹ Дошло до того, что госпитальные комитеты стали запрещать принимать новых больных и раненых, а

⁴³⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 251.

⁴³⁹ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 164–165.

то и вовсе объявляли о закрытии госпиталя. Медицинский персонал просто оказывался на улице. При этом денег никому не выдавали. Врачи с семьями и сестры милосердия съезжались в Тифлис в надежде найти работу или хоть какие-то средства к существованию, но напрасно... Даже те из врачей и сестер тифлиских госпиталей, кого не выгнали солдатские комитеты, работали без жалования, за одну только еду. И работали бесценно, день и ночь. При этом в госпиталях не имелось ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Не было мыла, даже горячей воды. Продукты питания поступали нерегулярно и в недостаточном количестве⁴⁴⁰. Смертность среди больных и раненых была огромная!

Свой комитет, а вернее совет, из числа персонала был образован и в Серафимовском лазарете. К сожалению, о деятельности лазарета во второй половине 1917 года почти не сохранилось никаких сведений. Известно, что за короткое время в нем успело поменяться несколько старших врачей. В сентябре лазарет возглавлял доктор Мачаров, в октябре – доктор Перлис, в конце года обязанности старшего врача принял доктор Беллинг.

В неизвестность...

После Октябрьской революции Кавказский фронт окончательно развалился. 5 декабря 1917 года командования русских и турецких войск заключили так называемое Ерзинкайское перемирие, после чего начался массовый отход русских частей из Западной (Турецкой) Армении на территорию России.

Отход происходил, в основном, беспорядочно и стихийно. Зачастую солдаты, не дожидаясь приказа, в одиночку, группами, а то и целыми подразделениями бросали позиции и отправлялись на родину. С Анатолийского побережья эвакуация производилась, главным образом, из Трапезунда, который в это время вновь оказался до невозможности запружен солдатами. Эта вооруженная и малоуправляемая масса практически безраздельно хозяйничала в городе и окрестностях, устраивала грабежи и погромы, наводя ужас на местное население. Повсюду тут и там собирались стихийные митинги. Кто агитировал за «учредилку», кто за большевиков, кто за кого-то еще. Солдаты слушали, шумели, спорили, но у всех было лишь одно желание – поскорее уехать домой. Больше всего солдат скапливалось в ожидании «водоходов» у пристани. Сюда же стягивалось военное снаряжение, лошади, автомобили, орудия, боеприпасы и пр. Транспорты уходили, нагруженные до предела. А из города и пригородов с шумом и гамом пребывали все новые и новые толпы в серых шинелях. Солдаты

---

⁴⁴⁰ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 183–184.

нахрапом, ругаясь, топча друг друга и сталкивая в воду, стремились во что бы то ни стало попасть на очередной отходящий транспорт, и, когда не было уже вовсе мест, висли на леерах, забирались на трубы. А те, кто оставались на берегу, страшно досадовали, кляли всех и вся, провожая в тоске уходящий «водоход». Транспорт же ходили не регулярно, так как с наступлением зимы море часто бывало беспокойным.

Во второй половине декабря Серафимовский лазарет получил распоряжение от Кавказского санитарного совета свернуться и готовиться к отправке морем в город Новый Афон на побережье Черного моря в западной Грузии (Абхазия). На базе лазарета предполагалось устроить военный санаторий, видимо, в зданиях Ново-Афонского монастыря. Еще в мае 1917 года Союз городов в целях скорейшей эвакуации больных воинов из трапезундских лазаретов решил организовать обширный госпиталь в Новом Афоне. Для получения инструкций и разрешения на реквизицию монастырских зданий в штаб армии выезжал уполномоченный Кавказского отдела Союза городов И. И. Немировский⁴⁴¹.

К началу января 1918 года Серафимовский лазарет свернулся, упаковал вещи и ожидал погрузки на транспорт. Телеграфируя об этом Л. В. Голубеву, старший врач Беллинг пытался выяснить, «на сколько мест предположена санатория, каков предположен штат врачей и сестер»⁴⁴². Однако никаких разъяснений не получил. Лазарету надлежало переправиться сначала в Батум и там ожидать дальнейших указаний.

22 января Серафимовский лазарет в составе трех врачей, одного фельдшера (Ф. М. Морозова), 14 сестер и 83 санитаров погрузился на шхуну и в тот же день отправился в путь. Имущество его составляло 350 ящиков, 11 повозок и 22 лошади⁴⁴³. Через несколько дней лазарет прибыл в Батум, но здесь его судьба также осталась неясной. 26 января Л. В. Голубев прислал доктору Беллингу телеграмму, в которой просил до выяснения дальнейшего назначения лазарета сдать все имущество в батумский приемный пункт. Медицинскому же и хозяйственному персоналу, которому не нужно было присутствовать при сдаче имущества, предписывалось прибыть в Тифлис. «С санитарями благоволите произвести расчет, – писал Голубев, – и на месте направьте их непосредственно из Батума подлежащим воинским начальникам»⁴⁴⁴.

28 января Ф. М. Морозов сдал все имущество лазарета в приемный пункт.

В начале февраля доктор Беллинг телеграфировал Голубеву: «Председатель ликвидационной комиссии в списках ликвидируемых учреждений не имеет Серафимовского лазарета. Ходатайствую об указании, могу ли приступить к

⁴⁴¹ К эвакуации больных из Трапезунда // Трапезундский военный листок. – 1917. – № 168. – С. 2.

⁴⁴² РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 276.

⁴⁴³ Там же. Л. 277.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 278.

сдаче имущества комиссии»⁴⁴⁵. Спустя три недели Л. В. Голубев сообщил Беллингу, чтобы он снова получил на приемном пункте имущество лазарета. Беллинг ответил, что в данное время в Батуме нет Ф. М. Морозова, без которого он не может принять имущество, которое примет лишь с его приездом⁴⁴⁶. Где и по каким делам находился Морозов, выяснить не удалось.

А в это время турецкие войска, воспользовавшись развалом русской армии, нарушили условия декабрьского перемирия и развернули под предлогом защиты мусульманского населения Западной Армении крупномасштабное наступление на Эрзерумском, Ванском и Приморском направлениях, почти сразу же заняв Эрзинджан.

23 февраля 1918 года Закавказский комиссариат созвал в Тифлисе сейм, в состав которого вошли депутаты, избранные от Закавказья во Всероссийское учредительное собрание, и представители местных политических партий. На первом же заседании развернулась горячая дискуссия о независимости Закавказья и отношениях с Турцией ввиду начавшегося широкомасштабного наступления турецких войск. Дашнакская фракция предложила оставить Закавказье в составе России на правах автономии, разделенной на национальные кантоны, а в отношениях с Турцией – настаивать на самоопределении Западной Армении. Азербайджанская делегация заявила, что Закавказье должно решать свою судьбу независимо от России, заключив мир с Турцией на основе отказа от вмешательства в ее внутренние дела. Грузинская сторона в основном поддержала азербайджанцев в вопросе о провозглашении независимости Закавказья и заключения самостоятельного договора с Турцией, поскольку у Закавказья не имелось сил для военного противостояния. Однако в связи с упорной позицией армян вопрос о провозглашении независимости был временно отложен.

Пока заседал Закавказский сейм, турецкие войска заняли Трапезунд, Ардаган и Эрзерум, фактически вернув себе контроль над всей Западной Арменией.

3 марта 1918 года Советская Россия подписала в Бресте мирный договор с Турцией, согласно которому последней передавались не только территории Западной Армении, но и населенные грузинами и армянами области Батума, Карса и Ардагана, аннексированные Россией после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С подписанием Брестского мира война с Турцией для России закончилась, что означало формальное прекращение существования Кавказского фронта и возможность возвращения на родину для русских войск, еще остававшихся на территории Турции и Персии.

Эти события вынудили Закавказский сейм 14 марта начать в Трапезунде сепаратные переговоры с турецким командованием. Турция, только что подписавшая на выгоднейших условиях мирный договор с Россией и уже фактически

---

⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 280.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 281–282.

вернувшаяся к границам 1914 года, потребовала от закавказской делегации признать условия Брестского мира. Однако делегация, претендуя на самостоятельность и не признавая Брестский договор, рассчитывала заключить сепаратный мир с Турцией на более выгодных условиях – восстановление государственных границ 1914 года и самоопределение для Восточной Анатолии в рамках турецкого государства. Имея военное превосходство, турецкая сторона отказалась даже обсуждать эти условия, предъявив один за другим два ультиматума с требованием признать Брест-Литовский договор и провозгласить независимость Закавказья. Однако, когда турки, воодушевленные победами, захотели перенести военные действия вглубь Закавказья, сейм прервал переговоры и отозвал делегацию из Трапезунда, официально вступив в войну с Турцией.

Остаться в Батуме Серафимовскому лазарету теперь становилось небезопасно, так как турки со дня на день могли занять город. Поэтому лазарет под руководством Ф. М. Морозова вынужден был спешно эвакуироваться железной дорогой на территорию Грузии в город Самтреди Кутаисской губернии. И снова вокзал, давка, ругань, поиск вагонов. Трудно даже представить, как Морозову удавалось управляться со своим грузом. На станциях порядка было мало, люди с ревом штурмовали вагоны, лезли в окна, висли на подножках, мостились на буферах, крышах, забирались верхом на паровоз. Из Батума переполненные составы ползли вдоль Черного моря, затем, миновав станцию Натанеби, круто уходили вправо, оставляя море позади. На протяжении всего пути, то тут, то там по обеим сторонам насыпи валялись изуродованные паровозы, вагоны, цистерны – следы разгромившейся Гражданской войны.

Уже в апреле турецкие войска заняли Батум, Озургети и всю Месхетию, дойдя почти до Боржома. На территории Грузии против турков сражался Грузинский корпус. Его командование, нуждавшееся в медицинских учреждениях, обратилось к главноуполномоченному Красного Креста Л. В. Голубеву с просьбой передать в распоряжение корпуса Серафимовский лазарет. Корпусный врач Мгеладзе планировал разместить лазарет в селении Ланчхуты, расположенном в Озургетском уезде Кутаисской губернии, и просил главноуполномоченного поторопить его развертывание. На это Л. В. Голубев ответил, что открытие лазарета в Ланчхутах задерживается ввиду сообщенного Джавоховым заявления командира Грузинского корпуса «об отсутствии в нем необходимости в означенном пункте»⁴⁴⁷. Но через несколько дней он уже сообщал телеграммой заведующему санитарной частью отдела снабжения при Верховном совете, что отдал «срочные распоряжения об открытии Серафимовского лазарета в Ланчхутах»⁴⁴⁸.

Однако лазарет туда так и не выехал, оставшись на прежнем месте. Когда в начале мая вспыхнула эпидемия сыпного тифа, Кавказское правительство в лице министра внутренних дел обратилось к Л. В. Голубеву с просьбой

⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 286.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 271.

незамедлительно доукомплектовать лазарет врачебно-санитарным персоналом и открыть его для борьбы с эпидемией. Главноуполномоченный отдал распоряжение Ф. М. Морозову спешно развернуть лазарет в Самтреди для заразных больных пока на 50 коек. Медицинский персонал в ближайшие дни должен был выехать из Тифлиса⁴⁴⁹.

Через некоторое время Ф. М. Морозов получил распоряжение оборудовать лазарет уже на 100 мест, для чего было предоставлено дополнительное помещение и запрошен персонал. Кроме того, Л. В. Голубев просил выделить из имущества Серафимовского лазарета оборудование для 30 коек и срочно выслать в город Сурам, где организовывался лазарет доктором Шалыгиным⁴⁵⁰.

12 июня 1918 года к Л. В. Голубеву по поводу имущества Серафимовского лазарета обратился Закавказский русский национальный совет. Эта политическая организация была создана в том же году русскими кадетами и меньшевиками для отстаивания прав русского населения в Закавказье. Совет просил «ввиду крайней необходимости в организации хирургического лазарета на 100 коек для обслуживания беженцев», срочно отдать указание о предоставлении имущества лазарета в свое распоряжение. Совет добавлял, что его ходатайство усиленно поддерживает заместитель экзарха епископ Феофилакт (Клементьев)⁴⁵¹.

Думается, что инициатива по передаче имущества Серафимовского лазарета в ведение Русского национального совета исходила от Ф. М. Морозова. Видимо он не хотел, чтобы средствами лазарета распоряжалось грузинское правительство, в то время как тысячи русских людей, оказавшихся в бедственном положении на Кавказе, нуждались в медицинской помощи. К тому же нашелся и человек, к которому можно было обратиться за содействием – Елисаветпольский епископ Феофилакт, управлявший в это время Кавказским экзархатом. С ним Морозов познакомился еще в Минске, где владыка занимал тогда должность викарного епископа.

Отзываясь на просьбу Русского национального совета, Л. В. Голубев направил пространное ходатайство председателю грузинского Комитета снабжения Д. А. Топуридзе. Сложность была в том, что в Закавказье в это время остро сталкивались национальные, политические, религиозные, имущественные и прочие интересы. Поэтому необходимо было «договариваться». Сам Д. А. Топуридзе, известный меньшевик, после Февральской революции занимал в Саратове пост губернского комиссара, однако был изгнан в октябре 1917 года большевиками. Вернувшись на родину в Грузию, он вошел в состав местного меньшевистского правительства. Призванный защищать грузинские национальные интересы, Топуридзе, тем не менее, оставался человеком трезвомыслящим. В обращении к нему Л. В. Голубев, кратко изложив историю формирования и деятельности

---

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 287–289.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 290.

⁴⁵¹ Там же. Л. 294.

Серафимовского лазарета, деликатно указывал, что его имущество и оборудование приобретены петроградским комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений России на частные пожертвования, «имевшие специальное назначение», и составляют собственность этого комитета. Ввиду этого Л. В. Голубев просил предоставить имущество лазарета во временное пользование Русскому национальному совету для организации лазарета для беженцев, с тем «чтобы в будущем это имущество было бы возвращено его юридическому владельцу» – комитету духовно-учебных заведений⁴⁵². Главноуполномоченный, конечно, умалчивал, что комитет к этому времени уже формально перестал существовать, как и многие духовно-учебные заведения, откуда поступали в свое время пожертвования на содержание лазарета. Но это было не главное...

Ссылался Л. В. Голубев и на ходатайство представителя Русской Церкви епископа Феофилакта. «Со своей стороны, – заключал он, – я считал бы возможным удовлетворить ходатайство Русского Национального Совета как ввиду принадлежности имущества Серафимовского лазарета Комитету духовно-учебных заведений России, так и ввиду того, что оказание помощи беженцам составляет также одну из задач Красного Креста»⁴⁵³.

Комитет снабжения не стал удерживать имущество лазарета. Забрав его со склада и оформив необходимые бумаги, Ф. М. Морозов по железной дороге перевез полученный груз в приморский город Поти Кутаисской губернии. 18 июля он передал имущество во временное пользование Русскому национальному союзу для устройства врачебно-питательного пункта. Видимо, Морозов сам и организовал его, находясь при нем в качестве заведующего и распорядителя имуществом по должности уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений.

К этому времени относится очень важный, в буквальном смысле героический, эпизод жизни Ф. М. Морозова, а именно – эвакуация им с территории, занятой турками, двух эшелонов русских раненых. Организовал он и возглавил эту эвакуацию, воспользовавшись своим удостоверением уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Проходила она в чрезвычайно сложных условиях, так как на железных дорогах царила настоящая вакханалия. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось вывезти раненых и тем спасти несколько тысяч русских солдат. К сожалению, подробности этого события неизвестны. О нем Ф. М. Морозов рассказывал лишь немногим близким знакомым⁴⁵⁴.

Из рассказов Федора Михайловича известен и другой эпизод его биографии этого времени, едва не ставший для него роковым. Неизвестно, правда, когда именно, но можно предположить, что во второй половине 1918 года

⁴⁵² РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 295–295 об.

⁴⁵³ Там же. Л. 295 об.

⁴⁵⁴ Сапунов Борис. Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

Ф. М. Морозов был арестован в Тифлисе грузинскими националистами-меньшевиками. Обвиненный как шпион и агент русских большевиков, он был приговорен к смертной казни и заключен до времени в Метехский замок⁴⁵⁵. Замок этот – древняя цитадель и местопребывание грузинских царей, воздвигнутый в V веке на скалистом левом берегу реки Куры, за свою историю неоднократно разрушался и перестраивался. В начале XIX века на месте его старых укреплений построили тюрьму, в которой содержались политические заключенные. Политической тюрьмой замок оставался и при правительстве меньшевиков. Какое-то время Ф. М. Морозов провел здесь в ожидании казни. Условия содержания в это время были просто нечеловеческими. Арестантов почти не кормили, так как продукты отсутствовали. В переполненных камерах истощенные люди массово умирали от болезней и в первую очередь от «сыпняка» – сыпного тифа, свирепствовавшего повсюду. Вот что рассказывал побывавший в камере «смерти» примерно в то же время настоятель тифлисского Военного собора протоиерей Павел Смирнов: «В этой камере заключенные умирали почти поголовно. Она была заражена сыпным тифом. Совершенно почти темная, она вмещала в десять раз больше жильцов, чем предполагалось. Люди лежали на полу и под нарами. В крошечное оконце не проникал не только свет, но и воздух. В ней не всегда была даже вода для питья... Часто умершие лежали среди живых по суткам. На просьбы и мольбы заключенных дать воды, или вынести тело умершего, мы слышали только смех или угрозы расправиться с нами. О медицинской помощи и думать было нечего... Меня впихнули в эту камеру, смрадную и кишашую насекомыми, для того, чтобы и я разделил участь других обреченных, часто ни в чем не повинных людей... Нужно было чудо, чтобы не заболеть и не умереть там...»⁴⁵⁶.

Чудо случилось и с Морозовым: благодаря вмешательству Красного Креста ему удалось выбраться из тюрьмы.

Он по-прежнему оставался при лечебных заведениях, организуемых на базе имущества бывшего Серафимовского лазарета. Несмотря на бурные события и тяжелую обстановку, Морозов и в это время не оставлял занятий археологией. Известно, что в 1919 году он имел поручение от Кавказского музея вести регистрацию и охрану памятников старины Кутаисской губернии и Сванетии⁴⁵⁷. К этому времени Морозов уже неплохо освоил грузинский язык, что помогало ему в работе.

Между тем развернувшееся на Кавказе белое движение втянуло его в кровавый водоворот Гражданской войны. К началу 1919 года Северный Кавказ заняла Добровольческая армия генерала А. И. Деникина⁴⁵⁸, переименованная

⁴⁵⁵ Сапунов Борис. Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

⁴⁵⁶ Семина Х. Д. Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 281–282.

⁴⁵⁷ АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

⁴⁵⁸ Кажется, Морозову лично довелось общаться с генералом Деникиным, к которому он до конца дней сохранял неизменное уважение. Будучи уже в преклонных годах Морозов позволял себе даже открыто

вскоре в Кавказскую Добровольческую армию и перешедшая под командование генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля. В ее составе Ф. М. Морозов оказался вместе с лазаретом, имуществом которого заведовал. При Добровольческой армии он так же состоял как уполномоченный Красного Креста. Работал в городе Майкопе, занимаясь вопросами организации и обеспечения медицинских учреждений⁴⁵⁹.

Первая конная

В начале 1920 года большевики поставили целью разгромить Добровольческую армию и занять Северный Кавказ. Начались упорные кровопролитные бои с переменным успехом. Однако вскоре ситуация изменилась в пользу Красной армии и «белые» постепенно стали терять позиции. В начале марта Добровольческая армия уже практически не могла сопротивляться стремительному натиску «красных» и отступила к Новороссийску для эвакуации морем в Крым.

22 марта части 1-й конной армии⁴⁶⁰ С. М. Буденного заняли Майкоп. Морозов не ушел из города с остатками Добровольческой армии, а остался с ранеными. Здесь он попал в плен к красным и снова пережил ужас перед расправой, допросы. Однако вновь выручили документы уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Между тем красные крайне нуждались в госпиталях и медицинском персонале, поэтому Морозова назначили заведующим хозяйством 1-го хирургического госпиталя конармии, сформированного, по всей видимости, на базе имущества бывшего Серафимовского лазарета. Госпиталь находился при штабе С. М. Буденного⁴⁶¹. Поначалу Морозов работал как военнопленный, но затем был мобилизован в состав Красной армии.

В связи с нападением Польши на Советскую Россию Реввоенсовет решил перебросить 1-ю конармию с Северного Кавказа на Украину и включить в состав Юго-Западного фронта. Туда же вместе с хирургическим госпиталем предстояло отправиться и Ф. М. Морозову.

Из Майкопа армия Буденного вышла 3 апреля. По дороге разгромила в Гуляйполе отряды батьки Махно и к северу от Екатеринослава переправилась через Днепр. Поход проходил в очень трудных условиях. Постоянно ощущался

высказывать симпатии к знаменитому генералу. Подобные «откровения» в советское время расценивались не иначе как идеологическое преступление, однако Федора Михайловича уже никто не трогал из-за его возраста.

⁴⁵⁹ АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

⁴⁶⁰ 1-я конармия была создана по приказу Реввоенсовета Южного фронта в ноябре 1919 г. на базе трех дивизий 1-го конного корпуса С. М. Буденного, усиленных через некоторое время двумя кавказскими дивизиями, отдельной кавказской бригадой особого назначения, автобронеотрядом, несколькими бронепоездами, авиагруппой и другими небольшими частями.

⁴⁶¹ ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 2 об.

острый недостаток продовольствия и особенно фуража. Обильные весенние дожди совершенно испортили дороги. Осложняла поход и борьба с махновцами, дивизии находились в постоянном напряжении⁴⁶². За месяц армия прошла около 1200 километров.

Появление Буденовской конницы на Юго-Западном фронте переломило ситуацию в пользу Красной армии.

После сосредоточения в районе Умани 1-я конармия приняла участие в Киевской операции, составив главную ударную группировку фронта. Сначала она вела бои с отрядами белого атамана Куровского, а затем с польскими войсками. Схватки шли ожесточенные, с большими потерями с обеих сторон.

Лишившись многих бойцов в первые дни сражений, Буденный решил изменить тактику: вместо лобовых атак, малоуспешных в данных условиях, он намеревался прорвать польский фронт в наиболее уязвимом месте и затем действовать в глубоком тылу противника. Но для этого требовалась от соединений большая маневренность, для чего решили освободить дивизии от лишнего груза. Разрешалось брать только обозы первого разряда с боеприпасами, продовольствием и санитарные отряды⁴⁶³. Вот именно в этих условиях особенно пригодились опыт и энергия Ф. М. Морозова. Известно, что он занимался организацией передовых санитарных отрядов и сам в них работал⁴⁶⁴.

В тяжелейших условиях, в постоянном движении, часто находясь на пределе сил, 1-я конармия вела кровопролитные бои с польскими частями. После освобождения Киева она продолжала сражаться на западном направлении, заняла с боями города Новгород-Волынский, Ровно. Огромная, непосильная работа в условиях походно-боевой жизни лежала на плечах медицинской службы. При этом нужда самая острая ощущалась буквально во всем: не хватало подвижных госпиталей, врачей, перевязочных средств, медицинских инструментов, транспорта, постельных принадлежностей, продовольствия... В имеющихся госпиталях не хватало мест... Но главным бичом были инфекционные заболевания. Врачей, по свидетельству С. М. Буденного, не хватало из-за того, что большинство военных медиков после революции остались в лагере белых, а в Красной армии работали лишь немногие, вставшие на сторону советской власти, и «некоторые медицинские работники, захваченные в плен вместе с белогвардейскими госпиталями». Поэтому каждому медработнику конармии приходилось работать за троих, с невероятным напряжением сил. «Трудно подобрать слова, – вспоминал командарм, – в полной мере характеризующие героический труд наших врачей, фельдшеров, медицинских сестер, санитаров. Их работа была непрерывным подвигом. И все же им не хватало времени, чтобы

⁴⁶² Буденный С. М. Пройденный путь. Книга вторая. – М.: Воениздат, 1965. – С. 51–71.

⁴⁶³ Там же. – С. 100–101.

⁴⁶⁴ АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. 4 об.

оказать помощь всем пострадавшим. Кончался один обход, начинался другой. И зачастую так продолжалось до тех пор, пока врач не выбивался из сил или сам не заболел»⁴⁶⁵.

Когда-то Ф. М. Морозов мечтал попасть на передовую, в гущу событий. И вот желание его исполнилось. Он смог в полной мере прикоснуться к деятельности самоотверженной, жертвенной, требующей предельной самоотдачи. Но только раньше он мечтал послужить Родине, вступившей в противостояние с внешним врагом, теперь же она пылала в огне Гражданской войны. Множество непреодолимых причин разделило людей на враждующие лагеря, и они со звериной яростью стремились уничтожить друг друга. Сколько ужасающих сцен за эти годы пришлось увидеть Морозову, сколько трагедий и неопишуемых страданий...

В конце июля – начале августа конармия вела тяжелые бои под Львовом, но накануне взятия города получила приказ отступить в связи с ухудшением общего положения на Западном фронте. Армию сначала вывели в резерв, а затем направили на Южный фронт против белогвардейских войск генерала Врангеля. В этих боях Ф. М. Морозов уже не участвовал, оставшись в Киеве при госпитале, хозяйством которого заведовал. Видимо, он не хотел больше видеть, как убивают друг друга соотечественники, как гибнут те, на чьей стороне он еще недавно был и для которых организовывал медицинскую помощь. Он больше не хотел наблюдать кровавую драму братоубийственной войны.

Зимой 1920/21 года армия Буденного вела бои с частями махновцев в Левобережной Украине, а затем уничтожила повстанческую армию генерала М. А. Пржевальского на Северном Кавказе. В мае 1921 года 1-ю конную расформировали. Приблизительно в это же время или несколько раньше Ф. М. Морозов демобилизовался из Красной армии.

Так для Федора Михайловича завершился тяжелый период военного лихолетья. Эти годы стали для него суровой школой, закалившей его и давшей огромный жизненный опыт. Но, с другой стороны, война истерзала его душу и надломилась здоровье...

В разгар революционных событий из жизни ушли два дорогих для Морозова человека, с которыми он даже не смог проститься и проводить в последний путь. В марте 1917 года умер профессор Н. В. Покровский. В апреле следующего года после продолжительной болезни в Белоострове скончался профессор И. А. Шляпкин. Морозов, видимо, даже не сразу узнал о кончине незабвенного Ильи Александровича, которому многим был обязан и которого искренне любил.

Незадолго до смерти И. А. Шляпкина из жизни ушел и Н. И. Веселовский, с которым Морозов вел переписку зимой–весной 1917 года.

Годы Гражданской войны окончательно размежевали «старую» и «новую» Россию. Старая уже отходила в область воспоминаний, а новая только

⁴⁶⁵ Буденный С. М. Указ. соч. – С. 350.

нарождалась – в мучительных страданиях. Уже ничто не в силах было изменить ход истории.

Устанавливая повсюду свою власть, советское правительство, между тем, разворачивало широкомасштабную борьбу с религией и в первую очередь с Русской Православной Церковью. Еще до революции авторитет Церкви в народе заметно упал. Причины были разные, но одной из главных было слияние Церкви с государством – плачевная «симфония», ставшая для Церкви источником многочисленных бед. Церковь воспринималась уже не как народная, а как оплот монархического государства, против которого была направлена революционная борьба.

Теперь предстояло жить в новых реалиях, в атмосфере религиозных преследований и идеологического террора. Вместе с тем Морозова ждала впереди огромная работа по спасению памятников культуры, и в первую очередь церковных...